

Роберт ГОВАРД

МОЛЧАНИЕ ИДОЛА

Сага заброшенных храмов

Роберт И. Говард

МОЛЧАНИЕ ИДОЛА

Сага
заброшенных
храмов

"СЕВЕРО-ЗАПАД"
Санкт-Петербург

1999

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Г 57

Говард Р. И.

Г57 Молчание идола: Сага заброшенных храмов: Повесть и рассказы. / Пер. с англ.— СПб.: Северо-Запад, 1999. — 448 с.

ISBN 5-87365-048-9.

В новом томе собрания сочинения Роберта Ирвина Говарда читателей ждет встреча с давно полюбившимися героями. В нью-йоркских трущобах и в горах Афганистана, под палящим солнцем пустыни и среди бушующих океанских волн они вступают в битву не на жизнь, а на смерть с приспешниками Древнего Зла.

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора.*

Издательство выражает благодарность David Wynn за предоставленные редкие прижизненные издания Роберта И. Говарда и архивные материалы.

ISBN 5-87365-048-9

© Ken Kelly, 1991
© «Северо-Запад», подготовка текста, серийное оформление, 1998

ХОЗЯИН СУДЬБЫ

Омар Хайям

B

первые ужас принял совершенно кошмарные очертания посреди самого расплывчатого из состояний — грез, внушенных гашишем.

Я отправился в путешествие вне времени и пространства, посещая неведомые страны, принадлежащие этому состоянию бытия, за миллионы миль от нашей земли и от привычной обстановки;

и все же смутно осознал, как что-то безжалостно разрывает нависшую надо мной вуаль иллюзий и тянется за мной сквозь неизведанные пустоты, вторгаясь в мои видения.

Полностью я еще не очнулся от грез, но уже понял, что вижу и ощущаю нечто неприятное, находящееся вроде бы в границах сна, которым я наслаждался.

Тому, кто ни разу не испытал даримых гашишем радостей, мои объяснения могут показаться бессвязными и неправдоподобными. Но все-таки я ясно ощущал, как меня вырывают из тумана и в поле моего зрения вторглось это лицо.

Сначала мне привиделся только череп, потом я разглядел черты лица — не белого, а ужасающе желтого, и какая-то жуткая форма жизни угадывалась в нем. Глубоко в глазницах поблескивали глаза, а челюсти двигались, как будто существо говорило. Туловище было расплывчатым, словно не в фокусе, я различал только высокие узкие плечи, а еще руки, плывущие в тумане перед черепом, — они выглядели до ужаса живыми, у меня даже мурашки пошли по спине. Руки, точно у мумии, — длинные, тонкие и желтые, с узловатыми суставами и страшными кривыми когтями.

Затем, довершая смутный ужас, который быстро овладевал мною, раздался голос: представьте себе человека, который так долго был покойником, что весь его голосовой аппарат застоялся и утратил дар членораздельной людской речи.

Меня поразила именно эта мысль, и волосы у меня на затылке встали дыбом, когда я услышал:

— Силен, скотина, но может пригодиться. Проследи, чтобы он получал вволю гашиша.

Затем лицо начало таять в воздухе, но я уже понял— это говорят обо мне, и тут снова поднялся туман, чтобы сомкнуться вокруг меня. И все же в течение одного-единственного мгновения происшедшее стояло перед глазами с удивительной четкостью.

Я задержал дыхание — во всяком случае, попытался это сделать. Потому что за высокими плечами призрака ненадолго явилось другое лицо — так ясно, будто обладательница его внимательно посмотрела на меня. Полураскрытые алые губы, длинные темные ресницы, затеняющие живые глаза, сверкающее облако волос. Из-за плеча Кошмара смотрела на меня захватывающая дух Красота.

* * *

Лицо-Череп явилось мне в тот обычно ни с чем не пересекающийся отрезок времени, который лежит между погружением в наркотические грезы и обыденной реальностью. Я сидел, скрестив ноги, на циновке в Храме Грез Юн Шату и пытался собрать жалкие остатки разрушающегося разума, чтобы припомнить события и лица.

Это последнее видение настолько разительно не походило на любое из тех, какие у меня бывали прежде, что мой охладевающий интерес вновь проснулся и заинтересовался его происхождении-

ем. Когда я впервые баловался гашишем, я пытался найти физиологическую или физическую основу для дикого разгула иллюзий, свойственных подобным случаям, но в последнее время довольствовался тем, что просто наслаждался, не ища ни причины, ни следствия.

Откуда же безотчетное ощущение, будто в том видении промелькнуло что-то знакомое? Я обхватил руками пульсирующую голову и упорно искал разгадку. Оживший мертвец и девушка редкой красоты, которая смотрела из-за его плеча... И тут я вспомнил.

Далеко-далеко позади, за туманами дней и ночей, которые окутывают поврежденную наркотиками память... Как-то раз у меня кончились деньги. Несмотря на это, я, как обычно, явился в отвратительное заведение Юн Шату, и меня вышвырнул оттуда громадный негр Хассим, как только выяснилось, что в кармане у меня пусто.

Вселенная вокруг меня с грохотом разваливалась на куски, нервы гудели, точно туго натянутые струны рояля,— так необходимо было мне удовлетворить свою потребность. Я присел в канаве и что-то невнятно лепетал, пока Хассим не вышел вразвалочку на улицу и не заставил меня умолкнуть сокрушительным ударом.

Через некоторое время, почти оглушенный, я поднялся и стоял пошатываясь, не замечая ничего, думая только о прохладной воде, которая журчала так близко от меня,— и тут легкая, точно прикосновение розы, рука дотронулась до моего плеча. В испуге я вздрогнул, обернул-

ся — и застыл очарованный прекрасным видением. Темные ясные глаза с жалостью взглянули на меня, и маленькая рука за изодранный рукав повлекла меня к дверям Храма Грез. Я отшатнулся было, но низкий, мягкий и мелодичный голос убеждал идти, и, вопреки всякой логике полный доверия, я поплелся за своей милой проводницей.

У дверей нас встретил Хассим, его жестокие кулаки поднялись, а на низком, точно у обезьяны, лбу прорезалась глубокая морщина. Но, когда я съежился в ожидании удара, негра остановила воздетая рука девушки и властная интонация ее голоса.

Я не разобрал ее слов, но смутно, будто в тумане, увидел, что Хассим получил от нее деньги. Она провела меня к кушетке, помогла лечь удобнее и расправила подушки, словно я был египетским фараоном, а не оборванным и грязным выродком, живущим только ради дурмана. На мгновение я почувствовал на лбу прохладу ее тонкой руки, а потом девушка удалилась, и тут же пришел Юсеф Али и принес порошок, о котором отчаянным криком молила моя душа, — и вскоре я опять бродил по неизведанным и экзотическим странам, доступным только пленникам гашиша.

Ныне, сидя на циновке и вспоминая мертвую голову, я удивляюсь еще больше. С тех пор как юная незнакомка привела меня в притон, я приходил туда, когда хотел, даже не имея денег. Безусловно, кто-то расплачивался с Юн Шату за меня, и хотя подсознание говорило мне, что

деньги дает та самая девушка, помраченный разум не мог полностью осознать этот факт и отказывался размышлять о причине. Что проку в размышлениях? Раз кто-то платит и мои грезы, так похожие на явь, продолжаются, какая мне забота? Но на этот раз я крепко задумался. Потому что девушка, которая тогда защитила меня от Хассима и помогла получить гашиш, была та самая красавица, которую я видел в грезе о мертвой голове.

Пускай я погряз в пороке и деградировал, ее обаяние поразило меня, точно нож пронзил самое мое сердце, и странным образом ожила память о тех днях, когда я был таким же человеком, как другие, а не угрюмым и покорным рабом дурмана. Ах, как они были далеки и туманны, мерцающие островки в дымке лет, и какое огромное темное море пролегло между прошлым и настоящим!

Я посмотрел на свой изорванный рукав, на грязную, с неопрятными, точно кривые когти, ногтями руку, торчащую из обшлага, взглянул на густой дым, повисший в мерзком помещении, на низкие скамьи вдоль стен, где валялось отребье вроде меня — любители грез с пустыми глазами, потребители гашиша и опиума. Посмотрел на вертлявого китайца, неслышно скользящего взад и вперед в комнатных туфлях, — он разносил трубки или горящие шарики очищенного опия, мерцающие, как светлячки. Посмотрел на Хассима, стоящего, сложив руки на груди, возле двери, словно огромная статуя из черного базальта.

И я содрогнулся и спрятал лицо в ладонях, потому что теперь, когда мое мужество возвращалось по капле, я понял, что это последнее и самое жестокое сновидение бесполезно: я уже пересек океан и никогда больше не вернусь по его водам, я навсегда отрезал себя от мира нормальных мужчин и женщин. Ничего более не оставалось, как погрузиться в это сновидение, как я уже проделывал много раз — быстро, в надежде вскоре достигнуть Последнего Океана, который лежит за пределами всех грез.

Таковы бывают эти миги прояснения, острой тоски, которые временами прорываются сквозь туман в сознании всех жертв наркотиков — необъяснимые и недостижимые...

Итак, я вернулся к своим бессмысленным грезам, к фантазмагории иллюзий; но время от времени, точно острие меча, вспарывающее туманную завесу, сквозь высокие горы, низкие долины и глубокие моря проникал блеск темных глаз и гладких волос, точно полузабытая музыка.

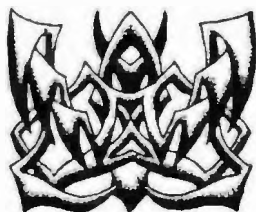
Вы спросите, каким образом я, Стивен Костиген, американец с разносторонними знаниями и не чуждый культуре, дошел до того, что валяюсь в грязном притоне лондонского Лайм-хауза? Ответ прост: нет, никогда я не предавался изнуряющим оргиям и не искал новых ощущений на таинственном Востоке. Ответ заключается в одном коротком слове: Аргонн! Боже, что за бездны и высочайшие пики ужаса скрываются в этом словечке! Контужен разрывом снаряда, ранен осколками. Бесчисленные дни и ночи,

не имеющие конца, ревушая адская красная пропасть над ничейной землей, где я лежал, простреленный и пронзенный штыком, и моя искромсанная плоть сочилась кровью. Тело мое исцелилось — не знаю уж, каким чудом, но мозг так и не пришел в порядок.

И скачущие языки пламени вместе с тенями, колышавшимися в измученном сознании, заставляли меня опускаться все ниже и ниже по ступеням деградации, и я превращался в жалкое ничтожество, пока не оказался наконец в Храме Грез Юн Шату, где утопил свои алые видения в других снах... которые позволяют опускаться в самые глубокие ямы ада или подниматься на безымянные вершины, где звезды превращаются в блистающие алмазы.

Нет, мои видения не были животным бредом пьяницы. Я достигал недостижимого, стоял лицом к лицу с неизведанным и познавал неразгаданное в космическом покое. И был до известной степени доволен, пока отполированные до блеска волосы и алые губы не отшвырнули прочь мою вселенную грез и не заставили меня содрогаться над ее развалинами.

Глава вторая ХОЗЯИН СУДЬБЫ

Тот, Кто тебя швырнул
на это Поле,
Он знает все об этом!
Знает! Знает!
Омар Хайям

4

— ья-то рука грубо тряхнула меня, когда я в медленной истоме расставался со своими последними видениями.

— Тебя Хозяин требует! Поднимайся, свинья!

— Пошел он ко всем чертям, твой хозяин! — Хассима я ненавидел и боялся.

— Вставай, не то больше не получишь гашиша. — Эта

угроза заставила меня содрогнуться и вскочить на ноги.

Я следовал за громадным негром по комнатам в задней части здания, где на полу валялись жалкие одурманенные люди; он едва не наступал на них.

— Свистать всех наверх! — рявкнул какой-то матрос на койке. — Всех наверх!

Хассим распахнул очередную дверь и жестом велел войти. Никогда прежде я не проходил через эту дверь, однако всегда полагал, что она ведет в личные покои самого Юн Шату. Но меблировка этой комнаты состояла только из простой кровати, бронзового идола, перед которым курились благовония, и массивного стола.

Хассим бросил на меня зловещий взгляд и ухватился за стол, как будто собирался сдвинуть его с места. Стол легко повернулся, и вместе с ним повернулась секция пола, и открылся потайной люк. Вниз, в темноту, вели ступени.

Хассим зажег свечу и властным жестом приказал мне спускаться. С равнодушной покорностью наркомана я так и поступил, а он двинулся следом, плотно закрыв за нами люк при помощи железного рычага. Мы спускались в полутьме по шатким ступеням, я насчитал их девять, а может десять. Затем мы очутились в узком коридоре.

Здесь Хассим снова пошел впереди, держа свечу в поднятой руке. Я с трудом различал стены этого пещерообразного тоннеля, но понял, что он неширок. Мерцающий свет показывал, что в коридоре нет никакой мебели,

кроме ряда странных на вид сундуков, стоявших у стены. Я предположил, что в них хранят опиум и другие наркотики.

Непрерывно слышались какие-то шорохи и постукивание, как будто кругом двигались живые существа, а в тенях то и дело посверкивали красные глазки, — в этом притоне кишмя кишели огромные крысы, которые, как известно, наводняют весь портовый район Лондона.

Внезапно мы приблизились к концу коридора, и перед нами из темноты снова возникли ступеньки. Хассим повел меня наверх, а там четыре раза стукнул в деревянный потолок. Открылась потайная дверь, на нас устремился поток неяркого света.

Хассим грубо вытолкнул меня наверх, и вот я стою, помаргивая от изумления. Подобной обстановки я ни разу не видал даже в самых неистовых полетах фантазии. Я оказался в джунглях, кругом росли пальмы, в их ветвях извивались мириады совершенно живых на вид драконов. Когда мои глаза привыкли к свету, я понял, что вовсе не перенесся на другую планету, как мне показалось сперва. Искусственные деревья стояли в больших кадках, а драконы были изображены на тяжелых коврах, покрывающих стены.

Сама комната показалась невероятно громадной. Густой дым, желтоватый и, похожий на туман тропического леса, висел кругом и не давал разглядеть потолок. Присмотревшись, я понял, что дым идет от алтаря, расположенного слева от меня, у стены. Я невольно вздрог-

нул. Сквозь колыхания шафранового тумана на меня в упор смотрели два огромных сверкающих неживых глаза. С трудом угадывались туманные очертания чудовищного идола. Я в тревоге огляделся, заметил восточные диваны, кушетки и непонятную утварь, а затем мой взгляд перестал блуждать и остановился на деревянной ширме, находившейся прямо передо мной.

Я не мог проникнуть взором сквозь нее, но ощущал, как сквозь лакированное дерево мое сознание опаляют глаза, которые, казалось, вонзились мне в самую душу. От этой странной ширмы, украшенной непонятной резьбой и омерзительными рисунками, исходила загадочная злая аура.

Хассим склонился перед ширмой в глубоком поклоне, затем, не произнося ни слова, отступил и скрестил руки на груди, застыл подобно статуе.

Внезапно гнетущее молчание нарушил голос:

— Ты, превратившийся в свинью! Хотел бы снова стать человеком?

Я содрогнулся. Голос звучал не по-человечески холодно, более того, он как будто исходил от речевых органов, долгое время бездействовавших. Этот самый голос я слышал в своих видениях!

— Да,— ответил я, точно в трансе,— я хотел бы снова стать человеком.

Тут кругом воцарилось молчание, затем опять зазвучал нечеловеческий голос. Я услышал зло-

вещий шепот, словно летучие мыши вылетали из пещеры.

— Я сделаю тебя человеком, потому что я друг всем сломленным и опустившимся. Я совершу это не за плату и не за благодарность. И я отмечу тебя особым знаком, дабы скрепить им, как печатью, мое обещание. Просунь руку через ширму.

Внимая этим странным и малопонятным словам, я стоял в недоумении. Когда же голос невидимого повелителя повторил требование, я шагнул вперед и просунул руку в щель, которая вдруг беззвучно образовалась в ширме. И почувствовал, как мое запястье словно железные клещи сдавили, и что-то холодное, в несколько раз холоднее льда, дотронулось до ладони. Тут же мою руку освободили, и я, выдернув ее из ширмы, увидел голубоватый рисунок возле основания большого пальца — нечто вроде скорпиона.

Снова зазвучал голос. Я не понимал этого языка, только слышал, что он изобилует шипящими. Хассим почтительно шагнул вперед. Он потянулся к ширме, потом повернулся ко мне, держа в руках бокал, наполненный жидкостью янтарного цвета. С ироническим поклоном Хассим подал бокал мне. Я смотрел на сосуд, колеблясь.

— Пей, не бойся,— приказал невидимка.— Это всего лишь египетское вино, оно обладает свойством поддерживать жизнь.

Я поднял и осушил бокал. Вкус оказался довольно приятен; более того, когда я вернул

сосуд Хассиму, мне показалось, что жизненная энергия и бодрость так и струятся по изнуренным венам.

— Оставайся в доме Юн Шату,— продолжал невидимка.— Здесь у тебя будут пища и кров, пока ты не наберешься сил, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Гашиш ты отныне получать не будешь, да он и не понадобится. Ступай!

Как во сне, я проделал за Хассимом обратный путь: через потайную дверь, вниз по ступенькам, по темному коридору и наверх, через другую дверь, назад в Храм Грез.

Когда мы попали в зал, где лежали грезящие, я удивленно повернулся к негру.

— Хозяин? Хозяин чего? Жизни?

Хассим зло и язвительно расхохотался.

— Хозяин Судьбы!

Глава третья ПАУК И МУХА

Не отыскал ключа я
к тем дверям,
Вуаль туманно
трепыхалась там.
Омар Хайям

Я

сидел на подушках Юн
Шату и размышлял с непри-
вычной ясностью рассудка.
Вообще все мои ощущения об-
новились и казались странны-
ми. Как будто я проснулся после
чудовищно долгого сна, и,
хотя мысли путались, чудилось,
что с меня смели львиную долю
налипшей паутины.

Я дотронулся до лба ру-
кой и заметил, что она дро-

жит. Меня одолевала слабость, и каждое движение давалось с трудом, напоминал о себе голод. Нет, не наркотик мне был нужен, а самая обычная пища. Что же это я подавил в себе, пока находился в том таинственном помещении? И почему из самых убогих посетителей заведения Юн Шату «Хозяин» избрал именно меня и захотел вернуть к полноценной жизни?

И кто он такой, этот Хозяин? Было в этом слове что-то знакомое. Я тщетно напрягал память. Да, конечно, раньше, когда я в полудреме лежал на полу, это слово мрачно шептали то Юн Шату, то Хассим, то мавр Юсеф Али, и всегда вместе с этим словом звучали другие, которых я не понимал. Значит ли это, что Юн Шату вовсе не владелец Храма Грез? Я, как и другие наркоманы, считал, что старый китаец с увядшей физиономией безраздельно владеет этим грязным королевством, а Хассим и Юсеф Али — его слуги. А четверо юных китайцев, которые жгут опиум наряду с Юн Шату, и афганец Ярхан, и гаитянин Сантьяго, и сикх-вероотступник Ганра Сингх — все они, как мы полагали, на жаловании у Юн Шату, служат ему за золото или под страхом расправы.

Потому что Юн Шату обладал большой властью в Китайском квартале Лондона, и я слышал, что его щупальца тянутся за далекие моря, в высшие сферы могущества и таинственных языков. Так не сидел ли за той лакированной ширмой Юн Шату? Нет: голос китаец я знал, кроме того, видел, как он слонялся перед входом в

Храм как раз в ту минуту, когда я проходил через заднюю дверь.

Мне пришло в голову другое. Частенько, лежа в полуоцепенении поздно ночью или в часы серого рассвета, я замечал, как в Храм украдкой проскальзывают мужчины и женщины, которые, судя по их одежде и манере держаться, не особенно вязались с этим злачным местом. Высокие, атлетически сложенные мужчины в вечерних костюмах и надвинутых на самые брови шляпах, красивые дамы в шелках и мехах, прикрывающие лица вуалями, — никогда они не входили парами, всегда поодиночке, и, стараясь спрятать лицо, спешили к двери задней комнаты, а через некоторое время показывались снова, иной раз пробыв в Храме целые часы. Я знал, что иногда и высокопоставленные персоны не прочь побаловаться наркотиками, а потому несколько не удивлялся. Я принимал этих посетителей за людей из высшего общества, ставших жертвами пагубных желаний; наверно, в глубине здания для таких лиц предназначалась особая комната. Но, подумав, я удивился: ведь иногда такие гости проводили в Храме считанные минуты, неужели они действительно приходили ради опиума? Может, они тоже пробирались тем странным коридором, а потом беседовали с Сидящим-За-Ширмой?

Затем мне пришло в голову: а может, эти богачи посещают крупного специалиста, чтобы с его помощью излечиться от порока? Но ведь странно было бы, если бы такой специалист расположился в настоящем гнезде наркомании.

Не менее странно, что владелец этого заведения, по всей видимости, относился к нему весьма почтительно.

От этих мыслей у меня разболелась голова, я оставил их и крикнул, чтобы мне дали поесть. С удивительной быстротой явился Юсеф Али с целым подносом еды. Более того, уходя, он поклонился мне и оставил раздумывать о странной перемене моего положения в Храме Грез.

Я ел и размышлял, чего же хочет от меня Сидящий-за-Ширмой. Ни на мгновение я не допускал, что он был откровенен насчет своих мотивов; жизнь среди низов общества убедила меня, что никто из здешних обитателей не склонен к филантропии. А та таинственная комната все-таки принадлежит миру низменному, при всей ее необычности. И где же она расположена? Далеко ли я прошел по тому коридору? Я пожал плечами: а может, это все были только сны под воздействием гашиша? Я поднес к глазам ладонь. Скорпион все еще был на ней.

— Свистать всех наверх! — рявкнул матрос на койке. — Всех наверх!

Я воздержусь от подробного рассказа о том, как прошли следующие несколько дней, чтобы не докучать тем счастливицам, кто не побывал в страшном рабстве у наркотика. Я ждал, когда же страстное желание снова одолеет меня, ждал с безнадежной уверенностью. Весь день, всю ночь, еще один день — и тогда наконец расщепившийся разум осознал настоящее чудо. Вопреки научным теориям и фактам, вопреки здравому смыслу, жажда наркотика оставила меня

внезапно и полностью, точно дурной сон! Сначала я просто не верил собственным ощущениям, рассудил, что все еще нахожусь в состоянии наркотического бреда. Но это была правда. С того момента, как я осушил бокал в таинственной комнате, я не испытывал ни малейшего желания получить вещество, которое сделалось для меня источником жизни.

Я догадался: тут кроется что-то сатанинское, определенно противоречащее всем законам природы. Если то жуткое создание, Сидящий-за-Ширмой, открыл средство против ужасной власти гашиша, какие еще чудовищные тайны ему известны и каково его невообразимое могущество? В мое сознание змеей вползало предположение, что тут кроется некое зло.

Я по-прежнему ночевал в доме Юн Шату на койке или на разложенных на полу подушках, ел и пил вволю и помаленьку становился нормальным человеком; окружающая обстановка уже вызывала отвращение, а бедняги, корчащиеся во сне, неприятным образом напоминали, кем недавно был я сам.

И вот однажды, когда никто за мной не наблюдал, я встал, вышел на улицу и прогулялся по набережной порта. В легкие проникал морской воздух, я ощущал его непривычную свежесть, хотя он и был наполнен дымом и нечистотами. Во мне поднималась волна энергии, и я вновь почувствовал былые силы. Меня опять интересовал портовый гул, а когда я увидел судно, разгружаемое возле пристани, эта картина прямо-таки потрясла меня. Вскоре я ока-

зался среди сильных и грубых грузчиков, пытался поднимать и нести какие-то тяжести. Хотя пот так и струился по лицу, а руки и ноги дрожали, я бурно радовался тому, что наконец-то снова в состоянии работать и зарабатывать, как ни черна и презираема эта работа.

В тот вечер я вернулся к дверям заведения Юн Шату невероятно усталый, но крайне довольный собой — сильный мужчина, потрудившийся на совесть. На пороге меня встретил Хассим.

— Ты где шляешься? — спросил он неприветливо.

— В доках, — бросил я.

— Нечего тебе в доках вкалывать, — проворчал негр. — У Хозяина есть для тебя работа.

И опять я спустился по неосвещенным ступенькам в подземный коридор. На этот раз я был в трезвом уме и определил, что весь этот путь не длиннее тридцати — сорока футов. Снова я очутился перед лакированной ширмой и снова услышал нечеловеческий голос ожившего мертвеца.

— Я могу дать тебе работу, — произнес он.

Я тотчас согласился. Пускай этот голос навел на меня жуть, я был многим обязан его обладателю.

— Ладно. Возьми.

Я вздрогнул, но тут прозвучал резкий приказ, а Хассим выступил вперед, протянул руку за ширму и взял то, что предлагали мне. Пачку фотографий и бумаг.

— Изучи как следует, — приказал Сидящий-за-Ширмой, — и узнай, что только сможешь, о

человеке на фотографиях. Юн Шату даст тебе денег, купи одежду моряка. Можешь занять любую комнату в передней части Храма. Через два дня Хассим опять приведет тебя ко мне. Ступай!

Последнее, что я увидел перед тем, как потайная дверь хлопнула надо мной, это глаза идола, мигающие в вечном дыму. В них светилась насмешка.

Комнаты передней части Храма Грез сдавались внаем — для маскировки истинного предназначения этого здания, якобы портовой гостиницы-пансиона. Не однажды в заведение Юн Шату навевывалась полиция, но так и не нашла никаких веских улик против него.

Итак, я поселился в одной из комнат и приступил к изучению выданных мне материалов.

На всех снимках был изображен один и тот же дородный человек, телосложением и чертами лица похожий на меня. Но он носил густую бороду и был блондином, тогда как я темноволос. В бумагах я нашел его имя — майор Фэрлан Морли; уполномоченный по особо важным делам в Натале и Трансваале. Мне ничего не сказали ни должность, ни имя, и я задумался, какая может быть связь между уполномоченным по африканским странам и притоном наркоманов в порту на берегу Темзы.

Документы содержали обширные сведения, очевидно, взятые из достоверных источников. Все они имели отношение к деятельности майора Морли, а в других бумагах подробно освещалась личная жизнь этого джентльмена.

Многое из исчерпывающего описания внешности и привычек этого человека показалось мне весьма малозначительным. Я никак не мог понять, в чем же цель Сидящего-за-Ширмой и каким образом он завладел документами столь интимного свойства.

Нет, я не мог найти ответа на этот вопрос, но вознамерился отдать все силы выполнению задания. Я понимал, что в большом долгу и должен быть благодарен человеку, который требовал этого от меня. Конечно, я расплачусь с ним, если смогу.

В это время еще ничто не предвещало мне западни.

Глава четвертая ЧЕЛОВЕК НА КУШЕТКЕ

И кто прислал тебя сюда
на рассвете
со Смертью шутить?

Кишинг

Ч

ерез два дня, когда я сидел в комнате для курения опиума, меня поманил Хассим. Я приблизился к нему упругой походкой, уверенный, что вполне разобрался в бумагах Морли. Я стал другим человеком, быстрота мышления и готовность к действию удивляли меня самого, а иной раз казались неестественными.

Хассим бросил на меня тяжелый взгляд исподлобья и, как всегда, дал знак следовать за ним. Мы вошли в комнату, он затворил дверь и потянулся к столу, но тот сдвинулся сам по себе, и чей-то силуэт загородил весь люк. Оттуда выбрался Ганра Сингх и направился к двери, ведущей в комнату для курения опиума. На пороге он остановился и подождал, пока мы спустимся и опустил крышку люка.

И снова я очутился среди колеблющегося дыма, и снова внимал нечеловеческому голосу.

— Считаешь ли ты, что знаешь о майоре Морли достаточно и сможешь ли успешно сыграть его роль?

Вздрогнув от неожиданности, я ответил:

— Конечно, если не встречу кого-нибудь из его близких знакомых.

— Об этом позабочусь я. Слушай меня внимательно. Завтра ты сядешь на первый же паром, ведущий в Кале. Там будет ждать мой агент, он представится, как только ты сойдешь на пристань, и даст дальнейшие инструкции. Поедешь вторым классом и будешь избегать разговоров с незнакомцами. Документы возьмешь с собой. Агент поможет тебе загримироваться, и в Кале начнется твоя жизнь под чужим именем. Все. Ступай.

Я отправился назад, мое удивление возрастало. Очевидно, все это имело какой-то смысл, но мне казалось совершеннейшим вздором. Когда мы снова очутились в помещении для курения опиума, Хассим велел мне сесть на подушки и ждать его возвращения. Я попытался его рас-

спросить, но он выругался и объявил, что идет в город, как приказано, купить билет на паром. Он ушел, а я присел и откинулся на стену. И задумался. Вдруг мне показалось, будто на меня устремлен пристальный взор. Я поспешно поднял голову, но никто вроде бы на меня не смотрел. В душной комнате курился дым, как всегда, Юсеф Али с китайцем бесшумно скользили взад и вперед, обслуживали дремлющих клиентов.

Внезапно отворилась дверь, и из соседнего помещения вывалился громадный человек. В видную комнату Юн Шату были вхожи не только аристократы. Этот субъект представлял собой как раз одно из исключений. Я частенько замечал, как он входил и исчезал за той дверью: высокий, поджарый, одетый в немыслимое рванье, лицо полностью закутано. Это хорошо, что он прячет лицо, подумал я, тряпки наверняка скрывают ужасное зрелище. Без сомнения, это был прокаженный, ухитрившийся скрыться от стражей общественного порядка; время от времени его видели в населенных отбросами общества кварталах Ист-Энда; он был загадкой даже для самых презренных нищих, ютящихся в Лаймхаузе.

Внезапно благодаря своей сверхчувствительности я уловил молниеносное движение где-то рядом. Прокаженный затворил за собой дверь. Взор мой инстинктивно перебрался к кушетке, где лежал мужчина, который еще раньше вызвал у меня подозрения. Я готов был поклясться, что его холодные глаза цвета стали угрожающе

сверкнули, прежде чем зажмуриться. Одним прыжком я подскочил к кушетке и наклонился над распростертым на ней человеком. Что-то в его лице показалось мне неестественным — под нарочитой бледностью скрывался оттенок здорового загара.

— Юн Шату! — во всю мочь закричал я. — В доме шпион!

И тут события развернулись с ошеломляющей быстротой. Мужчина одним тигриным движением вскочил с кушетки и выпрямился, и в руке у него блеснул пистолет. Я готов был схватиться с ним, но мускулистая рука отшвырнула меня в сторону, и резкий, решительный голос перекрыл обычный для этой комнаты гул:

— Эй, ты! Стой! Стой!

Пистолет в руке незнакомца повернулся к прокаженному, который громадными прыжками устремился к выходу!

Все тотчас пришло в движение: Юн Шату пронзительно затараторил по-китайски, а четверо юных китайцев вместе с Юсефом Али бесстолково засновали вокруг, в руках у них сверкнули ножи.

Все это я видел с протiwоестественной четкостью, даже когда разглядывал лицо незнакомца. Я заметил, что прокаженный, убегая, нисколько не хромал, а глаза незнакомца сузились до размера булавочных головок, палец застыл на спусковом крючке, выражение лица выдавало грозную цель — убить. Прокаженный уже почти достиг входной двери, но смерть неизбежно остановила бы его.

И тут я что было сил бросился вперед, и мой правый кулак врезался в подбородок незнакомца. Убийца рухнул, будто угодил под паровой молот, пистолет благополучно разрядился в воздух.

И в тот же миг, в ослепительной вспышке прозрения, какая иной раз осеняет каждого, я понял, что прокаженный — не кто иной, как Сидящий-за-Ширмой!

Я склонился над упавшим. Хоть он и не потерял сознания, но был в ту минуту беспомощен, как новорожденный. Снова и снова он пытался встать, но я опять мощным ударом опрокинул его на пол, схватил за фальшивую бороду и оторвал ее. И увидел сухощавое бронзовокожее лицо с волевыми чертами, которых не смог изменить даже слой грязи и грима.

Над ним склонился Юсеф Али, не выпуская из рук кинжала; в щелочках глаз я прочитал смертный приговор неудавшемуся убийце. Темнокожая мускулистая рука поднялась, но я поймал ее за запястье.

— Не спеши, черт черномазый! Ты что затеял?

— Это же Джон Гордон! — прошипел он. — Самый главный враг Хозяина! Он должен умереть! Пусти, будь ты проклят!

Джон Гордон! Почему-то это имя было мне знакомо, однако я не прослеживал связи с лондонской полицией. Должно быть, не по указке фараонов он появился в притоне Юн Шату. Как бы то ни было, в одном я был твердо уверен.

— Нет, ты его не убьешь! Ни за что! Вставай! — Последнее слово я адресовал Гордону,

который с моей помощью не без труда поднялся на ноги. Очевидно, у него кружилась голова.

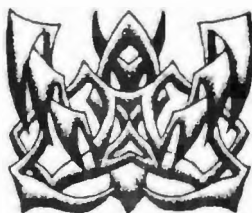
— Таким ударом быка можно свалить! — удивился я. — Даже не подозревал, что во мне столько силы.

Лжепрокаженный уже исчез. Юн Шату неподвижно, словно идол, глядел на меня, пряча руки в широких рукавах, а Юсеф Али отступил, злобно бормоча и водя большим пальцем по острию кинжала. Я вывел Гордона из комнаты для курения опиума и повлек дальше, через бар вполне невинного вида, который располагался между этим помещением и выходом на улицу.

Когда мы вышли из здания, я сказал:

— Понятия не имею, кто вы такой и что тут делаете, но вы сами прекрасно видите, что вам тут не рады. Послушайтесь доброго совета, держитесь подальше отсюда.

Единственным ответом был изучающий взгляд, а затем он круто повернулся и не совсем уверенной походкой двинулся прочь.

Глава пятая

ДЕВУШКА ИЗ ГРЕЗ

Ночь, верша свои дела,
В эти дебри повернула
Из туманной дальней Фулы.

Эдгар По

В

коридоре раздались легкие шаги. Дверная ручка осторожно и медленно повернулась, дверь моей комнаты отворилась. Затаив дыхание, я вскочил и выпрямился. Алые полураскрытые губы, глаза, точно невиданные темные моря, каскад блестящих волос — в грязном дверном проеме, точно картина в раме, девушка из моих грез!

Она вошла, грациозно повернулась и затворила за собой дверь. Я шагнул вперед, мои руки потянулись ей навстречу, но замерли, потому что она прижала палец к губам.

— Нельзя говорить громко, — шепнула она. — Он не запрещал мне приходить, но...

У нее был мягкий и мелодичный голос с легким иностранным акцентом, который я нашел восхитительным. Что касается самой девушки, каждая ее интонация, каждое движение говорило о благоухающем Востоке. Она была его воплощением. Черные, как ночь, волосы ниспадали до самых ног, обутых в домашние туфельки на высоком каблуке, с заостренными носами; она являла собой высший идеал азиатской красоты, и впечатление это скорее усиливалось от того, что она носила английские юбку и блузку.

— Как вы прекрасны! — произнес я ошеломленно. — Кто вы?

— Зулейка. — Она застенчиво улыбнулась. — Я... я рада, что понравилась вам. И что вы больше не в рабстве у гашиша.

Странно — такое крошечное существо, а заставляет мое сердце неистово подпрыгивать!

— Зулейка, всем этим я обязан вам, — произнес я сипло. — Если бы я не мечтал о вас каждую минуту с тех пор, как вы подняли меня из канавы, не хватило бы сил избавиться от моего проклятия.

Она очень мило покраснела, ее бледные пальцы нервно переплелись.

— Завтра вы покидаете Англию? — неожиданно спросила она.

— Да. Хассим еще не вернулся с моим билетом... — Я впервые заколебался, вспомнив приказание молчать.

— Да, я знаю, знаю! — поспешно прошептала Зулейка, и ее зрачки расширились. — А Джон Гордон был здесь! И он вас видел!

— Да!

Быстрым изящным движением она приблизилась ко мне.

— Вы должны изображать одного человека! Послушайте, когда вы это будете проделывать, нельзя допустить, чтобы вас увидел Гордон! Он нас узнает, даже загримированного! Он ужасный человек.

— Не понимаю. — Я был совершенно сбит с толку. — Каким образом Хозяин помог мне преодолеть привычку к гашишу? Кто такой этот Гордон и зачем он сюда приходил? Почему Хозяин прикидывается прокаженным? Кто он на самом деле? И больше всего меня интересует, зачем я должен изображать человека, которого никогда не видел и даже никогда не слышал о нем?

— Я не могу... Не смею вам сказать! — прошептала она, бледнея. — Я...

Где-то в доме слабо ударили в китайский гонг. Девушка вздрогнула, точно напуганная газель.

— Я должна идти! Он меня вызывает!

Она распахнула дверь, рванулась было туда, но задержалась на мгновение, чтобы, как элек-

трическим током, пронзить меня страстным восклицанием:

— О, будьте осторожны! Будьте благоразумны, сагиб!

И исчезла.

Глава шестая СИДЯЩИЙ-ЗА-ШИРМОЙ

Что за горы пред ним пылал?
Что за млат тебя ковал?
Кто впервые сжал клещами
Гневный мозг, метавший иламя?

Блейк¹

Н

есколько минут после того, как исчезла моя прекрасная таинственная посетительница, я сидел, погружившись в раздумья. Я понимал, что наконец-то наткнулся на разгадку, по крайней мере частичную. Я пришел к следующему заключению: Юн Шату, якобы хозяин притона, на самом деле

¹"Тигр", перевод С. Маршака

просто агент или прислужник какой-то организации или частного лица, чья работа заключается отнюдь не только в снабжении наркотиками посетителей Храма Грез. Этот человек или эти люди нуждаются в помощниках среди всех классов общества, иными словами, я связался с торговцами наркотиками, с бандой гигантского масштаба. Гордон, стало быть, расследует это дело, само по себе его присутствие показывало, что оно вовсе не ординарное. Ведь, как я понял, он занимает высокое положение в английском правительстве, хоть и неизвестно, какое именно.

Опиум — это, конечно, скверно, но я должен выполнить свои обязательства перед Хозяином. Я ступил на скользкую дорожку, и мои представления о морали размылись, и мысль о том, что я принимаю участие в гнусном преступлении, даже не приходила в голову. Я и в самом деле ожесточился. Более того, сам долг благодарности тысячекратно увеличивали воспоминания о девушке. Я обязан Хозяину тем, что способен стоять на ногах и смотреть в ее ясные глаза, как подобает мужчине. Так что, если он нуждается в услугах торговца контрабандными наркотиками, он их получит. Как пить дать, мне поручено изображать высокопоставленного правительственного чиновника, из тех, кого не принято обыскивать на таможне. Наверное, моя задача — привезти в Англию редкий источник грез.

К тому времени, когда я выходил из своей комнаты, эти мысли уже оставили меня, но в голове зароились другие более увлекательные предположения: что держит эту девушку здесь,

в притоне зла? Кто она, эта роза на мусорной свалке?

Я спустился в бар, и тут явился Хассим, его брови сошлись в грозной гримасе, и мне показалось, что на физиономии написан страх. В руке он держал сложенную газету.

— Я тебе велел ждать там, где курят опиум,— рявкнул он.

— Тебя так долго не было, что я вернулся к себе в комнату. Билет принес?

В ответ он только выругался и отпихнул меня с дороги. Стоя в дверях комнаты для курения опиума, я увидел, как он прошел в ее заднюю часть. Я все не двигался, мое удивление возрастало. Потому что, когда Хассим протискивался мимо меня, я успел заметить на первой странице газеты заголовок, на который он положил черный палец, желая, видимо, отметить эту колонку особо важных новостей.

И с чрезвычайным проворством действия и осознания, которое было присуще мне в те дни, в это краткое мгновение я успел прочитать:

«Уполномоченный по особо важным делам черной Африки найден мертвым! Вчера в трюме полусгнившего парохода в Бордо было обнаружено тело майора Фэрлана Морли...»

Больше я не успел прочесть ничего, но хватило этой единственной новости, чтобы задуматься! Дело приобретало нехороший оборот. И все же...

Прошел еще день. В ответ на мои расспросы Хассим проворчал, что планы изменились и мне не придется ехать во Францию. А поздно вече-

ром он явился и велел снова сопровождать его в таинственную комнату.

Я стоял перед лакированной ширмой, от желтого дыма щипало в ноздрях, на коврах извивались изображения драконов, а густые пальмы на заднем плане приобрели угрожающий вид.

— Наши планы изменились,— сообщил голос из-за ширмы.— Ты не поедешь во Францию, как было договорено. Но для тебя есть другая работа. Возможно, она тебе больше подойдет, и ты сможешь принести нам пользу, а то я, признаться, несколько разочаровался в тебе. Ты плохо соображаешь. Позавчера ты вмешался не в свое дело, и если это повторится, я буду очень недоволен.

Я ничего не ответил, но во мне зашевелилось негодование.

— Даже после того как один из моих самых верных слуг пытался тебя предостеречь,— в невыразительном голосе не прозвучало никаких эмоций, разве что он чуточку поднялся,— даже после этого ты настоял на освобождении моего самого заклятого врага. В будущем тебе надо быть предусмотрительнее.

— Я спас вам жизнь! — зло напомнил я.

— И единственно по этой причине я не замечаю твоей оплошности. В этот раз.

Во мне медленно поднялась волна ярости:

— Ах, в этот раз! Так используйте же эту встречу получше, потому что, уверяю вас, второго раза не будет. Конечно, я у вас в громадном долгу и вряд ли могу надеяться на расплату,

но это еще не делает меня вашим рабом. Я спас вам жизнь, долг почти оплачен, так что давайте поступим по-мужски. Ступайте своим путем, а я пойду своим.

Мне ответил жуткий тихий смех, похожий на змеиное шипение.

— Дурак! Ты не расплатишься со мной до конца жизни! Говоришь, ты мне не раб? А я говорю — раб, такой же раб, как черный Хассим, вон он, стоит у тебя за спиной, такой же раб, как моя Зулейка — девица, которая околдовала тебя своей красотой!

От этих слов горячая волна крови ударила мне в голову, слепая ярость на секунду затмила сознание. Все мои мысли и чувства на протяжении этих дней казались обостренными, и теперь ярость превосходила самый сильный гнев, какой я когда-либо испытывал.

— Гнусная чертовщина! — завопил я. — Дьявол, кто ты такой и чем меня держишь? Я должен тебя увидеть — или умереть!

Хассим бросился на меня, но я его отшвырнул, одним прыжком достиг ширмы и опрокинул ее ударом неистовой силы. И тут же с криком отступил, руки мои повисли плетями. Передо мной стояло высокое тощее существо, нелепо выраженное в шелковое, достигающее до пола одеяние с парчовой отделкой.

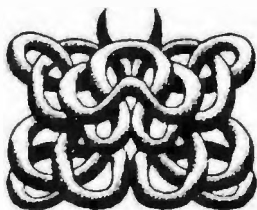
Из рукавов этого наряда торчали руки, при виде которых я испытал липкий ползучий страх, наполнивший все мое существо, — длинные хищные руки с тонкими костлявыми пальцами и кривыми когтями; кожа напоминала желто-бу-

рый пергамент, будто она принадлежала давно умершему.

Боже, а лицо! На голом черепе не осталось, кажется, и следа живой плоти, только желто-бурая кожа туго обтягивала его, и на ней как бы отпечаталась каждая деталь жуткой головы мертвеца. Лоб был высоким и даже аристократическим, но расстояние между висками — до странного узким, а под выступающими карнизом бровями поблескивали громадные глаза, похожие на озера желтого огня. Нос был очень узкий, с высокой переносицей, а рот — бесцветная дыра между тонкими жесткими губами. Длинная костлявая шея поддерживала всю эту уродливую конструкцию и завершала сходство с демоном-рептилией из средневекового ада.

Я лицом к лицу оказался с человеком из моего сна!

Глава седьмая ЧЕРНАЯ МУДРОСТЬ

П

од впечатлением ужасного зрелища я отбросил всякую мысль о бунте. Кровь застыла в жилах, я стоял, не в силах пошевелиться. Я слышал у себя за спиной зловещий хохот Хассима. Глаза в мертвой голове бросали дьявольские отблески в мою сторону, а я бледнел под натиском сосредоточенной в них сатанинской ярости.

Затем это кошмарное существо расхохоталось.

— Мистер Костиген, я вам оказываю громадную честь: даже среди моих собственных слуг очень немногие видели мое лицо и не отправились на тот свет. Я считаю, что живой вы принесете мне больше пользы, чем мертвый.

Совершенно обессиленный, я молчал. Трудно было поверить, что передо мной живое существо.

Сидящий-за-Ширмой напоминал мумию. И все-таки губы его шевелились, когда он говорил, а в глазах светился чудовищный разум.

— Выполнишь мой приказ— В голосе прозвучали властные нотки.— Ты, конечно, знаешь сэра Холдред Френтона или хотя бы слышал о нем?

— Да.

В Европе и Америке каждый культурный человек знаком с книгами о путешествиях сэра Холдред Френтона, писателя и воина.

— Сегодня ночью отправишься в поместье сэра Холдред...

— И?

— И убьешь его!

Подо мной подкосились ноги — в самом буквальном смысле. Невероятный, несообразный приказ! Да, я опустился очень низко, до контрабандной торговли опиумом, но добровольно убить человека, которого никогда не видел, человека, известного добрыми делами!

Это слишком чудовищно, даже в голове не укладывается.

— Ты не отказываешься?

Насмешливый тон был отвратителен, точно змеиное шипение.

— Отказываюсь?! — воскликнул я, обретая наконец дар речи. — Отказываюсь?! Ах ты, воплощенный дьявол! Конечно же, я отказываюсь. А ты...

Его холодная уверенность заставила меня осечься, кровь застыла у меня в жилах, а вокруг нависло многозначительное молчание.

— Ну и дурак же ты! — проговорил он спокойно. — Знаешь, как я разорвал цепь, приковавшую тебя к гашишу? Ровно через четыре минуты ты это поймешь и проклянешь тот день когда родился! Неужели тебя не удивляет твоя сообразительность, физическая подвижность и гибкость тела? А ведь человек, столько лет злоупотреблявший наркотиком, должен быть медлительным и вялым. Помнишь, как ты свалил с ног Джона Гордона? Ты что же, совсем не удивился силе своего удара? А легкость, с которой ты запомнил сведения о майоре Морли, — неужели она тебя не поразила? Дурак этакий, ты же связан со мной сталью, кровью и огнем! Я сохранил тебе жизнь, я исцелил тебя — это только моя заслуга. Вместе с вином тебе ежедневно давали жизненный эликсир. Без него ты не выжил бы и не сохранил разум. А рецепт эликсира знаю я, один я на всем белом свете!

Он глянул на часы необычной формы, стоявшие на столе у его локтя.

— На этот раз я велел Юн Шату не давать тебе эликсира, я предвидел твой бунт. Час приближается... ага, он бьет!

Он еще что-то говорил, но я не слышал. Я ничего не видел, ничего не чувствовал в обычном смысле этих слов. Я корчился у его ног, вскрикивая и нечленораздельно лопоча; меня сжигало адское пламя, какое не снилось ни одному человеку.

Теперь-то я понял! Просто он давал мне наркотик, настолько сильный, что в нем тонула моя потребность в гашише. Теперь-то я мог объяснить мои сверхъестественные способности: я находился под воздействием стимулятора, в котором соединялись все силы ада. Это нечто вроде героина, но жертва не замечает его воздействия. Что это за снадобье, я не имел никакого понятия, да и сомневался, известно ли оно кому-нибудь, кроме этого адского создания, которое наблюдало за мной с утробной радостью. Но это вещество действует на мозг, вызывая во всех органах нужду в нем. И вот ужасная жажда наркотика разрывает на части мою душу!

Никогда, ни в самые страшные моменты после контузии, ни во время зависимости от гашиша, не испытывал я подобного. Я весь горел, меня сжигали тысячи адских костров, и одновременно я испытывал холодное прикосновение льда — нет, это было холоднее любого льда! В сто раз холоднее. Я проваливался в бездны нечеловеческих страданий и поднимался на высочайшие утесы мук; милли-

оны воющих дьяволов с криками окружали меня и наносили удары. Косточка за косточкой, вена за веной, клетка за клеткой, мое тело как будто распадалось и витало среди кровавых атомов где-то за пределами атмосферы — и каждая отдельная клетка была единой цельной системой мятущихся, кричащих нервов. И они собирались в далеких пустотах и вновь соединялись, чтобы претерпеть еще худшие пытки.

В багровом тумане я слышал собственный голос; я кричал, повторяя единственную монотонную ноту. А затем мои выпученные от боли глаза увидели золотой бокал, я схватил его жадной, неуклюжей, точно клешня, рукой, и он вошел в пределы моего зрения — бокал, наполненный янтарной жидкостью.

Со звериным криком я вцепился в него обеими руками, смутно сознавая, что металлическая ножка гнется под нажимом моих пальцев, и поднес к губам. Я осушил его в несколько стремительных глотков, залив себе всю грудь.

* * *

И вот он, Сидящий-за-Ширмой, с беззгливой и высокомерной ухмылкой смотрел на меня, а я, совершенно обессиленный, ловя ртом воздух, опустился на кушетку. Он взял кубок и внимательно рассмотрел изуродованную моими пальцами золотую ножку.

— Сверхчеловеческая сила, — заключил он совершенно бесстрастно. — Сомневаюсь, что сам

Хассим на такое способен. Значит, теперь ты готов выполнить мое поручение?

Будучи не в состоянии произнести ни слова, я кивнул.

Дьявольская энергия эликсира уже струилась по моим венам, возвращая ушедшую было из меня силу. Интересно, подумал я, долго ли живет человек, которого, как меня, постоянно подогревают и искусственно перестраивают?

— Тебе дадут маскировочный костюм, и ты отправишься в поместье Френтона один. Никто не подозревает злого умысла против сэра Холдредра, и тебе будет относительно легко проникнуть в его дом. Костюм совершенно уникальный, ты его не надевай, пока не окажешься у самого имения. Затем проберешься в комнату сэра Холдредра и убьешь его. Сломашь ему шею голыми руками, что крайне существенно...

Сидящий-за-Ширмой нудно бубнил, небрежно, как само собою разумеющееся, отдавая жуткие приказания. У меня на лбу выступил холодный пот.

— После этого уйдешь из поместья, но позаботься оставить побольше отпечатков пальцев. Поблизости, в безопасном месте, тебя будет ждать автомобиль. Вернувшись сюда, ты первым делом снимешь костюм. Если вдруг возникнут осложнения, у меня найдутся люди, которые поклянутся, что ты всю ночь провел в Храме Грез и ни разу не покидал его. Но смотри, чтобы тебя не заметили. Ступай же, будь

осторожен и сделай дело, а иначе, тебе известно, что будет!

Я не вернулся в зал для курения опиума, вместо этого меня повели извилистыми коридорами, увешанными тяжелыми коврами, в комнатку, где стояла только восточная кушетка. Хассим дал мне понять, что я должен оставаться там до позднего вечера, и ушел. Дверь он затворил, но я не пытался проверить, заперта ли она. Сидящий-за-Ширмой сковал меня куда более прочными кандалами, чем какие-то замки или засовы.

Сидя на кушетке в этой причудливой комнатке, которая оказалась бы уместной в женской половине индийского дома, я обдумывал факты, как они мне представлялись, и мысленно разыгрывал сражение. Во мне еще осталось кое-что от мужчины — больше, чем догадывался этот дьявол; а к ним добавлялись безысходное отчаяние и безнадежность. Я упорно искал выход из поистине тупиковой ситуации.

Внезапно дверь тихо отворилась. Интуиция подсказала мне, кого следует ожидать, и я не разочаровался. Передо мной блистательным видением стояла Зулейка, и это видение дразнило меня, усугубляя отчаяние, и вместе с тем вызывало беспричинную радость.

Она принесла поднос с ужином. Поставила его рядом со мной, потом села на кушетку, и громадные глаза посмотрели мне прямо в лицо. Она казалась цветком в змеином логове, и ее прекрасный взгляд проникал в самую глубину моего сердца.

— Стивен!

Я весь затрепетал, ведь она впервые произнесла мое имя.

В глазах внезапно блеснули слезы, она положила маленькую ладонь на мою. Я схватил эту руку грубыми пальцами.

— Ты получил задание, которого боишься, оно ненавистно тебе? — неуверенно прошептала она.

— Да. — Я чуть не засмеялся в ответ. — Но я их все-таки надую! Зулейка, скажи, что все это значит?

Она испуганно огляделась.

— Всего я не знаю, — робко произнесла девушка. — Ты попал в эту беду исключительно по моей вине, но я... я надеялась, Стивен, я много месяцев наблюдала за тобой, всякий раз, когда ты приходил к Юн Шату. Ты меня не замечал, но я-то тебя сразу заметила, и я видела в тебе... нет, не сломленного, отупевшего наркомана, хоть ты и носил грязные лохмотья; нет, я угадала в тебе израненную душу. И я тебя жалела от всего сердца. А потом, в тот день, когда Хассим с тобой так скверно обошелся...

Опять потекли слезы.

— Я не могла этого вынести, я понимала, как ты страдаешь без гашиша. Вот и заплатила Юн Шату, а после пошла к Хозяину. Я... я... О, ты имеешь право меня ненавидеть! — всхлипнула она.

— Нет, нет, никогда!

— Я внушила ему, что ты можешь пригодиться, и умолила распорядиться, чтоб Юн

Шату давал тебе гашиш. Хозяин уже и сам заметил тебя, ведь он на все смотрит, как собственник, весь мир для него — только невольничий рынок. Вот он и приказал Юн Шату оделять тебя наркотиком, а теперь... ах, уж лучше бы ты оставался там, где был раньше, друг мой!

— Нет! Нет! — воскликнул я. — Зато я испытал исцеление, пусть оно и было поддельным. Я стал для тебя мужчиной, а это стоит всего остального!

Должно быть, в моем взгляде отразилось все, что я чувствовал к ней, потому что она опустила глаза и покраснела. Не спрашивайте меня, как приходит к человеку любовь, но я полюбил эту таинственную восточную девушку в ту минуту, когда впервые ее увидел. Интуиция подсказывала, что она отвечает на мои чувства. Когда я это осознал, избранный мною путь сделался еще более мрачным и гибельным; но поскольку истинная любовь призвана сделать мужчину сильнее, я решился окончательно.

— Зулейка, — проговорил я, — время летит, а мне еще нужно кое-что узнать. Скажи, кто ты такая и почему живешь в этом ужасном логове?

— Мне известно только, что я Зулейка. По крови и рождению — черкешенка, совсем маленькой меня захватили в плен турки во время набега и поместили в гарем в Стамбуле. Я была еще слишком молода для замужества, и вскоре мой хозяин подарил меня ему.

— Кто же он, этот человек с голым черепом?

— Катулос из Египта, это все, что мне известно. Мой господин.

— Египтянин? Тогда что же он делает в Лондоне и зачем все эти тайны?

Нервным движением она сплела пальцы.

— Стивен, пожалуйста, говори тише: всегда и всюду кто-нибудь подслушивает. Не знаю я, кто такой Хозяин, зачем он здесь и для чего все это проделывает. Клянусь Аллахом! Знала бы — обязательно сказала бы тебе. Иногда сюда, приходят знатные на вид люди, в комнату, где их принимает Хозяин — это не та комната, где ты виделся с ним, — и я обязана танцевать перед гостями, а потом слегка с ними флиртовать. А потом — повторять ему, что они говорили мне. Не важно, по-турецки ли они говорят, по-египетски, или на языке варварских стран, или по-французски, или по-английски. Хозяин выучил меня французскому и английскому, и еще много чему. Он величайший чародей мира, он владеет всей древней магией и вообще всем не свете.

— Зулейка, — обратился я к ней, — скоро моя песенка будет спета, но разреши тебя отсюда вытащить. Пойдем со мной, и я клянусь, ты освободишься от этого дьявола! Я вызволю тебя отсюда!

Она содрогнулась и закрыла лицо руками.

— Нет, нет, не могу!

— Зулейка, — произнес я нежно, — чем он тебя удерживает, дитя? Тоже наркотиком?

— Нет, нет! — всхлипнула она. — Не знаю... не знаю... Но я не могу... Я никогда не смогу от него освободиться!

В полном недоумении я просидел еще несколько секунд, потом решил спросить:

— Зулейка, а где мы сейчас находимся?

— Это здание — пустой склад на задворках Храма Грез.

— Я так и думал. А что хранится в сундуках в туннеле?

— Не знаю.

Неожиданно она тихонько заплакала.

— Ты тоже раб, как и я... Ты, такой сильный и добрый... О, Стивен, я этого не вынесу!

Я улыбнулся.

— Слушай внимательно, Зулейка. Я тебе расскажу, как намерен одурачить Катулоса.

Она опасливо оглянулась на дверь.

— Только говори тихо. Я буду лежать в твоих объятиях, ты меня ласкай и шепчи.

Она скользнула ко мне, и тут, на кушетке в форме дракона, я впервые познал сладость стройного тела Зулейки, прикорнувшей у меня в руках, мягкость щеки Зулейки, прижатой к моей груди. Ее благоухание щекотало мне ноздри. Ее волосы, глаза — все помчалось в неистовом вихре; и тогда, спрятав губы в шелковистых волосах, я скороговоркой зашептал:

— Первым делом я предупрежу сэра Холлреда Френтона, а потом найду Джона Гордона и расскажу ему правду об этом притоне. Я приведу сюда полицию, а ты внимательно следи

за происходящим и прячась от Катулоса, пока мы не вернемся и не убьем его, а может, скрутим. И тогда ты получишь Свободу.

— Но как же ты! — Выдохнула она. — Тебе ведь нужен эликсир, и только он...

— У меня есть способ одолеть Катулоса, малышка, — ответил я.

Она побледнела, страх за меня и женская интуиция помогли ей прийти к правильному выводу.

— Ты погубишь себя!

Как ни тяжело было следить за ее чувствами, я все же ощутил мучительную радость. Эта девушка переживала за меня, сострадала мне! Ее руки сомкнулись вокруг моей шеи.

— Не надо, Стивен! — взмолилась она. — Ведь лучше жить, даже...

— Нет, только не такой ценой. Лучше выйти из игры чистым, пока во мне еще осталось мужество.

Зулейка на мгновение задержала на моем лице полный страсти взгляд, затем неожиданно прижала свои губы к моим, а потом вскочила и бросилась вон.

До чего же неисповедимы бывают пути любви! Жизнь столкнула нас друг с другом, точно два корабля, севшие на мель возле берегов.

Хотя ни слова любви не сорвалось с наших уст, каждый из нас познал сердце другого, несмотря на грязь и лохмотья, несмотря на обличье рабов, и с самого начала мы любили друг друга с теми естественностью и чистотой, какие даны людям еще в Начале Времен.

Я словно заново родился — и тут же встал на порог смерти. Ведь я проклят, и, как только выполню свою задачу, снова испытаю нечеловеческие муки. А любовь, жизнь, красота и страдание, — все унесет пистолетная пуля, которая неизбежно разорвет на куски мой гниющий мозг. Лучше умереть незапятнанным, чем...

Снова отворилась дверь, вошел Юсеф Али.

— Пора идти, — коротко напомнил он. — Вставай и следуй за мной.

Я, разумеется, не имел ни малейшего представления о времени. В комнате, где я находился, не было ни одного окна — я не сумел найти даже крошечного отверстия, позволявшего выглянуть наружу. С потолка свисали люстры со свечами — единственный источник света. Когда я поднялся, юный стройный мавр искоса окинул меня злобным взглядом.

— Это только между мною и тобой, — прошипел он. — Мы слуги одного господина, но то, что я скажу, касается только нас двоих. Держись подальше от Зулейки! Хозяин обещал ее мне, когда настанут Дни Империи.

Я сощурил глаза и посмотрел в красивое мрачное лицо этого уроженца Востока, и такая ненависть поднялась во мне — не передать словами. У меня непроизвольно разжались и сжались пальцы, и мавр, заметив это движение, отступил, сунул руку за кушак.

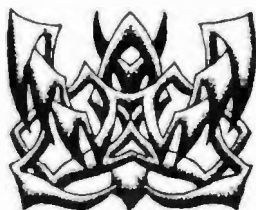
— Не сейчас... сначала мы должны выполнить свою работу... Может быть, позже, — вымолвил он и тут же добавил с ледяной ненавис-

тью: — Свинья! Ты не человек, ты обезьяна! Как только станешь не нужен Хозяину, получишь кинжал прямо в сердце!

Я расхохотался.

— Так поспеши, змея пустыни, иначе я сломаю тебе хребет голыми руками!

Глава восьмая ТЕМНЫЙ ДОМ

Против цепей и
адовых глубин,
Что создали люди,—
пойду один!

Манди

Я

шел за Юсефом Али по извилистым коридорам, вниз по ступенькам,— в комнате с идолом Катулоса не оказалось,— и по туннелю; потом через комнаты Храма Грез, и очутился на улице, где в легкой туманной дымке тускло мерцали уличные фонари. На середине улицы стоял автомобиль с занавесками на окнах.

— Это для тебя,— объяснил подошедший к нам Хассим.—Поезжай не спеша, будто просто катаешься. И не вздумай шутки шутить! За домом могут наблюдать. Шофер знает, что делать.

Тут они с Юсефом Али ушли в бар, а я успел сделать один шаг к краю тротуара, и тут услышал голос, заставивший мое сердце подскочить.

— Стивен!

Белая рука манила меня в сумрак дверного проема.

— Зулейка!

Она схватила меня за руку, что-то скользнуло в мою ладонь, я с трудом разглядел небольшую золотую фляжку.

— Спрячь, живей! — нетерпеливо зашептала Зулейка.— После не возвращайся, убег и спрячься! Фляжка полна эликсира, а я попробую достать еще. Ты должен придумать, как связаться со мной.

— Где же ты его взяла? — Я был потрясен.

— У Хозяина украла! А теперь мне надо идти, пока он меня не хватился.

Она исчезла за дверью. Я стоял в нерешительности. Конечно, идя на воровство, она рисковала жизнью, и меня разрывал на части страх при мысли о том, что способен сделать с ней Катулос, если узнает о ее преступлении. Но, если я сейчас вернусь в таинственный дом, это неизбежно вызовет подозрения. Вероятно, я успею выполнить свой план и вернуться сюда до того, как Сидящий-за-Ширмой узнает о предательстве служанки.

Рассудив таким образом, я пошел по мостовой к ожидающей машине. Шофером был негр, я ни-

когда прежде не видел этого тощего мужчину среднего роста. Я пригляделся к нему — похоже, он ничего не заметил и не заподозрил. Если даже и разглядел, как я шагнул назад, в тень, все равно не мог узнать девушку и понять, что происходит.

Шофер только кивнул, когда я взгромоздился на заднее сиденье, и мгновение спустя мы неслись по безлюдным туманным улицам. У меня за спиной оказался узел, я понял, что это и есть упомянутый египтянином «маскировочный костюм».

Невозможно описать ощущения, испытанные мною, когда я мчался сквозь ту дождливую, туманную ночь. Казалось, будто я уже умер, и пустые мрачные улицы обернулись дорогами смерти, по которым моему призраку суждено скитаться веки вечные. В моем сердце соседствовали мучительная радость и безысходное отчаяние приговоренного. Нет, сама смерть не казалась мне отталкивающей, ведь жертва наркотика слишком много раз умирает, — но тяжело уходить именно тогда, когда в твою погубленную жизнь вошла любовь. И ведь я еще молод!

У меня на губах мелькнула саркастическая усмешка: ведь те, кто умер рядом со мной на ничейной земле, тоже были молоды. Я закатал рукав и сжал кулак, напряг бицепс. Ни унции жира, большинство мышц давным-давно исчезло, но крупные бицепсы все еще грозно выступали выпуклыми железными шарами. Сам-то я знал, что моя сила лишь показная, а на самом деле я только изношенная внешняя оболочка человека. Не гори во мне искусственное пламя эликсира, меня бы могла свалить с ног хрупкая девчонка.

Машина остановилась под деревьями. Мы находились в окрестностях поместья, полночь давно миновала. На фоне далеких огней ночного Лондона выделялся темный силуэт большого дома.

— Я подожду здесь, — сказал негр. — Ни с дороги, ни из дома машину не видно.

Я зажег спичку, держа ее так, чтобы свет невозможно было заметить за пределами машины, и развернул «маскировочный костюм». С большим трудом я удержался от хохота. Неповрежденная шкура гориллы! Зажав узел под мышкой, я поплелся к стене, окружающей имение во французском стиле. Всего несколько шагов — и деревья, где спрятался негр с машиной, превратились в темное пятно. Вряд ли шофер мог меня видеть, но на всякий случай я двинулся не к высоким железным воротам, а к глухому участку.

Ни в одном окне не горел свет. Я знал, что сэр Холдред холостяк, и был убежден, что все слуги давным-давно легли спать. Я легко перелез через стену и крадучись прошел по темной лужайке к черному ходу, все еще неся отвратительный «маскировочный костюм» под мышкой. Как я и ожидал, дверь оказалась заперта, а я не хотел никого будить раньше времени. Обеими руками я ухватился за круглую дверную ручку и налег на нее с нечеловеческой силой. Ручка повернулась, щелкнул замок — скорее это напоминало пушечный выстрел. Еще секунда — и я внутри. Разумеется, я не забыл затворить за собой дверь.

В темноте я успел сделать только шаг в предполагаемом направлении лестницы и сразу ос-

тиновился, потому что мне на лицо упал луч света. Рядом с фонарем блеснуло дуло пистолета. В тени качнулось узкое лицо.

— Ни с места! Руки вверх!

Я поднял руки. Однажды я уже слышал этот голос, и тотчас его узнал. Джон Гордон!

— Сколько с тобой людей? — прозвучало резко и властно.

— Я один. Отведите меня в комнату, откуда свет не проникает наружу, и я вам расскажу кое-что интересное.

Он помолчал и жестом приказал следовать за ним в соседнюю комнату. Оттуда он вывел меня на лестницу, отворил дверь на площадке и зажег свет.

Окна в этой комнате были плотно зашторены. Пока мы шли, Гордон держал меня под прицелом; он и теперь не опустил пистолет. Гордон был худощав, но жилист и выше меня ростом, правда, не такой плотный. Одет он был в штатский костюм. Его серые глаза блестели, как сталь; черты лица были волевыми. Что-то в этом человеке мне нравилось. Я заметил синяк на его челюсти в том месте, куда приложился мой кулак при нашей последней встрече.

— Не могу поверить, — сказал он насмешливо, — будто подобные неуклюжесть и непредусмотрительность — настоящие. Несомненно, у вас есть свои причины заманить меня в столь поздний час в удаленную комнату, но сэра Холдредра надежно охраняют даже сейчас. Не шевелитесь.

Пистолетное дуло уперлось мне в грудь. Гордон провел рукой по моему телу в поисках оружия и явно удивился, когда ничего не обнаружил.

— И все же,— тихо проговорил он, словно рассуждая вслух,— человек, способный голыми руками выломать железный замок, вряд ли нуждается в оружии.

— Вы тратите драгоценное время,— перебил я.— Мне поручено убить сэра Холдред Френтона...

— Кем поручено? — вопрос прозвучал, словно выстрел, направленный мне в лицо.

— Человеком, который иногда прикидывается прокаженным.

Гордон кивнул, в его серых глазах мелькнула искорка.

— Значит, мои подозрения оправдались.

— Без сомнения. Выслушайте меня внимательно. Вы хотите убить или арестовать этого человека?

Гордон мрачно расхохотался.

— Ответ того, кто носит на ладони знак скорпиона, не может оказаться для вас неожиданным.

— Тогда выслушайте мои объяснения, и глядишь, ваше желание сбудется.

Он подозрительно сощурил глаза.

— Значит, вот в чем смысл вашего дерзкого появления здесь, вот почему вы не оказали сопротивления,— медленно проговорил он.— Выходит, наркотик, от которого так расширились ваши зрачки, настолько въелся в мозг, что вы вообразили, будто сможете заманить меня в ловушку?

Я сжал ладонями виски. Мы теряем драгоценное время. Как же убедить этого человека в моей честности?

— Послушайте, меня зовут Стивен Костиген, я американец. Был завсегдатаем притона Юн Шату и потреблял гашиш, как вы уже догадались, но теперь завишу от более сильного наркотика. При помощи этого наркотика лжепрокаженный — тот, кого Юн Шату и его друзья называют Хозяином, — приобрел надо мной власть и отправил меня сюда, чтобы убить сэра Холдредра, а зачем, одному только Богу известно. Но я получил небольшую передышку, завладев небольшим количеством этого вещества. Без него мне не выжить, а Хозяина я ненавижу и боюсь. Выслушайте меня, и клянусь всем на свете, праведным и неправедным, что тот, кто притворяется прокаженным, попадет в ваши руки еще до восхода солнца!

Могу похвастать, что произвел впечатление на Гордона, хотя он и сопротивлялся этому.

— Говорите! — приказал он. — Живей!

И все-таки я чувствовал его недоверие. Неужели все мои старания — вотще?

— Если не хотите действовать со мной заодно, — с трудом вымолвил я, — отпустите, и я сам найду способ добраться до Хозяина и убить его. Мои часы сочтены, а ведь месть должна свершиться.

— Излагайте свой план, и покороче, — велел Гордон.

— План достаточно прост. Я вернусь к Хозяину и доложу, что выполнил приказ. Вы с вашими людьми следуйте за мной по пятам и, пока я буду заговаривать Хозяину зубы, окружите дом. А потом, по сигналу, ворветесь и убьете его, или схватите.

Гордон нахмурился.

— Где этот дом?

— Складское помещение сразу за притоном Юн Шату. Внутри — настоящий восточный дворец.

— Складское помещение? — не поверил Гордон. — Что за чушь? Я сам сначала так и подумал, но внимательно осмотрел его снаружи. Окна прочно зарешечены и давно покрылись паутиной. Двери крепко заколочены гвоздями, на них старые нетронутые печати. Склады давным-давно заброшены.

— Там подземный ход, — пояснил я. — Он прямоком соединяет Храм Грез со складом.

— Но я изучил проход между зданиями, — удивился Гордон. — Двери склада, выходящие на эту дорожку, забиты еще прежними владельцами. Совершенно ясно, что никакого потайного выхода из Храма Грез не существует.

— Здания соединяются туннелем, а в него ведет дверь из комнаты рядом с курительной. Этот подземный ход заканчивается на складе, в комнате с идолом.

— Я побывал в комнате рядом с курительной и никакой двери там не нашел.

— Это люк. Помните громоздкий стол посреди комнаты? Если его повернуть, в полу появится отверстие. Так вот вам мой план: я возвращаюсь в Храм Грез и встречаюсь с Хозяином в комнате с идолом. Ваши люди заранее незаметно оцепят склад, другая группа расположится на соседней улице, перед фасадом Храма Грез. Притон Юн Шату, как вам известно, обра-

щен фасадом к набережной, а склад — в другую сторону и примыкает к узкому переулку, идущему параллельно реке. Пусть люди, дежурящие на улице, по сигналу ворвутся в склад с фасада и бегут вперед, а вторая группа ринется через Храм Грез. Они должны добежать до комнаты за курительной и открыть потайной люк, как я объяснил. И пусть немилосердно стреляют в каждого, кто встанет на пути. Насколько мне известно, другого выхода из логова Хозяина нет, так что он и его слуги будут вынуждены спасаться через туннель. И попадут в ловушку.

Гордон раздумывал, а я, затаив дыхание, вглядывался в его лицо.

— Возможно, тут какой-то подвох,— произнес он,— или попытка отвлечь меня от охраны сэра Холдредра, но... По натуре я игрок,— неохотно признался он.— Попробую прислушаться к тому, что вы, американцы, называете интуицией. Но только господь Бог вам поможет, если лжете.

Я вскочил и выпрямился.

— Слава Богу! А теперь помогите нацепить этот наряд, потому что именно в нем я должен вернуться к машине.

Глаза Гордона превратились в узкие щелочки, когда я вытащил маскарадную шкуру гориллы.

— Несомненно, это стиль Хозяина! Вам, разумеется, велели оставить отпечатки пальцев, вернее, этих чудовищных перчаток?

— Да, хотя не понимаю, для чего.

— Кажется, я понимаю. Хозяин славится тем, что никогда не оставляет настоящих следов своих

преступлений... Так вот, сегодня вечером из соседнего зоопарка сбежала крупная человекообразная обезьяна. Посмотрите только на эту шкуру, и сразу поймете, в чем тут фокус. В смерти сэра Холлдредра мы бы обвинили и в чем не повинного примата.

У меня будто глаза открылись, и я содрогнулся.

— Уже два часа ночи,— напомнил Гордон.— Учтем время, которое вам понадобится на возвращение в Лаймхауз, и мне — на сбор моих людей у Храма Грез. Обещаю, что к половине пятого дом будет в плотном кольце. Дайте мне фору — подождите здесь, пока я не выйду из этого дома, и тогда я прибуду на место одновременно с вами.

— Идет! — Я порывисто сжал его руку.— Там, вне всякого сомнения, окажется девушка по имени Зулейка. Учтите, она никоим образом не связана с дурными делами Хозяина, она всего лишь жертва обстоятельств, такая же, как и я. Обойдитесь с ней по-хорошему.

— Будет сделано. А какого сигнала мне ждать?

— Сигнала? Как я его подам, по-вашему? Сомневаюсь, что даже самый громкий шум в доме будет слышен на улице. Пусть ваши люди ждут, когда пробьет пять.

Я повернулся, чтобы идти.

— Вас ждет человек с машиной, я правильно понял? А вдруг он что-то заподозрит?

— У меня есть верный способ развеять его подозрения,— мрачно ответил я.— В крайнем случае, вернусь в Храм Грез один.

Глава девятая ЧЕТЫРЕ ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ

Сомнеаясь, делая мечты,
Что смертные прежде не
смели иметь.

верь тихонько хлопнула за мной, громоздкий темный дом выделялся теперь еще резче, чем раньше. Ссутулившись, я пересек мокрую лужайку бегом, выглядя, вероятно, гротескно до жути. Не сомневаюсь: если бы кто-то сейчас меня увидел, он бы сразу поверил, что это вовсе не человек, а гигантская обезьяна. Ну и выдумщик этот Хозяин!

Я вскарабкался на стену, прыгнул с другой стороны и побежал сквозь тьму и туман к купе деревьев, скрывающей машину.

Негр откинулся на спинку переднего сиденья. Я делал вид, что пытаюсь отдышаться, и всевозможными способами изображал злодея, который минуту назад хладнокровно пустил кому-то кровь и удачно сбежал с места преступления.

— Ты ничего не слышал? Ни звука? — с подозрением прошипел я, хватая его за руку.

— Никакого шума, только легкий скрип, когда вы входили, — ответил шофер. — Вы хорошо справились. Окажись тут прохожий, он бы ничего не заметил.

— А ты все время сидел в машине? — поинтересовался я.

Он ответил утвердительно, но я на всякий случай схватил его за лодыжку и пощупал подошву его ботинка: она была абсолютно сухая, как и край штанины. Это меня устраивало, и я взгромоздился на заднее сиденье. Если бы он сделал по земле хоть шаг, мокрые ботинки и брюки выдали бы его.

Я приказал ему не заводить мотор, пока не освобожусь от обезьяньей шкуры, а потом мы помчались в ночи.

Меня мучили сомнения.

С какой стати Гордон должен верить незнакомому человеку, да вдобавок еще и бывшему слуге Хозяина?

Не логичней ли отнести мой рассказ к бреду безумного наркомана?

Или считать его ложью, выдуманной с целью запутать и одурачить его?

Но если он мне не поверил — почему отпустил?

В моих силах было только положиться на него. Во всяком случае, что бы ни сделал Гордон, даже если предпочтет бездействовать, это вряд ли теперь как-то повлияет на мою судьбу. Ничего не изменится и в том случае, если Зулейка добудет эликсир, способный продлить мои дни.

Я задумался о ней. Громче, чем жажда мести Катулосу, во мне заговорила надежда. Гордону, возможно, удастся спасти мою возлюбленную от когтей дьявола. Во всяком случае, мрачно думал я, если Гордон предаст, у меня останутся мои руки, и если они дотянутся до горла чудовища...

Я вспомнил о Юсефе Али, о его странных словах. Странными они мне показались только сейчас. *«Хозяин обещал ее мне, когда настанут дни Империи...»*

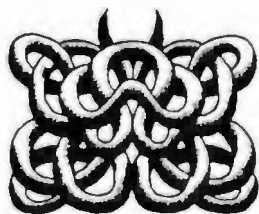
Дни Империи — что это может означать?

Наконец машина притормозила перед темным и притихшим Храмом Грез. Поездка казалась бесконечной. Выходя из автомобиля, я посмотрел на приборную доску. Сердце так и подпрыгнуло: на часах четыре тридцать четыре. Если зрение не обманывало, при свете уличного фонаря на противоположной стороне улицы двигались неясные тени. В такое время ночи это могло означать только одно из двух: или слуги Хозяина наблюда-

ют за моим возвращением, или Гордон держит слово.

Негр уехал, а я открыл дверь, прошел через опустевший бар в курительную. На койках и на полу валялось множество грезящих; ведь здесь не знают смены дня и ночи. В густом дыму едва мерцали лампы, а тишина, подобно туману, нависла надо всем.

Глава десятая ПРОБИЛО ПЯТЬ

Он видел гигантские
смерти пути
И воплощенья судьбы.

Честертон

вое молодых китайцев сидели на корточках среди чадающих огней, они не мигая уставились на меня, когда я двинулся к двери задней комнаты между лежащими телами. Впервые я шел по коридору в одиночестве и снова гадал, что же спрятано в странной формы сундуках, подпирающих стены.

Я негромко постучал четыре раза в потолок и через мгновение стоял в комнате с идолом. И вскрикнул от удивления, но вовсе не Катулос, сидящий по другую сторону стола, вовсе не его ужасная внешность были причинами этого восклицания. Кроме стола, стула, на котором восседало существо с костяным лицом, да еще алтаря, где в этот раз не курились благовония, комната была абсолютно пуста! Вместо роскошных ковров, которые я привык здесь видеть, — неопрятные стены давно заброшенного складского помещения. Пальмы, идол, лакированная ширма — все исчезло.

— А-а, мистер Костиген? Вы, без сомнения, удивлены.

Омертвелый голос Хозяина ударил мне в голову, оборвав мысли. Его змеиные глаза сверкали ненавистью. Длинные желтые пальцы с силой переплетались на поверхности стола.

— Ты, конечно, принимаешь меня за доверчивого дурачка! — выкрикнул он. — Уж не вообразил ли, что я не додумался никого послать, чтобы за тобой проследили? Ну и дурак же ты! За тобой неотступно следовал Юсеф Али!

Секунду я простоял неподвижно: оцепенел от этих слов. Но как только их смысл дошел до меня, я с ревом бросился вперед. И в ту же секунду, прежде чем мои пальцы успели сомкнуться на горле усмехающегося кошмарного существа, со всех сторон на меня кинулись люди. Я повернулся. Из круга надвигающихся на меня лиц ненависть четко выделила одно — Юсефа Али. Я со всей силы врезал ему в висок. Он упал,

но Хассим тут же дал мне подсечку под колени, а китаец накинул мне на плечи сеть, которой ловят людей. Я пытался выпрямиться, разрывая крепкие веревки, точно обыкновенные тесемки, но тут дубинка Ганра Сингха свалила меня, ошеломленного и залитого кровью, на пол.

Сильные руки схватили меня и связали; веревки жестоко вонзились в плоть. Страхивая обморочный туман, я обнаружил, что лежу на алтаре. Катулос, прикрывшись маской, склонился надо мной, точно высоченная башня из слоновой кости. Позади полукругом выстроились Ганра Сингх, Яр-хан, Юн Шату и другие вавсегдатаи Храма Грез. А то, что я увидел позади всех, пронзило меня в самое сердце: Зулейка съежилась в дверном проеме, ее лицо побелело, как простыня, а руки прижались к щекам. Сказать, что она была в ужасе — значит, ничего не сказать.

— Я тебе совсем не доверял,— прошипел Катулос,— вот и отправил Юсефа Али следить за каждым твоим шагом. Он добрался до рошницы раньше твоей машины, прокрался в усадьбу и услышал весьма интересный разговор. Он ведь, как кошка, вскарабкался по стене и притаился не подоконнике! Потом твой шофер нарочно задержался, чтобы дать Юсефу Али вдоволь времени на обратный путь. Я-то решил в любом случае переменить жилище. Мебель уже в пути. Как только мы разделаемся с предателем, то есть с тобой, мы тоже отбудем и оставим здесь небольшой сюрприз для твоего друга Гордона. Когда он притащится сюда? В пять тридцать?

Сердце у меня подскочило: значит есть надежда! Юсеф Али что-то перепутал, и Катулос задержался здесь по ошибке, считая себя в безопасности. Но ведь лондонские полицейские уже оцепили дом! Обернувшись, я заметил, как Зулейка вышла через дверь.

Я смотрел на Катулоса во все глаза, но в смысл его слов не вникал. До пяти оставалось совсем немного; если бы он еще чуть-чуть потянул время... И тут я обмер, потому что по команде египтянина Ли Кунг, высоченный парень с бледным, как у мертвеца, лицом, выступил из полукруга молчаливых людей и достал из рукава длинный тонкий кинжал. Я поглядел на часы, стоящие на столе, и душа провалилась в пятки. Оставалось еще десять минут до пяти. Моя гибель не так уж много значила — в душе я успел себя похоронить, — но я видел внутренним взором, как Катулос со своими разбойниками спасаются бегством, пока полиция ждет, когда пробьет пять.

Катулос вдруг умолк на полуслове и прислушался. Наверно, его предупредила об опасности сверхъестественная интуиция. Визгливой скороговоркой он отдал команду Ли Кунгу, и китаец прыгнул вперед, нацелив кинжал мне в грудь.

И тут, казалось, застыло само время. Высоко надо мной зависло острие длинного кинжала; неожиданно громко и чисто прозвучала трель полицейского свистка, и тотчас началась невообразимая свалка у фасадной стены дома!

Катулос прыгнул к потайному люку, шипя, точно разъяренный кот, его прихвостни бросились за ним. Ли Кунг последовал за остальными,

но Катулос, обернувшись, что-то ему приказал. Китаец поспешно вернулся к алтарю, где лежал я. На его лице появилась отчаянная решимость, он поднял кинжал.

Весь этот шум утонул в душераздирающем крике, и я, изогнувшись, чтобы избежать удара, успел увидеть, как Катулос тащит прочь Зулейку. И тогда, совершенно обезумев, я соскользнул с алтаря — как раз в ту минуту, когда кинжал Ли Кунга, проехав по моей груди, вонзился в темную поверхность и завибрировал.

Упав у самой стены, я не мог разглядеть, что происходило в комнате, но казалось, издали доносились жуткие нечеловеческие крики. Потом Ли Кунг высвободил кинжал и тигром вскочил на край алтаря. Одновременно в дверях грянул пистолетный выстрел. Китаец круто повернулся, кинжал выпал из его пальцев, а сам он грохнулся на пол.

В комнату вбежал Гордон — из той самой двери, где всего несколько секунд тому назад стояла Зулейка. Пистолет в его руке дымился. За ним ворвались трое мужчин в штатском с волевыми лицами. Гордон разрезал мои путы и рывком поставил меня на ноги.

— Быстрее! Куда они подевались?

Я отыскал люк и, потратив еще несколько секунд, нащупал рычаг. Детективы с пистолетами в руках окружили меня, они нервно поглядывали вниз, на неосвещенные ступеньки. Из крошечной темноты не доносилось ни звука.

— Просто мистика! — проворчал Гордон. — Вероятно, Хозяин и его слуги сбежали — ведь

сейчас их явно здесь нет! Лири и его люди должны задержать их в туннеле или в задней комнате Юн Шату. Пора бы им объявиться.

— Осторожно, сэр! — вдруг воскликнул один из детективов, и Гордон, ойкнув, пришиб стволом пистолета громадную змею, беззвучно выползавшую по лестнице из тьмы.

— Поглядим, что там творится, — предложил он, выпрямляясь.

Но я не дал ему даже поставить ногу на верхнюю ступеньку. У меня мороз пошел по коже, когда я сообразил, отчего в туннеле такая тишина, почему до сих пор не пришли детективы, пробиравшиеся сюда с того конца коридора, что за крики я слышал несколько минут назад, лежа на алтаре. Рассмотрев как следует рычаг, который отпирал люк, я нашел рядом другой, поменьше. Теперь я догадывался, что находилось в тех таинственных сундуках.

— Гордон, — прохрипел я, — у вас есть электрический фонарик?

Один из детективов подал фонарь.

— Направьте-ка свет в туннель. Но, если дорожите жизнью, не ставьте ногу на ступеньку.

Луч света разорвал тени, бесстрашно открыв картину, которую я до конца своих дней буду вспоминать с содроганием. На полу подземного коридора, между сундуками, раскрытыми настежь, лежали двое агентов самой лучшей секретной службы Великобритании. Их конечности были сведены судорогой, лица жутко искажены, а вокруг извиваясь ползали десятки мерзких рептилий.

* * *

Холодный серый рассвет крадучись проползал над рекой, а мы стояли в опустевшем баре Храма Грез. Гордон расспрашивал двоих полисменов, карауливших возле здания, когда их товарищи обследовали подземный ход.

— Как только мы услышали свисток, Лири и Мэркен кинулись в бар, а оттуда — в курительную, а мы согласно приказу ждали здесь, перед дверью бара. Оттуда сразу, шатаясь, выскочило несколько оборванных наркоманов, и мы их взяли. Но никто другой из здания не выходил, и мы не получили никаких распоряжений от Лири и Мэркена, так что просто остались ждать здесь, сэр.

— Вы не видели негра-великана или китайца Юн Шату?

— Нет, сэр. Позднее прибыл патруль, и мы оцепили здание, но не видели никого.

Гордон пожал плечами. Еще несколько немудреных вопросов убедили его в том, что полиция захватила действительно безобидных наркоманов, и он приказал их отпустить.

— Точно никто больше не выходил?

— Да, сэр... То есть минутку. Какой-то старикнищий весьма жалкого вида, слепой и в грязных лохмотьях, его вела девушка, тоже оборванка. Мы его остановили, но решили не задерживать. Не может такой жалкий слепец внушать подозрения.

— Ах, не может? — взорвался Гордон. — Куда же он пошел?

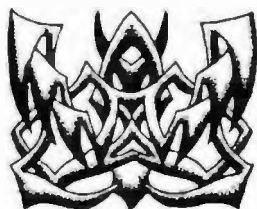
— Девушка повела его по улице к следующему кварталу, а там остановилась какая-то машина, они в нее сели и уехали, сэр.

— О глупости лондонских полицейских уже давно по всему миру рассказывают анекдоты,— с горечью произнес Гордон.— Разумеется, вам и в голову не пришло, что нищий старик из Лаймхауза никак не может разъезжать в собственной машине.

Полицейский открыл было рот, чтобы возразить, но Гордон отмахнулся и повернулся ко мне.

— Мистер Костиген, давайте вернемся ко мне и уточним некоторые обстоятельства.

Глава одиннадцатая ЧЕРНАЯ ИМПЕРИЯ

О, копыта длинные в крови,
несчастных женщин крики!
Придет ли, как для англичан,
день славный и великий?

Манди

Г

ордон зажег спичку, но рассеянno дал ей погаснуть и выпасть из руки. Турецкая сигарета так и осталась незажженной у него между пальцами.

— Это самое логичное из возможных заключений, — проговорил он. — Слабое звено нашей цепи — нехватка людей. Но, проклятие, никто не способен в два часа ночи

собрать целую армию и привести ее в боевую готовность, даже с помощью Скотланд-Ярда. Я отправился в Лаймхауз и отдал приказ, чтобы за мной немедленно последовали несколько полицейских патрулей и окружили дом. Но они прибыли слишком поздно и не помешали слугам Хозяина выскочить из двери черного хода и в окна, а Хозяин, конечно, замешкался, чтобы переодеться и загримироваться. В этом наряде его и увидели полицейские. Он ловок и смел, а потому очень опасен, да тут еще Финнеган с Хансеном затеяли считать ворон. Девушка, которая его вела...

— Конечно, Зулейка.

Я выговорил это имя с показным безразличием. Снова гадая, что так привязало ее к египетскому чародею.

— Вы обязаны ей жизнью,— оборвал меня Гордон, зажигая другую спичку.— Мы стояли в тени перед складом, ждали, когда пробьет пять, и, разумеется, понятия не имели о том, что происходит в доме. И тут в одном из зарешеченных окон появляется девушка и именем Бога умоляет нас вмешаться, мол, убивают человека. Вот мы и ворвались. Однако ее уже не было в здании.

— Разумеется, она вернулась в комнату,— пробормотал я,— и ее заставили сопровождать Хозяина. Благодарение Богу, он не заподозрил ее в предательстве.

— Я ведь не знаю,— задумчиво сказал Гордон, бросая обгорелую спичку,— догадалась ли она, кто мы такие на самом деле, или просто ею

двигало отчаяние. Как бы то ни было, свидетели показывают, что, услышав свисток, Лири с Мэркеном кинулись в заведение Юн Шату с парадного входа в тот самый момент, когда я с тремя людьми атаковал склад спереди. И, поскольку мы потратили несколько секунд на взлом двери, логично предположить, что они обнаружили потайной люк и вошли в подземный коридор еще до того, как мы проникли в здание склада. Хозяин же, заранее зная наши намерения, давно подготовил сюрприз...

Я содрогнулся.

— ...Хозяин с помощью рычага открыл сундуки,— продолжал Гордон.— Лежа на алтаре, вы слышали предсмертные крики Лири и Мэркиена. Затем Хозяин оставил китайца, чтобы тот прикончил вас, а сам вместе с остальными спустился в подземный коридор, и, каким-то чудом пройдя невредимым мимо змей, они поднялись в заведение Юн Шату, а оттуда удрали.

— Но это совершенно невозможно. Почему змеи их не тронули?

Гордон наконец-то зажег сигарету и немного подымил, прежде чем ответить.

— Вероятно, рептилиям было не до них — они вымещали зло на умирающих. Или... У меня была возможность получить бесспорные доказательства власти Хозяина над теплокровными и пресмыкающимися, даже на самые низшие и опасные виды. Как он со своими слугами пробрались целыми и невредимыми мимо этих чешуйчатых дьяволов, пока остается одной из многих неразрешенных загадок.

Я нетерпеливо поерзал на стуле. Эти слова напомнили мне, для чего я приехал в аккуратную, но эксцентрично обставленную квартиру Гордона.

— Вы еще не объяснили, кто он такой и какова его цель.

— Могу только сказать: он известен под кличкой, которой его зовете вы,— Хозяин. Я никогда не видел его истинного лица. Я также не знаю ни его настоящего имени, ни национальности.

— Тут я могу хотя бы кое-что прояснить,— перебил я.— Я видел его без маски и слышал имя, которым его называют рабы.

У Гордона сверкнули глаза, он подался вперед.

— Его зовут Катулос, и он якобы египтянин.

— Катулос! — повторил Гордон.— Говорите, он якобы египтянин? У вас есть какие-то причины сомневаться в этом?

— Возможно, он и правда из Египта,— медленно выговорил я,— но он чем-то отличается от любого человеческого существа, которое я когда-либо видел или надеюсь увидеть. Возможно, некоторая странность объясняется его почтенным возрастом, но есть и определенные видовые расхождения. Моих познаний в антропологии достаточно, чтобы утверждать: он с самого рождения обладает чертами, которые считались бы отклонениями от нормы у любого другого человека. Но для Катулоса они абсолютно закономерны. Допускаю, это звучит парадоксально, но вам бы самому посмотреть на

него — вы бы тогда убедились в ужасной нечеловеческой сущности этого создания.

Гордон сидел молча — воплощенное внимание, а я торопливо перечислял приметы египтянина. Его черты неизгладимо отпечатались в моей памяти.

Когда я закончил, Гордон кивнул.

— Как я уже сказал, я видел Катулоса только под личиной нищего, или прокаженного, или еще кого-нибудь в этом роде, и он всегда был с ног до головы закутан в самые невообразимые лохмотья. И все-таки на меня тоже производила сильное впечатление его необычайность, чуждость. В других людях вы ничего подобного не найдете.

Гордон побарабанил пальцами по колепу, — я уже понял, он всегда так делает, глубоко задумавшись.

— Вы спросили меня о целях этого существования, — не спеша начал он. — Расскажу все, что знаю сам.

Я занимаю исключительно важный пост в британском правительстве, возглавляю некую комиссию по особым поручениям — эта служба создана по моей личной инициативе. В войну я сотрудничал с «Секрет Сервис» и убедился в необходимости подобного отдела, как и моей способности им руководить.

Года полтора тому назад меня послали в Южную Африку выяснить причины беспорядков, растущих среди туземцев со времен Первой мировой войны. В последние годы эти волнения приняли поистине угрожающие раз-

меры. Тут я впервые попал на след этого человека, Катулоса. Африка превратилась в кипящий котел от Марокко до Кейптауна. Окольными путями я выяснил, что здесь вспомнили старую клятву: все негры и мусульмане должны объединиться и сбросить белых людей в море. Этот заговор возник давным-давно, но мятежников много раз громили, и уцелевшие прятались. Однако теперь я почувствовал за этой таинственной завесой гигантский интеллект, чудовищный гений, достаточно мощную силу, чтобы воскресить союз и осуществить старый план. Я опирался только на уклончивые намеки и случайно оброненные фразы, но сумел пройти по следу через всю Центральную Африку, до самого Египта. И там наконец отыскал доказательство тому, что такой человек действительно существует. Люди шептали мне о каком-то живом мертвеце, о человеке с костяным лицом. Я выяснил, что этот субъект — верховный жрец таинственного культа Скорпионов в Северной Африке. Называли его по-разному: то Человек с Костяным Лицом, то Хозяин, то Скорпион.

Официально получая сведения у чиновников и пользуясь утечкой информации государственных спецслужб, я наконец добрался до Александрии, где впервые его увидел в туземном квартале, в притоне — Катулос был замаскирован под прокаженного. Я отчетливо слышал, как туземцы обращались к нему «Могущественный Скорпион». Тогда ему удалось от меня скрыться, оборвав все следы.

И ничего не смог предпринять, пока до меня не дошли слухи о странных происшествиях в Лондоне. И я вернулся в Англию, чтобы расследовать утечку информации в военном ведомстве.

Как я и предполагал, Скорпион опередил меня. Этот человек, чье образование и тонкий интеллект превосходили все, с чем мне приходилось сталкиваться, оказался всего-навсего вождем и подстрекателем распространившегося по всему миру заговора. Правда, таких масштабов планета еще не знала. Короче говоря, он ведет войну против белой расы, намереваясь одолеть ее господство!

Его конечная цель — создание черной империи, причем он сам будет императором всего мира! Для этого он объединил в чудовищном союзе черных, коричневых и желтых.

— Теперь я понимаю, что подразумевал Юсеф Али, когда говорил: «в Дни Империи», — пробормотал я.

— Вот именно! — Гордон в волнении стукнул по колену кулаком. — Власть Катулоса безгранична и непредсказуема. Щупальца этого спрута проникли во все очаги цивилизации, во все дальние уголки мира. Главное его оружие — наркотики. Он наводнил Европу и, разумеется, Америку опиумом и гашишем, и, несмотря на все наши усилия, до сих пор не обнаружены границы, через которые поступает эта мерзость. С ее помощью он соблазняет и порабощает мужчин и женщин. Вы мне рассказали о людях аристократической

внешности, которых видели в притоне Юн Шату. Несомненно, это наркоманы: ведь этот порок, как я уже сказал, тайно угнездился в высших классах общества. Многие жертвы наркотиков занимают высокие должности и расплачиваются с Катулосом государственными тайнами, а также покрывают его преступления.

О, наобум он не работает! Прежде, чем обрушить на нас черный шквал, он как следует подготовится. Если добьется своего, белые правительства будут ослаблены коррупцией, а самые сильные представители нашей расы погибнут. Он овладеет всеми нашими военными секретами. Когда начнется война, цветные нанесут нам удар в спину. И удар этот будет тем страшнее, что цветные переняли у белых всю военную науку. Под началом такого генерала, как Катулос, владея лучшим оружием белых, эта армия будет практически непобедимой.

В Западную Африку устремился могучий поток оружия и боеприпасов, и он не иссякнет, пока я не раскрою его источник. Я обнаружил вполне respectable шотландскую фирму, которая контрабандой доставляла это оружие туземцам, и даже более того: управляющий фирмой оказался наркоманом. Этого было достаточно: я понял, что тут не обошлось без Катулоса. Управляющего арестовали, и он покончил с собой в тюремной камере — и это лишь одно из многих щупальцев, с которыми мне пришлось иметь дело.

А вот вам история майора Фэрлана Морли. Он выполнял не менее важную миссию, чем я, в Трансваале, послал в Лондон кучу секретных документов. Все это поступило несколько недель назад и легло в банковский сейф. В сопроводительном письме содержалась инструкция: документы ни в коем случае нельзя отдавать никому, кроме самого майора, когда он явится за ними лично, или в случае его смерти их могу получить я.

Как только мне стало известно, что он пришел на пароходе из Африки, я отправил доверенных людей в Бордо, где он намеревался совершить первую высадку в Европе. Им не удалось спасти жизнь майора, но они нашли его тело в трюме отслужившего свой срок и выброшенного морем на берег корабля. Сначала мы всячески пытались держать обстоятельства этого дела в секрете, но они все же просочились в прессу.

— Начинаю понимать, почему я должен был изображать этого несчастного майора,— встал я.

— Именно так. Если приклеить накладную бороду и перекрасить волосы, вам оставалось бы явиться в банк, обратиться к банкиру, который знал майора Морли ровно настолько, чтобы его обманула ваша внешность, и документы попали бы в руки Хозяина.

Могу только догадываться о содержании этих бумаг, потому что события развивались слишком быстро, и я, получив приказ, никак не смог до них добраться. Но думаю, в них со-

держатся сведения о людях, прочно связанных с Катулосом. Как он узнал об этих документах и о сопроводительном письме, представления не имею, но повторю, Лондон кишит его шпионами.

Ища ответа к загадке, я часто наведывался в Лаймхауз, переодевшись и загримировавшись,— однажды вы сами меня увидели в образе наркомана. Я сделался завсегдатаем Храма Грез и даже ухитрился побывать в задней комнате, так как подозревал, что где-то на задворках происходят таинственные события. Когда я не нашел выхода наружу, это сбilo меня с толку, а времени на поиски люка не осталось, потому что явился этот проклятый негр Хассим и вышвырнул меня. К счастью, он не подозревал, кто я на самом деле. Я заметил прокаженного, очень часто приходящего к Юн Шату, и в конце концов догадался, что этот мнимый калека — сам Скорпион.

В ту ночь, когда вы заметили меня в курительной, я пришел туда без определенного плана. Увидев, что Катулос уходит, я решил встать с койки и последовать за ним, но вы все испортили.— Гордон потер подбородок и невесело усмехнулся.

— В Оксфорде я был чемпионом бокса среди любителей,— заметил он,— но сам Том Крибб не устоял бы под тем ударом.

— Сожалею, хотя мало о чем мне приходится так сожалеть.

— Нет нужды. Ведь я обязан вам жизнью. Вы сбили меня с ног, но я не настолько потерял

сознание, чтобы не соображать. Я сразу понял: этот шоколадный дьявол Юсеф Али не успокоится, пока не проткнет мне сердце.

— Но как вы оказались в доме сэра Холдред Френтона? И почему не привели полицейских в вертеп Юн Шату?

— А я знал: Катулоса так или иначе предупредят, и мы останемся с носом. А у сэра Холдред я оказался в ту ночь потому, что после его возвращения из Конго решил охранять его по ночам. Я опасался покушения на его жизнь. Из его собственных уст я услышал о подготовке им мирного договора с тайными обществами туземцев Западной Африки.

Он начал над ним работать, исходя из своих открытий, сделанных во время путешествия. Сэр Холдред намекал, что после подписания договора он собирается сделать несколько сенсационных сообщений. Поскольку Катулос готов уничтожить любого, кто способен подняться против него западный мир, понятно, что сэр Холдред был обречен. В самом деле, на него дважды покушались, еще пока он продвигался вдоль африканского берега. Вот я и направил к нему верных людей, они даже сейчас на посту. Бродя по неосвещенному дому, я услышал шум — это проникали вы. Я предупредил охранников и спустился на первый этаж. Пока мы с вами беседовали, сэр Холдред сидел в темном кабинете, а вокруг него стояли агенты Скотленд-Ярда с пистолетами наготове. И конечно, мы обязаны их бдительности: именно благодаря ей Юсефу Али не

удалось раскрыть ваши планы. Что-то в вашем поведении, вопреки логике, убедило меня,— сказал Гордон задумчиво.— Сознаюсь, были у меня сомнения, когда я ждал в потемках перед складом.

Гордон вдруг поднялся, прошел в угол комнаты и достал из сейфа тонкий конверт.

— Катулос почти всегда меня опережал,— добавил он,— но и я не бездействовал. Я внимательно наблюдал за завсегдатаями притона Юн Шату и составил, хотя и неполный, список подручных египтянина с указаниями примет каждого. Ваш рассказ позволил мне дополнить этот перечень. Насколько нам известно, сторонники Катулоса есть во всем мире, и возможно, здесь, в Лондоне, их сотни. Но в этот список попало, как я считаю, его ближайшее окружение. Он сам проговорился, что некоторые приближенные даже видели его без маски.

Мы склонились над списком, содержащим следующие имена: «Юн Шату, гонконгский китаец, подозревается в контрабанде наркотиков, содержатель Храма Грез, проживает в Лаймхаузе в течение семи лет. Хассим, бывший вождь в Сенегале — разыскивается во Французском Конго за убийство. Сантьяго, негр — сбежал с Гаити, подозревается в жестоких культовых ритуалах с приношением человеческих жертв, африканец, о деятельности в последние годы ничего не известно. Юсеф Али, мавр, марокканский работороговец — во время войны был немецким шпионом, подстрекатель восстания

феллахов на Верхнем Ниле. Ганра Сингх, уроженец Лахора в Индии — сикх, контрабандой ввозил оружие в Афганистан, принимал активное участие в восстаниях в Лахоре и Дели, подозревается в нескольких непредумышленных убийствах, опасен. Стивен Костиген, американец, после войны живет в Англии, потребляет гашиш, обладает невероятной силой. Ли Кунг, из Северного Китая, промышляет торговлей опиумом».

Три имени были выделены жирной чертой: мое, Ли Кунга и Юсефа Али. К моему имени больше ничего не добавлено, а насчет Ли Кунга Гордон торопливым вихляющим почерком написал: «Застрелен Джоном Гордоном во время облавы в заведении Юн Шату». А после имени Юсефа Али я прочел: «Убит Стивеном Костигом при облаве в заведении Юн Шату».

Я невесело рассмеялся. Будет когда-нибудь создана черная империя или нет, но Юсефу Али не суждено заключить Зулейку в свои объятия.

— Уж не знаю, — задумчиво произнес Гордон, возвращая список в конверт, — чем Катупос объединяет и подчиняет себе черных и желтых, — но ему удалось сплотить закоренных врагов нашей цивилизации. Под его знаменами собрались и индусы, и мусульмане, и язычники. А там, в туманах Востока, где действуют гигантские таинственные силы, это объединение совершается в чудовищном масштабе.

Гордон глянул на часы:

— Уже почти десять. Располагайтесь здесь как дома, а я съезжу в Скотленд-Ярд, узнаю, что интересного нашли на новой квартире Катулоса. Думаю, что из нашей паутины ему уже не выскользнуть. Обещаю вам: мы выследим шайку, самое большое, за неделю.

Глава двенадцатая ШРАМ ОТ КРИВОЙ САБЛИ

Сытый мир проторенной
дорогой тут
Кружится, а тощие
волки ждут.

Манди

Я

сидел один в квартире Джона Гордона и безрадно смеивался. Несмотря на стимулятор-эликсир, напряжение бессонной ночи, вкуче с предыдущими тяжкими испытаниями, давали о себе знать. Воображение рисовало необычную карусель — с неопикуемой быстротой мелькали лица Гордона, Катулоса, Зулейки. Сведения, пре-

доставленные мне Гордоном, смешались в один клубок, невозможно было отделить факты один от другого.

И сквозь все эти затуманенные лица и мельтешащие факты проступала одна-единственная мысль: я должен найти новое логово египтянина и вырвать Зулейку из его рук — если она еще жива.

Неделя, сказал Гордон. Я опять рассмеялся. Через неделю я уже буду не в состоянии помочь кому бы то ни было. Фляжки эликсира мне хватит, самое большее, на четыре дня. Четыре дня, чтобы прочесать все крысиные норы Лаймхауза и Чайна-Тауна, чтобы разыскать в лабиринтах Ист-Энда убежище Катулоса.

Мне не терпелось начать поиски, но организм взбунтовался. Пошатываясь, я добрался до дивана, упал и моментально заснул.

— Проснитесь, мистер Костиген!

Я сел, щурясь и изо всех сил протирая глаза. Надо мной стоял Гордон с совершенно измученным лицом.

— Дьявольский план удался. Скорпион ужалил еще раз.

Я вскочил, спросонья только отчасти осмыслив эти слова. Гордон помог мне натянуть пиджак, нахлобучил мне на голову шляпу. Потом я почувствовал его уверенную руку. Он вывел меня из комнаты, и мы спустились по лестнице. Уличные фонари горели вовсю. Сколько я проспал?

— Закономерное убийство! — Слова моего спутника едва доходили до меня. — Он должен был известить меня тотчас по прибытии.

Мы очутились на краю тротуара, Гордон позвал такси и назвал адрес небольшого отеля в центральном районе.

— Не понимаю... — сонно начал я.

— Барон Роков, — пояснил Гордон; мы уже мчались с бешеной скоростью. — Русский журналист и политик, связанный с военным ведомством. Вчера он вернулся из Монголии — очевидно, сбежал. Он, конечно, узнал что-то важное насчет пробуждения Востока. С нами Роков не успел связаться, и я даже не подозревал, что он в Англии.

— И как вы узнали?..

— Барона нашли в его номере. Труп самым ужасным образом изрублен.

В респектабельном и удобном отеле — последнем пристанище злосчастного барона — царил переполох. Гостиницу уже наводнили полицейские. Администрация пыталась успокоить гостей, но те каким-то образом узнали об ужасном происшествии, и многие спешили съехать, тем более, что полиция намеревалась провести расследование по всей форме.

Номер барона на верхнем этаже описывать не возьмусь. Даже на войне я не видел подобного хаоса. Мертвеца обнаружила горничная полчаса назад, и с тех пор здесь никто ничего не трогал. Столы и стулья в беспорядке валялись на полу, мебель, пол и стены были залиты кровью. На середине комнаты лежал рослый мускулистый мужчина, и выглядел он поистине жутко. Ему размозжили череп до самых бровей, подмышкой зияла глубокая рана, виднелись

сломанные ребра; левая рука превратилась в кусок кровавого мяса. На бородатом лице застыло выражение неопишемого ужаса.

— Наверняка тут поработали тяжелым кривым клинком, — сделал вывод Гордон. — Что-то вроде сабли. И удар нанесен с невероятной силой. Посмотрите-ка сюда: промахнувшись, убийца рассек подлокотник толщиной несколько дюймов. А вот эту спинку тяжелого стула перерубили, точно лист фанеры. Определенно, это сабля.

— Кривая сабля, — задумчиво подтвердил я. — Неужели вы не узнаете почерк мясника из центральной Азии? Здесь побывал Яр-хан.

— Афганец! Он, несомненно, пробрался по крышам и спустился на подоконник по перевязанной узлами веревке. Около половины второго горничная проходила по коридору и слышала страшный шум в номере у барона — грохот падающих стульев и короткий вопль, который тут же сменился хрипом. А еще звучали тяжелые приглушенные удары, подобные издает мясницкий топор при разделке туши. Затем вдруг наступила тишина. Горничная позвала управляющего, и они хотели войти в номер, но дверь оказалась заперта. Они звали барона по имени, а, не получив ответа, отомкнули дверь запасным ключом. В номере они нашли только труп. Окно было распахнуто. Это странным образом отличается от обычных преступлений Катулоса. Слишком грубая работа. Египтянин почти всегда заботится о том, чтобы смерть его жертв выглядела естественной. Ничего не понимаю.

— Ну, результат тот же самый,— возразил я. — В номере не оставили прямых улик, изображающих убийцу.

— Верно.— Гордон нахмурился.— Мы знаем, кто это сделал, но доказательств никаких, даже отпечатков пальцев нет. Если даже мы разыщем и арестуем афганца, то ровным счетом ничего не добьемся. Найдутся десятки прохвостов, которые подтвердят его алиби. Барон вернулся только вчера. Катулос, вероятно, до сегодняшнего вечера не знал о его приезде. Он понял, что Роков завтра же свяжется со мной и поделится тем, что ему удалось узнать в Северной Азии. Египтянин решил бить наверняка. Так как у него не хватило времени на более хитроумный план, он послал в отель афганца с саблей. Тут мы ничего не можем сделать, по крайней мере пока не найдем убежище Скорпиона; а уж то, что барон узнал в Монголии, навсегда останется для нас тайной. В одном можно не сомневаться: это связано с заговором Катулоса.

Мы снова спустились по лестнице вместе с Хансеном, детективом из Скотленд-Ярда. Когда мы оказались на улице, Гордон предложил нам пойти пешком к нему домой, и я порадовался возможности впустить свежий ночной воздух в темные лабиринты моего мозга и смести обрывки мрачных мыслей, подобно клочьям паутины.

На пустынной улице Гордон крепко выругался.

— Но ведь мы просто блуждаем в потемках! Здесь, в столице цивилизованного государства, заклятый враг цивилизации совершает гнусные

преступления и ходит на свободе. Получается, что мы — малые дети, плутающие в ночном лесу, где рыщут волки-людоеды. Настоящего дьявола из ада мы пытаемся победить оружием закона. Его истинной сущности мы по-прежнему не знаем, и об истинных размерах его честолюбия можем только догадываться! Ни разу нам не удалось арестовать хотя бы одного из ближайших помощников Египтянина, а те немногие простофили — слепые орудия его воли, которых мы задерживали, таинственно покидали этот мир, не успев ничего рассказать. Чем же все-таки околдовал Катулос людей самых разных верований и национальностей? Допустим, в Лондоне его окружают отщепенцы, наркоманы, но ведь его щупальца оплели весь Восток. Несомненно, он владеет таинственной силой. Удалось же ему отправить на верную смерть китайца Ли Кунга и заставить мусульманина Яр-хана пройти по крышам Лондона и совершить страшное преступление. И эта сила держит в невидимых оковах рабства черкешенку Зулейку.

Конечно, нам известно, — продолжал Гордон после недолгих раздумий, — что на Востоке есть тайные общества, стоящие выше каких бы то ни было государственных соображений и догматов веры. В Африке и Азии имеются культуры, чье происхождение уходит в далекое прошлое, к Офиру и гибели Атлантиды. Этот человек, должно быть, обладает властью над этими обществами или хотя бы над некоторыми из них. Но ведь я не знаю ни одного восточного народа, за исключением евреев, который остальные вос-

точные племена презирал бы так, как египтян. И все-таки мы имеем дело с человеком, выдающим себя за египтянина, — и этот человек держит в своих руках жизни и судьбы и ортодоксальных мусульман, и индусов, и синтоитов, и дьяволопоклонников. Уму непостижимо! Слышали вы когда-нибудь, — он вдруг резко повернулся ко мне, — упоминания океана в связи с Катулосом?

— Никогда.

— В Северной Африке есть поверье, о нем говорят только шепотом. Очень древняя легенда о том, что великий вождь всех цветных народов в один прекрасный день выйдет из моря! И как-то я слышал от одного берберера слова «Сын Океана». Он говорил о Скорпионе!

— Но так обычно в племени берберов выражают уважение, разве вы этого не знаете?

— Знаю. И все-таки иной раз удивляюсь.

* * *

— Как поздно открыта эта лавка! — удивился Гордон.

На Лондон опустился туман, а на тихой улочке мерцали огоньки в красноватой дымке, столь характерной для теперешних атмосферных условий. Наши шаги отдавались мрачным эхом. Даже в самом центре великой столицы всегда можно забрести в местечко на вид безлюдное и забытое. Такова и эта улица. Мы не видели ни одного полисмена.

Лавка, которая привлекла внимание Гордона, находилась как раз перед нами, на той же

стороне улицы, где мы шли. Вывеска над дверью отсутствовала, виднелась только эмблема, что-то вроде дракона. Из отворенной двери и с витрин струился свет. Поскольку дверь вела не в кафе или гостиницу, мы от нечего делать заинтересовались, чем тут торгуют в столь поздний час. При обычных обстоятельствах никто из нас не обратил бы внимания на такую странность, но нервы у нас были на пределе, и все, выбивающееся из ординарного порядка вещей, не могло не вызывать подозрения. И тут произошло нечто, явно нарушившее обыденность.

Очень высокий и худой мужчина, сутулясь, неожиданно выскочил из-за угла как раз перед нашим носом. Я успел бросить на него единственный взгляд. Худоба производила сильное впечатление, одет он был в измятый поношенный костюм, шелковая шляпа с высокой тульей опущена до самых бровей, а лицо скрыто шарфом. Он быстро повернулся и вошел в лавку. Холодный ветер прошелестел по улице, сгоняя туман в отдельные прозрачные клочки, но мурашки, пробежавшие у меня по коже, были вызваны не ветром.

— Гордон! — Я старался говорить потише. — Или у меня распоясалось воображение, или в этот дом только что вошел сам Катулос!

У Гордона сверкнули глаза. Мы как раз поравнялись с лавкой, и он, перейдя на бег, ринулся в дверь, а мы с детективом постарались не отстать от него ни на дюйм.

Нашим взорам предстал весьма фантастический ассортимент товаров. На стенах висе-

на уйма древнего оружия, а на полу громоздились любопытнейшие предметы. Майорийские идолы подпирали плечами китайских кумиров, сваленные в кучи средневековые доспехи темнели среди множества ковров и шалей времен Римской империи. Лавка оказалась антикварной. Но мы не увидели в ней того, кто вызвал наш интерес.

Из задней части лавчонки вышел старик в причудливом наряде: парчовый халат, красная феска и турецкие домашние туфли. Он походил на левантийца.

— Что-нибудь желаете, благородные господа?

— Я вижу, вы открыты допоздна,— заметил Гордон, рыща взглядом в поисках тайного убежища.

— Да, сэр. Среди моих покупателей множество чудаков — преподавателей и студентов. Они ведут довольно беспорядочный образ жизни. А с приходящих ночью судов мне часто доставляют интересный товар. Я торгую всю ночь, сэр.

— Мы просто так, зашли посмотреть.— Гордон повернулся и тихо приказал Хансену: — Иди к задней двери и задержи любого, кто попытается выйти черным ходом.

Хансен кивнул и, стараясь не привлекать к себе внимания, двинулся в указанном направлении. Мы отлично видели заднюю дверь, хотя помещение загромождали антикварная мебель и тусклые ковры, выставленные на обозрение. Мы так быстро последовали за Скорпионом — если это действительно был он,— что он едва ли успел пройти через весь магазин и выскользнуть неза-

меченным. Мы не спускали глаз с черного хода с тех пор, как переступили порог.

Мы с Гордоном неспешно бродили между всевозможными редкостями и с самым невинным видом обсуждали некоторые из них, хоть я понятия не имел об их цене. Левантиец, скрестив ноги, уселся на мавританский коврик в середине помещения и, по всей видимости, проявлял к нам лишь вежливый интерес.

Через некоторое время Гордон прошептал мне:

— Больше не имеет смысла притворяться. Во все места, где легко мог бы спрятаться Скорпион, мы заглянули. Лучше я представлюсь, и мы как следует обыщем все здание.

Пока он говорил, у парадного входа затормозил грузовик, и в лавку вошли два здоровенных негра. Левантиец явно поджидал их. Взмахом руки он указал на заднюю часть лавки, и они жестами дали знать, что поняли его.

Вертикально у задней стены стоял длинный ящик, вроде футляра для мумии. Мы с Гордоном внимательно наблюдали, как негры подошли к ящику, перевернули горизонтально и осторожно понесли к двери.

— Стойте! — Гордон шагнул вперед и властно поднял руку. — Я представитель Скотленд-Ярда и уполномочен делать все, что сочту необходимым. Поставьте-ка мумию и ничего не выносите из лавки, пока мы ее не обыщем.

Негры беспрекословно подчинились, а мой друг повернулся к левантийцу. Тот внешне ничуть не встревожился и даже, казалось, не

заинтересовался. Знай себе сидел и покуривал трубку.

— Меня интересует высокий мужчина, который вошел сюда за секунду до нас. Кто он и куда подевался?

— До вас никто не входил, сэр. А если и вошел случайно, так я стоял у задней двери и не заметил. Вы, конечно, вольны обыскать мою лавку, сэр.

Мы так и сделали, соединив искусство агента «Сикрет Сервис» и обитателя преступного мира. Хансен твердо стоял на своем посту, а оба негра застыли возле ящика с мумией. Левантиец сидел, точно сфинкс, на коврике, попыхивая трубкой. От всего этого веяло нереальностью.

Наконец мы в полном недоумении вернулись к ящику с мумией. Он был достаточно велик, чтобы спрятать даже такого рослого человека, как Катулос. Ящик оказался незапечатанным, и Гордон без труда поднял крышку. Нашим глазам престало нечто бесформенное, обмотанное полусгнившими тряпками. Гордон раздвинул их, приоткрыв руку со сморщенной темной кожей, и невольно вздрогнул, как будто коснулся ядовитого гада. Затем снял с ближайшей полки металлического идола и постучал им по усохшей груди и по руке. Раздался глухой звук, как от ударов о дерево.

Гордон пожал плечами.

— Мертв, по меньшей мере, две тысячи лет. Наверно, не стоит портить такую ценную мумию ради того, чтобы доказать это.

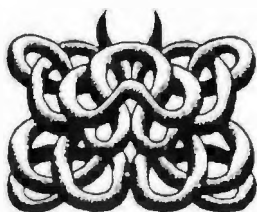

Он снова закрыл ящик.

— Надеюсь, я ничего не повредил.

Последнюю реплику Гордон адресовал левантийцу, а тот ответил лишь вежливым жестом. Тут негры опять подняли ящик и понесли к грузовику, и через секунду мумия, машина и грузчики исчезли в тумане.

Гордон все еще заглядывал во все углы, а я застыл посреди лавки. Казалось, будто сквозь все повязки, закрывающие лицо мумии, меня обожгли ненавидящим взглядом громадные глаза. Эти глаза, похожие на два желтых огня, проникли мне в самую душу, заставили оцепенеть. Сначала я объяснил это игрой отравленного наркотиками воображения, но, когда ящик проносили через дверь, я понял, что мумия человека, мертвого уже Бог знает сколько веков, безмолвно смеется над нами.

Глава тринадцатая МЕРТВЕЦ ИЗ МОРЯ

Г

ордон свирепо пыхал дымом турецкой сигареты и невидяще смотрел на сидевшего напротив него Хансена.

— Полагаю, мы должны «отпраздновать» еще одну неудачу. Камонос, этот левантиец, очевидно, человек египтянина, и совершенно ясно, что во всех стенах и полах его лавочки полно тайных

лазеек, которые и чародея поставили бы в тупик.

Хансен что-то буркнул в ответ, а я промолчал. С той минуты, как мы вернулись на квартиру Гордона, меня не покидало ощущение слабости и заторможенности, но причина крылась не только в моем состоянии в последние дни. Мой организм был полон эликсира, но мозг работал до странности замедленно, тяжело было воспринимать и осознать окружающее, дьявольский наркотик уже не стимулировал мои умственные способности.

Это состояние покидало меня медленно, точно туман, поднимающийся с поверхности озера; казалось, я постепенно выхожу из долгого и неестественноглубокого сна.

Я услышал снова слова Гордона:

— Многие я отдал бы, чтобы узнать, является ли Камонос рабом Катулоса, и еще — удалось ли Скорпиону сбежать каким-то обычным путем.

— Камонос — его слуга, это точно. — Я осознал, что медленно выговариваю эти слова, как бы ощупью находя каждое из них. — Когда мы выходили, я заметил, как он бросил взгляд на изображение скорпиона у меня на ладони. Он сразу сощурился, а когда мы покинули лавку, ухитрился подойти ко мне вплотную и поспешно шепнуть: «Сохо, сорок восемь».

Гордон резко выпрямился, точно спица, которую согнули и тут же отпустили:

— Ах, вот как?! — рявкнул он. — Что же вы мне сразу не сказали?

— Не знаю.

Мой друг внимательно посмотрел на меня.

— Я заметил, всю дорогу из этой лавки вы производили впечатление сильно одурманенного,— сказал он.— Я приписал это гашишу. Но нет. Несомненно, Катулос — искусный ученик Месмера, чем и объясняется его власть над ужасными пресмыкающимися, и я начинаю верить, что здесь и кроется истинный источник его господства над людьми. Только что в этой лавке Хозяин ослабил вашу бдительность и частично овладел сознанием. Из какого тайного убежища он послал мысленные волны, расшатавшие ваш мозг, я не знаю, но уверен: Катулос скрывался в лавке.

— Да, в ящике для мумии.

— В ящике для мумии! — воскликнул Гордон.— Но это невысказанно! Мумия заполняла весь ящик, даже такое тощее существо, как Хозяин, не могло бы там поместиться!

Я пожал плечами, будучи не в состоянии оспорить эту истину, но и не сомневаясь в справедливости своего заявления.

— Камонос,— продолжал Гордон,— несомненно, не входит в ближайшее окружение Хозяина и не знал о вашей «измене». Он увидел знак скорпиона и принял вас за шпиона Хозяина. Все это может оказаться ловушкой, но мне сдается, он был искренен,— возможно, по указанному им адресу и скрывается новое логово.

Я подозревал, что Гордон прав, хоть и испытывал сомнения.

— Вчера я опечатал архив Морли,— продолжал Гордон.— Пока вы спали, я просмотрел

те бумаги. Большинство из них подтверждают уже известное мне — насчет волнений среди туземцев. Повторяется вывод, что за всем этим должен стоять один гениальный разум невероятного масштаба. Но я обнаружил в записях одно обстоятельство, которое меня сильно заинтересовало. Думаю, оно заинтересует и вас.

Гордон достал из сейфа листы, исписанные сжатым аккуратным почерком несчастного майора, и приглушенным голосом (сквозь монотонность все-таки пробивалось волнение) прочитал кошмарный рассказ:

«Я считаю, надо написать об этом происшествии, а дальнейшее покажет, насколько все это важно. В Александрии, где я провел несколько недель, пытаясь вновь выйти на след человека, именующего себя Скорпионом, мой друг Ахмед-шах познакомил меня с известным профессором-египтологом Эзрой Шулером из Нью-Йорка. Он подтвердил заявление, сделанное различными неспециалистами, относительно легенды «о человеке из океана». Источник этого мифа, переходящего из поколения в поколение, кроется в тумане древних времен. Вкратце его можно изложить так: в один прекрасный день из моря выйдет человек и принесет народу Египта победу над всеми остальными. Эта легенда распространена по всему континенту, и темнокожие племена считают, что она говорит о приходе императора вселенной. Профессор Шулер убежден, что миф как-то связан с погибшей Атлантидой, которая, по его мнению, была расположена между Африкой и южноамериканс-

ким континентом, и ее обитателям подчинялись предки египтян. Слишком долго было бы описывать тут ход его рассуждений, и они слишком туманны. Вам достаточно знать, что он поведал мне странную, даже фантастическую историю. Его близкий друг фон Лорфмон, ученый из Германии, ныне покойный, несколько лет назад поплыл к берегам Сенегала с целью поисков и изучения редких форм морской жизни. Для этого он нанял небольшое торговое судно с командой из мавров, греков и негров.

Несколько дней берег был вне видимости, и вдруг они увидели за бортом какой-то предмет. Это оказался ящик, или футляр для мумии, но самого необычного вида. Профессор Шулер перечислил мне отличия этого ящика от классического египетского. С его слов — преимущественно технических терминов — у меня сложилось впечатление, что это был диковинной формы ящик с резьбой по всей поверхности — но не клинописью и не иероглифами. Водонепроницаемый и воздухонепроницаемый ящик был покрыт толстым слоем лака, и фон Лорфмон долго не мог его открыть. Тем не менее он справился, даже не повредив футляра, в котором обнаружил в высшей степени необычную мумию. Шулер утверждал, что прежде не видел ничего подобного.

При осмотре выяснилось, что находящийся в футляре предмет не подвергался обычной мумификации. Все части тела были неповрежденными, но туловище съежилось и затвердело до прочности дерева. Ткани, обернутые вокруг

мумии, рассыпались в прах, едва поверглись воздействию внешнего воздуха.

Громадное впечатление произвела на фон Лорфмона реакция команды. Греки проявили к находке средний интерес, но мавры, а пуще того негры на какое-то время просто обезумели! Когда ящик поднимали на борт, они все распростерлись на палубе и затаили молитвенное песнопение. Пришлось применить силу, чтобы удалить их из каюты, куда поместили мумию. Между ними и греками несколько раз возникали драки, и фон Лорфмон счел за лучшее поспешить в ближайший порт. Капитан приписал волнения обычному суеверию моряков, но фон Лорфмону казалось, что за беспорядками стоит более существенная причина, нежели покойник на борту.

Они причалили в Лагосе, и в ту же ночь фон Лорфмон был убит в своей каюте, а мумию вместе с футляром похитили. Все мавры и негры сбежали с корабля. Дело приняло самый зловеющий оборот. По словам Шулера, немедленно среди туземцев возникли волнения, они широко распространились и приняли осязаемые формы. Шулер связывает их со старой легендой.

Смерть фон Лорфмона — сплошная загадка. Он распорядился перенести мумию в свою каюту и, опасаясь фанатично настроенной команды, тщательно запер и забаррикадировал дверь и иллюминаторы. Капитан, человек вполне надежный, утверждает, что абсолютно невозможно было войти в каюту снаружи. Все следы ясно

показывают: какую отперли изнутри. Ученого закололи кинжалом из его же собственной коллекции. Кинжал остался в груди.

Как я уже упомянул, африканский котел закипел. Шулер полагает, что туземцы сочли древнее пророчество исполнившимся. *Эта мумия и была «человеком из моря».*

По мнению Шулера, выловленный из моря предмет — наследие атлантов, а человек в ящике — уроженец погибшего континента. Он не берется объяснить, каким образом ящик всплыл из морских пучин через столько веков после исчезновения Атлантиды. Эту мумию, по его искреннему убеждению, возвели в божеский сан где-то в населенных призраками джунглях Африки, и, вдохновленные мертвецом, черные воины готовят всеобщую резню. Он также верит, что непосредственная причина угрожающей миру смуты — деятельность какого-то хитрого мусульманина».

Гордон закончил чтение и посмотрел на меня.

— Судя по этому рассказу, мумия предопределила весьма многое, — заметил он. — Немецкий ученый сделал несколько ее фотографий, и странно, что их не украли вместе с ней. Увидев эти снимки, Морли убедился: он на пороге какого-то чудовищного открытия. Дневник отражает его внутреннее состояние. День ото дня в нем все больше тумана и путаницы, все это граничит с сумасшествием. Что же так расстроило его? Не подверг ли Катулос его гипнотическим чарам?

— Эти фотографии... — начал я.

— Попали в руки Шулера, и он дал одну из них майору Морли. Я нашел ее среди рукописей.

Гордон вручил мне снимок. Я пристально взгляделся в фотографию, потом взволнованно вскочил и налил себе бокал вина.

— Нет, это не мертвый идол из шаманской хижины, — потрясенно заключил я. — Это чудовище, наделенное жуткой формой жизни, оно скитается по всему миру в поисках жертв. Майор Морли видел Хозяина — вот почему у него помрачился рассудок. Гордон, я готов поклясться чем угодно, что на фотографии лицо Катулоса!

Гордон, не разжимая губ, пристально глядел на меня.

— Почерк Хозяина. — Я засмеялся, охваченный мрачным весельем. Гордон, этот англичанин со стальными нервами, наверное впервые в жизни был абсолютно растерян.

Гордон облизал губы и проговорил почти неузнаваемым голосом:

— Господи! Ведь если вы правы, в мире не осталось ничего устойчивого. Человечество ступило на край бездны необъяснимых, безымянных ужасов. Если находка фон Лорфмона — действительно Скорпион, каким-то странным способом вернувшийся к жизни, то разве способен его одолеть простой смертный?

— Мумия в лавке Камоноса... — начал я.

— Да, конечно, человек, чьи мышцы окостенели за тысячелетия, не кто иной, как Катулос! У него как раз хватило времени сбросить

похмотя, закутаться в полотно и шагнуть в футляр прежде, чем мы вошли. Вы ведь помните, тот ящик стоял у самой стены и его загоразживал большой бирманский идол, не позволяя нам как следует его разглядеть. Господи Боже, Костиген, с каким доисторическим кошмаром мы столкнулись?!

— Я слышал об индийских факирах, они способны вести образ жизни, ничем не отличающийся от смерти,— припомнил я.— Почему бы не допустить, что Катулос, талантливое и умелое порождение Востока, привел себя в такое состояние, а его сторонники опустили футляр в океан, зная, что когда-нибудь он обязательно будет найден.

Гордон отрицательно покачал головой.

— Нет, я видел факиров, которые умели имитировать смерть до такой степени, чтобы превращаться в мумию. В своих записях Морли рассказал, что к находке фон Лорфмона пришло много водорослей, обитающих только на самом дне океана. Да и породу дерева фон Лорфмон затруднился назвать, хотя он один из крупнейших знатоков флоры. И в его заметках снова и снова подчеркивается необычайный возраст находки. По его мнению, невозможно установить, сколько лет этой мумии, но он уверен, что она пролежала в бездне морской не тысячи, а миллионы лет!

Мы должны смотреть фактам в лицо. Вы определенно убеждены, что на фотографии Катулос, а подделка тут почти невозможна. Исходя из этого, можно с уверенностью утверж-

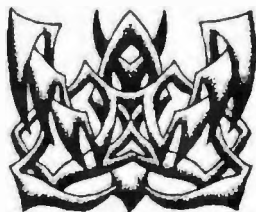

дать: Скорпион никогда не умирал, просто многие века тому назад его поместили в футляр для мумии, и все это время в нем каким-то образом поддерживалась жизнь. А возможно, он умер, а после его воскресили! Если рассматривать любое из этих предположений в холодном свете здравого смысла, оно кажется абсолютно невероятным. Неужели мы оба сошли с ума?

— Попробовали бы вы когда-нибудь гашиш, — мрачно ответил я. — Поверили бы во что угодно. Посмотрели бы хоть разок в жуткие глаза чародея Катулоса, глаза рептилии, — перестали бы сомневаться, что он одновременно и жив, и мертв.

Гордон выглянул в окно, его волевое лицо казалось совершенно изможденным в сером рассвете.

— В любом случае, — заключил он, — до восхода солнца я намерен тщательно обыскать два места: антикварную лавку Камоноса и дом на Сохо.

Глава четырнадцатая ХВАТКА СКОРПИОНА

Но гордых башен
страшен вид:
С них исполинша
смерть глядит.
Эдгар По

ансен улегся на кровать и задремал, а я знай себе мерил шагами комнату. Прошел еще один день, и уличные фонари опять замерцали в тумане. Странно действовали на меня их огни. Они представлялись твердыми волнами энергии, бьющимися в мою голову, проникающими внутрь. Они скручивали туман в удивительные фигуры.

Как много ужасающих сцен пришлось осветить этим огням рампы в театре, который зовется лондонскими улицами! Я прижал ладони к пульсирующим вискам, пытаюсь вызволить мысли из хаотических лабиринтов.

Я весь день не видел Гордона. Пытаюсь разгадать загадку «Сохо, сорок восемь», он в первых лучах рассвета ушел организовывать обыск в этом доме, а меня оставил здесь под охраной Хансена. Гордон опасался покушения на мою жизнь, кроме того, он считал, что мне лучше не рыскать по знакомым притонам: это может насторожить наших врагов.

Хансен храпел. Я сел и начал разглядывать турецкие домашние туфли у себя на ногах. Зулейка тоже носила турецкие туфельки — как часто она появлялась в моих беспокойных снах, скрашивая своими чарами самые прозаические вещи! Она улыбалась мне в тумане, глаза светились ярче фонарей, призрачные шаги эхом отдавались в отравленных клетках моего мозга.

Эти шажки выбивали бесконечную дробь, привлекая мое внимание и завладевая им, и вот уже кажется, будто их эхо сливается со звуками в коридоре за дверью. Я застыл, весь обратился в слух. Внезапно в дверь постучали, и я вздрогнул.

Хансен не проснулся. Я быстро пересек комнату и настежь распахнул дверь. Коридор наполняли причудливо кружащиеся клочки тумана, и за ними, точно за серебристой завесой я увидел ее. Зулейка стояла передо мной, это

ее волосы блестели, ее алые губы полураскрылись, и ее громадные темные глаза смотрели на меня.

Я молчал, точно язык проглотил, а она поспешно оглядела коридор, шагнула в комнату и затворила дверь.

— Гордон! — прошептала она взволнованно. — Твой друг! Он во власти Скорпиона!

Хансен проснулся и вытаращил глаза от изумления. Зулейка не обращала на него внимания.

— И еще, Стивен! — воскликнула она, и слезы выступили на глазах. — Я изо всех сил старалась достать еще немного эликсира, но ничего не вышло!

— Не важно. — Я наконец обрел дар речи. — Расскажи, что с Гордоном.

— Он вернулся в лавку Камоноса один, а Хассим и Ганра Сингх схватили его и доставили в дом Хозяина. Сегодня вечером у Скорпиона соберется целая толпа, чтобы принести Гордона в жертву!

— В жертву?! — У меня в жилах застыла кровь. — Неужели нет пределов этой мерзости? Зулейка, скорей говори, где дом Хозяина!

— Сохо, сорок восемь. Ты должен сообщить в полицию, но самому тебе идти нельзя.

Хансен вскочил, готовый действовать, но я повернулся к нему. Теперь я соображал совершенно трезво, или мне так казалось. Трезво и неестественно быстро.

— Подождите! — бросил я Хансену и снова повернулся к Зулейке. — На который час назначено жертвоприношение?

— Это случится, когда луна поднимется в зенит.

— То есть всего за несколько часов до рассвета. Еще есть шанс спасти его. Но, если окружить дом и напасть, они убьют Гордона прежде, чем мы до них доберемся. И одному Богу известно, какие дьявольские козни ожидают всякого, кто туда приблизится.

— Не знаю,— вдруг воскликнула Зулейка.— Я должна возвратиться, не то Хозяин меня убьет.

Как только она произнесла эти слова, мной овладела жгучая ярость.

— Никого твой Хозяин не убьет! — заорал я, высоко поднимая кулаки.— Он умрет еще до того, как порозовеет небо! Клянусь всем праведным и неправедным!

Хансен непонимающе уставился на меня, а Зулейка даже отшатнулась, когда я к ней приблизился. В моем изнуренном наркотиками мозгу внезапно вспыхнул свет истины.

Я знал, что Катулос — гипнотизер и полностью раскрыл секрет власти над сознанием и душами других людей. И я понял наконец причину его страшного господства над этой девушкой. Гипноз! Как змея зачаровывает и привлекает птицу, так и Хозяин держит при себе Зулейку с помощью невидимых оков.

И только одно могло разрушить эту власть: гипнотическая сила другого человека, более мощная, чем влияние Катулоса. Я положил руки на изящные девичьи плечи, повернул Зулейку к себе.

— Зулейка,— твердо произнес я,— здесь ты в безопасности. Больше не придется возвращаться к Катулосу. Ты свободна.

Но еще прежде, чем я начал внушать, я уже понял: ничего не выйдет. В ее глазах жил необъяснимый страх, и она забилась в моих объятиях.

— Стивен, ну, пожалуйста, отпусти меня! — взмолилась она. — Я должна... Должна...

Я подтащил ее к кровати и попросил у Хансена наручники. Он с нескрываемым удивлением достал их, я приковал тонкое запястье Зулейки к спинке кровати. Девушка плакала, но не сопротивлялась, ее прозрачные глаза взирали на меня с мольбой.

Я страдал, навязывая ей свою волю, но иного выхода не видел.

— Зулейка, — нежно пояснил я, — ты теперь моя пленница. Скорпион не сможет тебя обвинить в измене, ты ведь не в состоянии отсюда уйти. И прежде, чем взойдет солнце, ты полностью освободишься от его чар.

Не допускающим возражения тоном я обратился к Хансену:

— Оставайтесь здесь и не отходите от двери, пока я не вернусь. Ни в коем случае не впускайте сюда незнакомых людей. И поручаю вам эту девушку. Не отпускайте ее, как бы она вас ни уговаривала. Если ни я, ни Гордон не вернемся завтра к десяти утра, отвезите ее по этому адресу. Когда-то я дружил с живущей там семьей, она позаботится о бездомной девушке. Я отправляюсь в Скотленд-Ярд.

— Ах, Стивен, — рыдая, сказала Зулейка, — неужели ты решил пойти в берлогу Хозяина? Ты погибнешь! Пошли туда полицию, а сам не ходи!

Я обнял девушку, ощутил прикосновение ее губ, а затем бросился вон.

Туман хватал меня призрачными пальцами, холодными, точно пальцы мертвеца. Я мчался по улице. Определенных планов у меня не было, но кое-какие идеи возникли. Я остановился, заметив полицейского, неторопливо ходящего взад-вперед на посту. Поманил его, нацарапал записку, вырвал из блокнота листок и вручил ему.

— Срочно передайте в Скотленд-Ярд. Речь идет о жизни и смерти, и это касается Джона Гордона.

Услышав это имя, полицейский отдал рукой в перчатке честь и повернулся кругом, а я побежал дальше. В записке я сообщал, что Гордон захвачен преступниками по адресу Сохо, сорок восемь, и необходимо немедленно спешить к нему на выручку.

Дальнейшие мои действия определялись просто. Я знал, что при первых же признаках прибытия полиции судьба Гордона будет решена. Значит, мне необходимо любым способом пробраться к нему и защитить или освободить до появления полисменов.

Минуты растянулись в вечность, но наконец передо мной появился высокий мрачный силуэт дома номер сорок восемь. В такой поздний час лишь немногие осмеливались выйти на улицу в густой туман и морось. Я остановился перед непривлекательным зданием. Света в окнах не видно, ни внизу, ни наверху. Но нора скорпиона зачастую кажется покинутой —

до той минуты, пока тебя не настигает ядовитое жало.

Я стоял перед зданием, и вдруг меня осенила отчаянная мысль. Так или иначе, к рассвету драма закончится. Сегодня ночью наступила кульминация, переломный момент моей жизни. Сегодня ночью я стал крепчайшим звеном в цепи невероятных событий. Уже завтра не будет иметь никакого значения, останусь ли я жив или умру.

Я вытащил из кармана фляжку с эликсиром. Хватит еще на два дня, если экономить. Еще два дня жизни! Но сейчас мне необходим стимулятор, как никогда прежде: ведь передо мной задача поистине непосильная для смертного. Если выпить все без остатка... Уж на всю ночь определенно хватит. А у меня между тем дрожат ноги, в памяти провалы, то и дело начинаются приступы слабости. Я поднял и осушил фляжку одним глотком.

Сначала мне почудилось, что пришла смерть. Никогда еще я не принимал такой дозы эликсира!

Небо и земля пошли кругом, казалось, я взлетаю среди миллиона вибрирующих осколков, на которые разорвался стальной шар-глобус. Подобно адскому огню, эликсир пробежал по моим кровеносным сосудам, и я сделался гигантом! суперменом! чудовищем!

Я повернулся и шагнул к грозному дверному проему. Определенного плана у меня не было, да я и не испытывал в нем нужды. Подобно тому, как пьяный блаженно ступает навстречу

опасности, я шагнул в нору Скорпиона, надменно сознавая собственное превосходство, ощущая действие стимулятора и твердо веря, что для меня не существует преград.

Я стукнул четыре раза — по этому старому сигналу нас, рабов, допускали в комнату с идолом в заведении Юн Шату. В створке двери отворилось окошечко, на меня настороженно глянули раскосые глаза. Они слегка расширились, когда их владелец узнал меня, затем сузились, полыхнули злобой.

— Эй ты, дурень! — рявкнул я. — Что, знака не видишь?

Я поднес к окошку ладонь.

— Не узнаешь? Отвориай, черт бы тебя побрал!

Наверное, успеху содействовала сама отчаянность этой проделки. Конечно, теперь уже все рабы Скорпиона знали об измене Стивена Костигена, о том, что на нем клеймо смерти. И сам факт, что я пришел сюда, торопя судьбу, смутил часового.

Дверь отворилась. Человек, который меня впустил, высокий и тощий китаец, запер за мной дверь, и я увидел, что мы стоим в вестибюле, освещенном тусклой лампочкой; на улицу свет не пробивался по той причине, что окна были занавешены тяжелыми шторами. Китаец озадаченно глядел на меня. Я напряженно смотрел на него. И тут в его взгляде мелькнуло подозрение, рука нырнула за пазуху. Но еще мгновение, и я свалил и оседлал его, и его тонкая шея хрустнула, точно гнилой сук, в моей хватке.

Я опустил труп на толстый ковер и прислушался. Ничто не нарушало тишину. Крадучись, я шагнул вперед, пальцы мои согнулись, словно когти. Без шума я проник в комнату. Она была меблирована в восточном стиле: повсюду кушетки, циновки и богатые, с золотом, ковры, но никаких признаков жизни. Я миновал эту комнату и прошел в следующую. С люстр лился мягкий свет, а восточные циновки скрадывали мои шаги; казалось, я двигаюсь в зачарованном замке.

Каждую секунду я ждал нападения молчаливых убийц — из-за дверей, из-за портьер или из-за ширм с извивающимися драконами. Повсюду царило молчание. Я осматривал комнату за комнатой и наконец остановился перед лестницей. Вездесущие свечи разливали неровный свет, но большинство ступенек тонуло в сумраке. Что ожидает меня наверху?

Но страх и эликсир друг с другом несочетаемы, и я двинулся по лестнице так же смело, как только что входил в это убежище кошмара. Верхние комнаты мало чем отличались от нижних, в особенности сходство увеличивалось благодаря отсутствию малейших признаков человеческой жизни. Я искал чердак, но не нашел ни люка, ни двери, ведущей туда. Я решил найти вход в подвал и вернулся, но снова ничего не достиг. И тут я осознал невероятную истину: кроме меня самого и мертвеца, который лежит, так гротескно распростертый в вестибюле, в этом доме нет людей. Ни живых, ни мертвых.

Это не укладывалось в голове. Если бы в комнатах отсутствовала мебель, я, естественно, пришел бы к выводу, что Катулос скрылся, но мне не встречалось никаких следов поспешного бегства. Невероятно, немыслимо. Я стоял в обширной полутемной библиотеке и раздумывал. Нет, номером я не ошибся. Даже если бы в вестибюле не лежал изуродованный труп, молчаливо свидетельствующий о несомненном присутствии Хозяина, все в этих комнатах напоминало о нем. Здесь стояли те самые искусственные пальмы, лакированная ширма, висели ковры, был даже идол, хотя теперь перед ним не курился фимиам. Вдоль стен тянулись длинные полки с книгами в уникальных дорогих переплетах, при кратком осмотре я обнаружил, что они написаны на самых разных языках и касаются самых разных тем.

Вспомнив потайные коридоры в Храме Грез, я осмотрел тяжелый стол красного дерева в центре комнаты. Никакого результата. И тут во мне вспыхнула ярость — слепая, первобытная. Я схватил со стола какую-то статуэтку и швырнул ее в пристенный стеллаж с книгами. Она с грохотом разбилась; прячась за стеллажом бандиты, этот шум, несомненно, выманил бы их. Но эффект моего необдуманного поступка оказался куда более впечатляющим.

Статуэтка угодила в край стеллажа, и сейчас же он бесшумно повернулся, открывая узкий проход! Как и за другой потайной дверью, в другом доме, ряд ступенек шел вниз. Прежде я содрогнулся бы при мысли, что надо спускаться-

ся, — ужасы того туннеля были еще свежи в моей памяти. Но, вдохновленный эликсиром, я устремился вперед без малейшего колебания.

Поскольку в доме никого нет, люди должны быть где-то в туннеле или в каком-то помещении, куда ведет меня этот ход. Я шагнул на верхнюю ступеньку, не прикасаясь к стеллажу, чтобы полиция могла обнаружить ход и последовать за мной. Хотя я почему-то предчувствовал, что мне придется продвигаться в одиночку от старта и до мрачного финиша.

Когда я уже порядком спустился, лестница перешла в ровный горизонтальный коридор футов двадцати в ширину — весьма примечательное обстоятельство. Потолок для такой ширины казался довольно низким, с него свисали небольшие лампы причудливой формы, давали неяркий свет. Крадучись, но быстро я прошел по коридору, как сама смерть в поисках жертв. На ходу я отмечал, как все тут добротнo сработано. Пол в крупную клетку, стены, сложенные из громадных блоков серого камня. Этот коридор появился явно не в нашу эпоху; рабы Катулоса не смогли бы проделать такой туннель. Тут кроется средневековая тайна, подумал я, и вообще, кто знает, какие катакомбы скрываются под Лондоном, чьи секреты величественнее и темнее, чем вавилонские или римские?

Я все шел и шел, все глубже опускаясь в подземелье. Воздух был тяжел и влажен, из каменных потолка и стен сочилась холодная вода. Время от времени я видел ответвления туннеля,

ведущие куда-то в темноту, но твердо решил не сворачивать с главного коридора.

Меня охватило чудовищное нетерпение. Я шел, казалось, уже целые часы, но все еще не увидел ничего, кроме сырых стен, клетчатого пола и тусклых лампочек. Ни зловещих сундуков, ни чего-нибудь в этом роде.

И когда я уже был готов разразиться дикими ругательствами, передо мной из густой тени выступила еще одна лестница.

Глава пятнадцатая ТЕМНАЯ ЯРОСТЬ

Волк, загнан, смотрит
на флажки
С недобрым блеском глаз
И думает: «Хлопот я вам
Еще как следует задам,—
Или умру сейчас!»

Манди

Подобно отощавшему волку, томимому жаждой крови, я помчался вверх по ступенькам. Когда поднялся футов на двадцать, передо мной оказалось нечто вроде лестничной площадки, а с нее начинался новый коридор, очень похожий на тот, по которому я только что пробирался. И мелькнула мысль, что весь подземный Лондон усеян по-

добными ходами, расположенными один над другими.

Несколькими футами выше площадки лестница заканчивалась дверью, и здесь я заколебался: должен ли я испытать судьбу или стучать не следует? И хотя я стоял неподвижно, дверь вдруг начала отворяться. Я отступил назад и изо всех сил вжался в стену. Дверь широко распахнулась, из нее вышел мавр. Я успел только мельком заглянуть в комнату, но мои неестественно обострившиеся чувства подсказали, что она пуста.

Не давая мавру опомниться, я нанес ему смертельный удар в челюсть. Он покатился по ступенькам и застыл на площадке бесформенной грудой, только руки и ноги нелепо торчали в разные стороны.

Моя левая рука вцепилась в дверь, прежде чем она начала затворяться, и через секунду я уже стоял в комнате. Я быстро прошел через нее в следующую. Дальше располагались покои, обставленные так, что по сравнению с ними дом на Сохо мог показаться скромным и неприглядным. Варварское, ужасающее, нечестивое — эти слова передают только слабое представление об убранстве, явившемся моему взору. Среди украшений — если можно их так назвать — преобладали черепа, отдельные кости и целые скелеты. Мумии, вытащенные из футляров, и страшные змеи висели на стенах. Между этими зловещими предметами были развешаны африканские щиты из кожи и бамбука, поперек них укреплены ассегаи и дикарские кинжа-

ны. То там, то тут попадались черные идолаы непристойного и жуткого облика.

Среди этих варварских атрибутов стояли вазы и ширмы, лежали ковры и циновки, висели ткани тонкой восточной выделки, создавая эффект несообразной эклектики.

Я прошел через две или три комнаты, не встретив ни одного человеческого существа, и тут наткнулся на лестницу, ведущую вверх. Преодолею несколько маршей и увидел люк в потолке. Интересно, неужели я все еще в подземелье? Первые-то лестницы определенно вели в какой-то дом. Я осторожно поднял крышку люка. В глаза ударил звездный свет, я с трудом подтянулся на руках и выбрался наружу. И остановился. Во все четыре стороны расстилалась широкая плоская крыша, а за ее краями повсюду сверкали лондонские огни. Я понятия не имел, что это за здание, но оно было очень высокое! Это я мог сказать точно, потому что находился много выше огней. И тут я заметил, что я не один.

Прямо над тенью козырька, проходившего по всему краю крыши, возник громадный силуэт, загородил мне свет звезд. Холодно блеснула пара глаз, в звездном сиянии кривой серебряной полоской сверкнула сабля. Передо мной бесшумно вырос Яр-хан, афганец-убийца.

Меня охватил дикий, свирепый восторг. Наконец-то я начну расплачиваться с Катулом и его адской шайкой! Наркотик жег мои кровеносные сосуды и посылал волны нече-

ловческой мощи и черной ярости по всему телу.

Яр-хан был настоящим великаном, куда выше и плотнее меня. В руке он держал саблю, и в тот самый миг, как я его увидел, мне стало понятно, что он наглотался привычного наркотика — героина.

Когда я подскочил к нему, он легко вскинул тяжелую саблю, но прежде, чем успел ударить, я зажал запястье руки, в которой он сжимал оружие, железным захватом и свободной рукой нанес сокрушительный удар в солнечное сплетение.

Я почти забыл подробности того сражения над спящим городом, которое могли видеть только звезды. Помню, как царапала мне кожу жесткая борода, как горящие от наркотика глаза посылали неистовое пламя прямо в мои. Помню вкус горячей крови у себя на губах, помню, как бушевали во мне нечеловеческая сила и ярость.

Господи, если бы кто-нибудь мог посмотреть на эту темную крышу, где два гибких, точно леопарды, наркомана пытались разорвать друг друга на куски! Какое потрясающее зрелище открылось бы его глазам!

Помню, как треснула и сломалась его рука, точно гнилой сук, и как кривая сабля выпала из обессилевших пальцев. Теперь, когда сломанная рука стала ему только помехой, конец был предопределен, а мне еще один небывалый прилив сил помог загнать Яр-хана на карниз. С минуту мы сражались там, потом я ото-

рвал его от себя и толкнул, и один-единственный крик вырвался у него, пока он летел вниз, во тьму.

Я выпрямился и поднял руки к звездам, возвышаясь жуткой статуей торжества первобытной силы и жестокости. По груди струилась кровь из длинных царапин, оставленных ногтями афганца на моих лице и шее.

Потом я повернулся. Неужели никто не слышал шума этой схватки? Мой взгляд устремился к крышке люка, но слабый шум заставил меня повернуться назад, и тут я впервые заметил нечто вроде башенки над крышей. Никакого окна, зато я увидел дверь. В тот же миг она отворилась, и под звездный свет вылез могучий великан. Хассим!

Он ступил на крышу и хлопнул дверью. Спина его сгорбилась, шея вытянулась, он смотрел то в одном, то в другом направлении. Одним яростным ударом я вышиб из него дух. Потом склонился над негром, ожидая, не очнется ли он. Но тут далеко в небе, у линии горизонта, мелькнул слабый красный отсвет. Восходит луна!

Какого черта, где же Гордон? Я стоял в нерешительности, пока до меня не донесся непонятный звук, напоминающий змеиное шипение.

Я прошел, ориентируясь на звук, по крыше и наклонился над карнизом. Кошмарное, невероятное зрелище представо моим глазам.

Футов на двадцать ниже уровня крыши, на которой я стоял, шла другая, — явно на примы-

кающем здании. Обе крыши были одинакового размера. С одной стороны нижнюю замыкала стена, с остальных трех сторон вместо карниза возвышался парапет в несколько футов высотой.

Нижнюю крышу заполняло громадное количество народа: люди стояли, сидели на корточках, а некоторые полулежали; все без исключения были негры! Именно приглушенные голоса этих сотен негров я и услышал.

Почти в самом центре крыши поднималось футов на десять нечто вроде теокалли, сооружения, которое встречается в Мексике и на котором ацтекские жрецы приносили человеческие жертвы. Теокалли на этой крыше было совершенно такой же, только уменьшенной жертвенной пирамидой. Плоская его вершина представляла собой искусно выточенный алтарь, а рядом возвышался силуэт худого смуглого человека, и даже ужасная маска, скрывающая часть лица, не могла изменить его до неузнаваемости: я видел перед собой Сантьяго, шамана с острова Гаити. А на алтаре лежал Джон Гордон, голый по пояс, связанный по рукам и ногам, но в полном сознании.

Я снова удалился от края крыши, ломая руки в отчаянии. Чтобы справиться с такой оравой религиозных фанатиков, недостаточно даже стимуляции эликсиром. И тут какой-то звук заставил меня оглянуться: это Хассим из последних сил пытался встать на колени. Я подскочил к нему в два прыжка и без всякой

жалости снова оглушил. И заметил предмет, свисавший с его пояса. Я наклонился и посмотрел как следует. Это оказалась маска, точно такая же, как на Сантьяго. Тут мой мозг живо заработал и создал дерзкий до бредового план, который, однако, начиненной наркотиком голове не показался отчаянным, ни дерзким, ни бредовым. Я тихо подошел к башенке, отворил дверь и заглянул. И не увидел никого, кто мог бы поднять тревогу, зато заметил висящее на крюке длинное шелковое одеяние. Наркоманам везет! Я схватил балахон и выскочил из башенки. Хассим не подавал признаков жизни, но я на всякий случай врезал еще в челюсть, схватил его маску и заторопился к карнизу.

Снизу доносилось гортанное пение — нестройное, варварское, кровожадное. Негры — и мужчины и женщины — покачивались в диком ритме своего зловещего пения. Сантьяго стоял у теокалли, точно статуя черного базальта, глядя на восток, с высоко поднятым кинжалом, — дикое и кошмарное зрелище. Он был обнажен, если не считать широкого шелкового пояса и нечеловеческой маски на лице. Луна высунула алый краешек из-за восточного горизонта, легкий ветерок поигрывал большими черными перьями, кивающими вместе с маской жреца. Голоса идолопоклонников звучали все тише, пока пение не превратилось в торжественный суровый шепот.

Я поспешно натянул маску и балахон и приготовился спрыгнуть. Я был абсолютно уверен,

что окажусь на нижней крыше невредимым, столько сил придавало мне безумие,— но, выйдя на карниз, обнаружил там стальную лесенку. По всей вероятности, Хассим, один из жрецов, намеревался сойти именно этим путем. Я устремился по лесенке, не теряя времени, так как понимал: если я не вмешаюсь, в ту же секунду, когда луна достигнет высшей точки своего пути, кинжал безжалостно пронзит грудь Гордона.

Поплотнее запахнув балахон, чтобы скрыть белую кожу, я ступил на нижнюю крышу и пробрался сквозь ряды черных идолопоклонников. Я поднимался по ступеням теокалли, пока не оказался возле алтаря с темно-красными пятнами. Гордон лежал на спине, открытые глаза выражали бесстрашие и непоколебимость.

Глаза Сантьяго сверкнули в мою сторону сквозь прорези в маске, но я не прочел в них подозрения, пока не выступил вперед и не выхватил кинжал из его руки. Он слишком удивился, чтобы сопротивляться, а толпа чернокожих внезапно затихла. Сантьяго, конечно, заметил мою белокожую руку, но был настолько потрясен, что потерял дар речи. Двигаясь со всей возможной быстротой, я перерезал путы Гордона и помог ему подняться. Затем Сантьяго с пронзительным криком бросился на меня, но тут же, все еще крича, кубарем полетел вниз с теокалли, а в груди его по самую рукоятку утонул его же собственный кинжал. Точно черные пантеры в

лунном свете, идолопоклонники кинулись на нас с ревом и визгом, перескакивая ступени теокалли. Заблестели ножи, засверкали белки глаз.

Я сорвал с себя маску и балахон и ответил на изумленное восклицание Гордона неистовым хохотом.

Сначала я надеялся, что маскировка поможет мне благополучно вывести друга и спастись самому, но теперь я был рад умереть на месте рядом с Гордоном.

Гордон отодрал от алтаря какое-то громоздкое украшение и замахнулся им, когда нападающие приблизились. С минуту мы удерживали их на расстоянии, затем они черной волной нахлынули на нас.

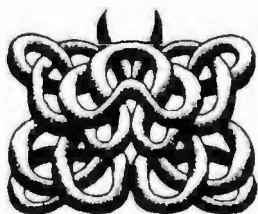
Это была моя Валгалла!

Ножи кололи меня, дубинки колотили, но я только смеялся и работал железными кулаками, точно молотом, разбивая плоть и кости. Я видел, как поднимается и опускается грубое оружие Гордона, при этом каждый раз валился с ног человек. Черепа трещали, кровь брызгала во все стороны, и темная ярость бушевала во мне. Кошмарные физиономии сливались в одно кружащееся кольцо, я падал на колени, опять поднимался, и черные лица отступали перед моими ударами. Мне почудился в бескрайнем багровом тумане знакомый отвратительный голос. Он звал все громче, он командовал!

Гордона оттеснили от меня но судя по воплям умирающих, схватка продолжалась. В ноч-

ном небе метались звезды, адское возбуждение все не покидало меня, и я наслаждался темными приливами ярости, пока не рухнул в еще более темную бездну.

Глава шестнадцатая ДРЕВНИЙ УЖАС

Как бог, что в триумфе
убил себя рыаном,
На жертвах своих
распростерся, кровав,
На алтаре своем
собственном странном
Смерть мертва.

Э. Ч. Суинберн

Я

снова медленно возвращался к жизни. Меня окружал туман, а в тумане виделся череп.

Я лежал в стальной клетке, точно пойманный волк, и прутя ее, как я понимал, были слишком крепки даже для моей сверхчеловеческой силы. Кажется, клетка находилась в стенной нише, и я смотрел из нее в очень белую комна-

ту. Комната располагалась в подземелье, потому что пол, стены и потолок были сложены из громадных одинаковых глыб. По стенам висели полки с таинственными приборами, очевидно, научного предназначения; точно такие же полки громоздились на большом столе в центре комнаты. У стола сидел Катулос.

Чародей был одет в желтую, как змеиная кожа, накидку, его жуткие руки и голова гораздо больше напоминали змеиные, чем прежде. Он повернул в мою сторону голову с громадными желтыми глазами, похожими на живые огни, пергаментные губы шевельнулись, вероятно, изображая улыбку.

Я вскочил, выпрямился и, изрыгая проклятия, схватился за прутья.

— Где Гордон?! Будь ты проклят! Где Гордон?!

Катулос взял со стола пробирку, перелил ее содержимое в другой сосуд.

— А-а, мой друг пробуждается,— произнес обычный голос воскресшего мертвеца. Потом египтянин спрятал кисти рук в длинные рукава и поглядел на меня.— Я тут о тебе размышляю,— сказал он внятно.— Я создал чудовище Франкенштейна. Я сделал из тебя сверхчеловека, способного выполнять мои желания, а ты ступил на путь измены. Ты разрушаешь мою организацию еще почище, чем Гордон. Ты убил несколько моих ценных слуг и вмешался в мои планы. Но сегодня конец твоим козням. Твоему другу удалось убежать, но его преследуют в катакомбах, ему ни за что не спастись. А ты,—

продолжал Катулос с искренним интересом ученого, — чрезвычайно любопытный субъект. Должно быть, твои мозги устроены иначе, чем у любого другого человека, когда-либо жившего на свете. Я их изучу и добавлю к своей коллекции. Каким образом человек, крайне нуждающийся в эликсире, продержался без него целых два дня — я совершенно не способен этого понять.

Сердце у меня так и подпрыгнуло. Маленькая Зулейка провела этого хитреца, он явно не знает, что она стащила целую фляжку живительного вещества.

— Последней порции, которую ты от меня получил, — продолжал Катулос, хватило бы часов на восемь. Повторяю, это ставит меня в тупик. У тебя есть какие-нибудь предположения?

Я молча щелкнул зубами. Он вздохнул.

— Вот, с варварами всегда так. Правильно говорит пословица: «Пошутить с раненым тигром и пригрей на груди змею, прежде чем тебе захочется развивать разум невежественного варвара».

Некоторое время Катулос молча раздумывал. Я с тревогой наблюдал и заметил в нем смутную и странную перемену: длинные пальцы, торчащие из обшлагов, барабанили по столу, а в голосе прорывалось плохо скрываемое волнение.

— А ведь ты мог бы стать монархом при новом режиме, — огорошил он меня. — Да, при новом, но невероятно старом!

Сухой каркающий смех заставил меня содрогнуться.

Катулос склонил голову, будто прислушиваясь. Откуда-то издалека доносился гул гортанных голосов. Его губы растянулись в улыбке.

— Мои черные дети,— пробормотал он.— Это они рвут в клочья моего врага Гордона в туннеле. Вот они, мистер Костиген, мои истинные слуги, и это им в назидание я положил сегодня ночью Гордона на жертвенный алтарь. Я бы предпочел использовать его в качестве морской свинки для подтверждения некоторых моих теорий, но ведь нужно развлекать детей. Позже, с моей помощью, они перерастут детские суеверия и откажутся от идиотских обычаев, но пока их следует держать на мягком поводке.

Ну, и как вам понравились мои подземные коридоры, мистер Костиген? — неожиданно спросил он.— Вы о них подумали... что именно? Не сомневайтесь, что их создали белые дикари в средние века? Фу! Нет, эти туннели много старше вашего мира! Они возникли при могущественных королях и царственных особах столько веков тому назад, что ваша голова даже не вместит такого числа. В то время на месте вашей захудалой деревушки Лондона возвышались башни императорского дворца. Все следы той древней столицы рассыпались в прах и исчезли, но эти коридоры... о-о, они проложены не простыми людьми, ха-ха! Из многих тысяч людишек, ежедневно кишащих над ними, никто не подозревает об их существовании, кроме

меня и моих слуг, да и они знают далеко не все. Зулейка, например, о них не знает, потому что в последнее время я сомневаюсь в ее верности и в скором времени, безусловно, устрою показательную казнь.

Услышав эти слова, я изо всех сил бросился на прутья клетки, алая волна гнева и ненависти ослепила меня. Я схватился за стальные прутья и расшатывал их, пока вены на лбу не вздулись, а мускулы рук и плечей не затрещали. И от моей нечеловеческой ярости прутья согнулись, правда, совсем чуть-чуть. Наконец силы мои утекли, и я уселся, дрожа от изнеможения. Катулос непрерывно наблюдал за мной.

— Решетка крепкая,— констатировал он, и что-то похожее на облегчение прорвалось в его голосе.— Откровенно говоря, я предпочитаю находиться по эту сторону. Ведь ты — настоящая человекообразная обезьяна.

Катулос расхохотался.

— Но почему ты решил восстать против меня? — пронзительно воскликнул он.— Зачем вызывать меня на бой, ведь я — сам Катулос, я был великим чародеем еще в дни старой империи. А сейчас я непобедим! Волшебник и ученый среди невежественных дикарей! Ха-ха!

Я содрогнулся, и внезапно меня осенило. Катулос и сам наркоман. Какое адское зелье обладает достаточной силой, чтобы поддерживать в Хозяине жизнь и энергию, я не знал, да и не желал знать. Из всех невероятных тайн, которыми он обладал, я, хорошо изучив негодяя счел эту самой сверхъестественной и ужасной.

— Ты, жалкое ничтожество! — выкрикнул он, и лицо его исказилось. — Знаешь, кто я такой? Катулос из Египта! А-а! Меня знали в прежние деньки. Годы и столетия я царствовал в туманных приморских странах, пока море не поднялось и не затопило землю. Я умер, но не так, как умирают люди: мы владели магическим искусством вечной жизни! Я хорошенько напился и уснул. Долго я спал в своем лакированном саркофаге! Моя плоть сморщилась и затвердела, кровь высохла в сосудах. Я уподобился мертвецу. Но во мне все еще тлела искра жизни, я спал, но предчувствовал пробуждение. Большие города рассыпались в прах. Море поглотило землю. Высоченные храмы и стройные шпили сгнули под зелеными волнами. Все это я видел и понимал, как человек видит и понимает сны. Катулос из Египта? Чушь! Нет уж — Катулос из Атлантиды!

Я невольно вскрикнул. Все это звучало слишком страшно.

— Да, я чародей, волшебник! И все долгие века тьмы, когда народы тщетно пытались выйти из варварства без мудрых хозяев, жила легенда о днях империи, когда представитель Старой Расы поднимется со дна морского. Да, поднимется и приведет к победе черный народ, который в былые годы подчинялся нам. Все эти цветные и желтые... почему я связался с ними? Чернокожие были когда-то рабами нашего народа, а теперь я стал их богом. Они меня слушаются. Желтые и цветные — просто дурни, я превращаю их в свои орудия, но настанет день,

когда мои чернокожие воины пойдут против них и перебьют всех, до последнего, по одному моему слову. А вы, белые варвары, чьи предки — обезьяны, всегда воевали с моим племенем и со мной — ваша судьба решится скоро! И когда я сяду на вселенский трон, останутся в живых только те белые, которые захотят стать рабами!

И вот он пришел, день, когда сбылось пророчество и мой саркофаг выплыл из гробницы, где он лежал еще с тех времен, когда Атлантида господствовала над миром. Так вот, наконец-то морские приливы подняли мой гроб на поверхность и сорвали с него водоросли, которые скрывают древние храмы и минареты. И он поплыл мимо стройных сапфировых и золотых башен, чтобы подняться на поверхность зеленых волн морских.

И тут-то появился белый дурень, выполнивший повеление судьбы, о чем он и не подозревал. Его матросы, истинные верующие, поняли, что время пришло. Мне в ноздри проник воздух, и я очнулся от долгого-долгого сна. Я ожил и, поднявшись среди ночи, убил глупца, который выловил меня из океана. А его люди присягнули мне на верность и увезли меня в Африку, где я прожил некоторое время, выучил языки и обычаи нового мира и набрался сил.

Мудрость вашего мрачного мира! Ха-ха! Я проник в тайны старого времени глубже, чем любой ученый! Я знаю все, что известно сегодня людям, и эти знания по сравнению с теми, кото-

рые я пронес сквозь столетия,— песчинка рядом с горой! Знал бы ты хоть крупицу этой мудрости! Благодаря ей я вынес тебя из ада, чтобы швырнуть в другой, еще более ужасный. Олух! Ведь я способен вытащить тебя и из этой преисподней! Да, вот что может стряхнуть те цепи, которыми я тебя сковал!

Катулос схватил со стола золотой флакон и потряс им. Мой взгляд впился в этот флакон,— так человек, умирая от жажды в пустыне, пожирает глазами далекие миражи. Катулос спокойно глядел на меня. Казалось, его покинуло неестественное возбуждение. Когда он заговорил опять, это была бесстрастная, взвешенная речь ученого.

— Это и в самом деле будет стоящий эксперимент — освободить тебя от привычки к эликсиру и посмотреть, изменится ли разрушенное наркотиком тело. Девять из десяти жертв в подобных случаях умирают — но ты у нас такой богатырь...

Катулос глубоко вздохнул и поставил флакон.

— Человек мечтаний противостоит человеку судьбы. Мое время мне не принадлежит, не то я выбрал бы участь затворника этой лаборатории, ставил бы здесь различные эксперименты. Но теперь, как в дни древней империи, когда монархи просили моего совета, я должен трудиться на благо всей расы. О, мне нужно работать, сеять семена славы, чтобы не наступили дни, когда море сделает всех подданных империи мертвецами.

Я вздрогнул. Катулос опять неистово расхохотался. Его пальцы снова принялись выстукивать барабанную дробь на спинке стула, лицо озарилось неестественным светом.

— Под зелеными волнами лежат они, древние господа и хозяева, в лакированных саркофагах, и люди считают их мертвыми, но они всего лишь спят. Спят долгие столетия, как часы с будильником, — чтобы однажды проснуться! Древние мудрецы, они предвидели день, когда море поглотит сушу, и давно к этому приготовились. Они решили снова подняться в грядущие времена варварства. Так произошло со мной. Они лежат и видят сны, древние чародеи и суровые монархи, умершие, как умирают люди, потому что Атлантиду затопило море. Их тоже залила вода, пока они спали, но они всплывут!

Я проснулся самым первым из них. Слава достанется мне! Я искал древние города на берегах, которые не скрылись под водой. Но они исчезли, их нет давным-давно. Варварские племена смели их с лица земли тысячелетия назад, а чудесный материк затопили зеленые воды. На месте некоторых городов и стран пролегли бесплодные пустыни. А вместо других, как, например, здесь, поднялись молодые варварские города.

Неожиданно Катулос умолк. Его глаза внимательно всматривались в темное отверстие, за которым лежал подземный коридор. Вероятно, чудовищная интуиция предостерегала его о приближении неясной опасности, но думаю, он ни-

как не подозревал, насколько драматично прервется наш диалог.

Пока Катулос вглядывался, в дверном проеме возник человек — взъерошенный, ободранный и окровавленный. Джон Гордон! Катулос с криком вскочил, а Гордон, едва дыша от изнеможения, поднял пистолет и выстрелил в упор. Катулос покачнулся, прижав руки к груди, затем, судорожно пытаясь что-то нащупать, отступил к стене и упал рядом с ней. На этом месте как раз оказалась дверь, и Катулос из последних сил пополз к ней, Гордон перелетел через всю комнату одним свирепым прыжком, но наткнулся только на гладкую каменную поверхность, которая не поддавалась никаким его усилиям.

Гордон резко повернулся и, шатаясь, словно пьяный, подбежал к столу, где валялась оброшенная Хозяином связка ключей.

— Флакон! — заорал я. — Возьмите этот флакон!

И он положил сосуд себе в карман.

Позади, в коридоре, которым прошел Гордон, раздался слабый гомон, быстро перерастающий в дикий шум, точно выла стая волков. Несколько драгоценных секунд ушло на выбор нужного ключа, затем дверца клетки распахнулась, и я выскочил. Ну и зрелище представляли собой мы оба! Исхлестанные, все в синяках и порезах, одежда клочьями. Из моих ран от резких телодвижений снова потекла кровь, а руки совершенно онемели, и я догадался, что повреждены суставы. Что до Гордона, то он был в крови с головы до пят.

Мы устремились по коридору в сторону, противоположную той, откуда доносился угрожающий шум: я понял, что это со всех ног нас преследуют слуги Хозяина. Я не имел ни малейшего представления о том, куда мы направлялись. Сверхчеловеческая энергия исчерпалась, одна лишь сила воли удерживала меня на ногах. Мы свернули в другой коридор, но не сделали и двадцати шагов, как я оглянулся и увидел первого из черных дьяволов.

Из последних сил мы чуточку увеличили скорость. Но негры уже увидели нас, и раздался яростный вой, очень быстро перешедший в злое молчание, так как все силы они вкладывали в попытку догнать нас. Впереди, совсем близко, мы неясно увидели в сумраке ступени. Если бы до них добежать... Но тут мы заметили еще кое-что.

С потолка между нами и лестницей свисал странный крупный предмет, что-то вроде опускающейся решетки. В тот же миг, когда мы ее заметили, она пришла в движение.

— Сейчас опустится, — прохрипел Гордон. Его залитое кровью лицо выглядело гротесковой маской.

Всего какие-нибудь десять футов отделяли нас от чернокожих преследователей, но громадная решетка, набирая скорость, скрипя ржавым, давно не использовавшимся механизмом, двигалась вниз. Последний рывок, кошмарное усилие, от которого едва не разорвались наши сердца... Свет померк в моих глазах, но Гордон вцепился в меня и протаскил под решеткой, и она опустилась за нами!

С минуту мы лежали на месте, не обращая внимания на орду, которая бесновалась по другую сторону решетки. Мы проскочили поистине на волосок от гибели — прутья решетки пригвоздили к полу наши лохмотья.

Чернокожие пытались достать нас кинжалами, но не могли дотянуться. Какое счастье, думал я, что лежу здесь, пусть даже теперь умру от потери сил. Но Гордон уже поднялся на ноги и потащил меня за собой.

— Надо отсюда выбираться... — прохрипел он, — предупредить... Скотленд-Ярд... катакомбы в центре Лондона... взрывчатка... оружие, боеприпасы...

Мы с трудом вскарабкались по ступенькам, и я, кажется, услышал, как где-то впереди скрежест металл о металл. Неожиданно лестница вывела нас на площадку, с другой стороны высилась глухая стена. Гордон ударил в эту стену, и тут же отворилась потайная дверь. В помещение падал свет через зарешеченное оконце. Люди в мундирах лондонской полиции усердно пилили решетку; даже приветствуя нас, они не отрывались от работы. И вскоре появилось отверстие, через которое мы благополучно выползли наружу.

— Вы ранены, сэр? — один из полисменов протянул Гордону руку.

Мой товарищ оттолкнул его.

— Нельзя терять ни минуты! Выбираемся отсюда, и как можно быстрее!

Тут я заметил, что мы находимся в подвале. Мы поспешили вверх по лестнице и вышли в

ранний рассвет, восток уже окрасился алым. Я поднял голову и увидел высокое обшарпанное здание, оно было значительно выше соседних домов. Я инстинктивно почувствовал, что именно на его крыше накануне ночью разыгралась дикая драма.

— Несколько месяцев назад это здание арендовал какой-то таинственный китаец. — Гордон поймал мой взгляд. — Сначала тут были конторы, но квартал обветшал, и это здание долгое время простояло незанятым. Новый арендатор достроил несколько этажей, но, судя по всему, не нашел им применения. Некоторое время назад я тут все осмотрел.

Мы шли по тротуару, и Гордон говорил в своей обычной резкой, торопливой манере. Я слушал в пол-уха — как в трансе. Мои силы быстро убывали, и я знал, что могу упасть в любую минуту.

— Соседи рассказывали о странных звуках и необычных зрелищах. Владелец подвала, только что нами покинутого, услышал непонятный шум за подвальной стеной и вызвал полицию. А в это время я носился по этим распроклятым коридорам, точно затравленная крыса, и слышал, как полиция барабанит в стену. Я нашел потайную дверь, но за ней оказалась решетка. Именно в тот момент, когда я объяснял ошеломленным полисменам, что им следует найти ножовку по металлу, чертовы негры, от которых мне удалось ненадолго ускользнуть, появились, и я был вынужден хлопнуть дверью и снова припустить по коридору. По чистой

случайности я нашел вас, и по чистой случайности не сбил с дороги и снова вышел к этой двери. Теперь нужно добраться до Скотленд-Ярда. Если повезет, мы сумеем захватить целую банду головорезов. Я не убежден, что прикончил Катулосу и что его вообще можно убить оружием простых смертных. Но, насколько мне известно, вся шайка-лейка сейчас в подземных коридорах и...

И тут содрогнулся весь мир! Казалось, оглушительный рев разорвал небосвод в клочья. Дома зашатались и с грохотом обратились в руины; могучий столб дыма и пламени вырвался из-под земли, громадная масса осколков и обломков, как на крыльях, устремилась к небу. Все заволело черной завесой дыма, пыли и падающих деревьев, гром не унимался, он исходил из самого центра земли, как будто падали все на свете стены и потолки. И среди этого адского шума я простерся ниц и потерял сознание.

* * *

Нет нужды подробно описывать кошмарные детали того лондонского утра. Всем известно о взрыве огромной силы, который снес с лица земли десятую часть великого города, погубив множество людей, а еще больше лишив крова. Следовало как-то объяснить такую грандиозную катастрофу; посему история покинутого здания стала достоянием гласности, и по столице поползла уйма самых невероятных слухов. Наконец, дабы прекратить криво-толки, власти придумали неофициальную вер-

сию, будто дом служил тайной крепостью и местом встреч банде международных анархистов, и они хранили в подвале мощную взрывчатку. Предположительно, они сами ее и взорвали. В этой истории была доля истины, но угроза, таившаяся в том здании, далеко превосходила возможности анархистов.

Обо всем этом я узнал не скоро. Дело в том, что Гордон, когда я упал в беспамятстве, решил, что мне крайне нужен гашиш. С помощью ошеломленного полисмена он доставил меня к себе домой, а потом вернулся к месту взрыва. У себя в квартире он нашел Хансена и Зулейку все еще прикованную к кровати. Гордон снял наручники и поручил девушке ухаживать за мной. На него самого навалилась куча других дел, так как Лондон превратился в развороченный муравейник.

Придя, наконец, в себя, я посмотрел в Зулейкины глаза-звезды и молча улыбнулся. Она, припав к моей груди, гладила меня по голове и покрывала лицо поцелуями.

— Стивен! — Она все плакала, и ее горячие слезы орошали мне лицо.

У меня не было даже сил, чтобы обнять ее, но все-таки я справился с этой задачей. Мы лежали в полной тишине, нарушаемой только тяжелыми вздохами и рыданиями.

— Зулейка, я люблю тебя, — прошептал я.

— И я тебя люблю, Стивен. — Она всхлипнула. — О, как тяжело теперь расставаться! — но я умру вместе с тобой, Стивен, я не смогу жить без тебя!

— Дорогое мое дитя,— удивился Джон Гордон, который как раз вошел в комнату.— Костиген вовсе не собирается умирать. Мы дадим ему гашиша, чтобы поддержать некоторое время, а когда окрепнет, постепенно избавим от этой привычки.

— Вы не понимаете, сагиб, Стивену нужен вовсе не гашиш, а вещество, которое может дать только Хозяин. Но Хозяин мертв или сбежал, и Стивен обречен.

Гордон бросил на меня неуверенный взгляд. Выглядел он ужасно — краше в гроб кладут.

— Она права, Гордон,— вяло подтвердил я.— Я умираю. Катулос избавил меня от тяги к гашишу, он давал мне наркотик, который называется эликсиром. Только благодаря ему я и жил. Зулейка украла у него немного снадобья, но сегодня ночью я выпил остаток.

Я не ощущал жажды, я вообще не чувствовал ни морального, ни физического дискомфорта. Мой организм быстро засыпал, я уже прошел ту стадию, когда нехватка эликсира могла разорвать меня на куски. Мною владели только небывалая апатия и сонливость. Я знал, что умру, как только закрою глаза.

— Станный наркотик, этот эликсир,— с трудом произнес я.— Он возбуждает и вместе с тем затормаживает. А потом... жгучее желание выпить еще дозу.. и это желание убивает.

— Проклятие! — в отчаянии воскликнул Гордон.— Костиген, вы долго так не выдержите! Скажите, что в сосуде, который я взял со стола египтянина?

— Хозяин поклялся, что эта жидкость освободит меня от проклятия, — вспомнил я. — Но, возможно, это тоже яд. Я и забыл о флаконе. Дайте-ка его сюда. Если я обречен, какая разница, от чего я умру?

— Да, пожалуйста! — Зулейка подскочила к Гордону с протянутой рукой.

Гордон вынул из кармана флакон, Зулейка нырнула ко мне и встала на колени, поднесла сосуд к моим губам, шепча на своем языке что-то ласковое и утешающее.

Я осушил флакон, но не почувствовал никакого интереса к происходящему. Слишком мало жизни во мне осталось, я почти ничего не замечал, не возьмусь даже вспомнить, какова была жидкость на вкус. Помню только, как почувствовал, будто во мне затлеел живительный огонек и медленно двинулся по кровеносным сосудам. Последнее, что я запомнил — это как Зулейка склонилась надо мной, глядя огромными глазами. Ее маленькая рука нырнула за пазуху и застыла. Я вспомнил ее клятву покончить с собой, если я умру, и попытался обезоружить девушку, хотел сказать Гордону, чтобы он отобрал кинжал. Но ни слова, ни жесты мне не давались, и я утонул в море темноты.

Затем — провал в памяти. Период абсолютного безмыслия и беспамятства. Говорят, часами я лежал, точно покойник, а Зулейка не покидала меня ни на секунду и боролась, как тигрица, когда ее заставляли отдохнуть.

Я унес ее образ в суровую страну пустоты, и эти милые глаза были первым, что я увидел, когда

ко мне начало возвращаться сознание. Я был немогущ, будто тяжелая болезнь изводила меня долгие месяцы. Но я жил, и мой организм не требовал искусственной стимуляции. Я улыбнулся моей любимой и, едва шевеля языком, произнес:

— Оставь кинжал в покое, моя маленькая Зулейка. Я собираюсь жить.

Она вскрикнула и, заливаясь смехом и слезами упала на колени. Женщины — загадочные существа, поистине сотканные из сильных эмоций.

Вошел Гордон и пожал руку, которую я был не в силах приподнять.

— Теперь ваше исцеление можно смело доверить обычному врачу. Впервые с тех пор, как мы познакомились, у вас глаза совершенно нормального человека, пережившего сильное потрясение и нуждающегося в длительном отдыхе. Господи, дружище! Ведь вы через такое прошли, начиная с наркотиков.

— Расскажите все с начала, — попросил я. — Что с Катулосом? Погиб при взрыве?

— Не знаю, — мрачно ответил Гордон. — Но все катакомбы полностью разрушены. Я видел, как моя последняя пуля — последняя пуля в револьвере, отобранном у одного из преследователей, — вошла в Хозяина, но не знаю, может ли Скорпион умереть от свинца. Сам ли он ценой своей жизни взорвал многие тонны взрывчатки, которой были завалены коридоры, или негры сделали это непреднамеренно — этого мы никогда не узнаем.

Бог мой, Костиген, видели вы когда-нибудь такие катакомбы? Остается лишь гадать, на сколь-

ко миль в каждом направлении тянулись эти коридоры. До сих пор агенты Скотленд-Ярда прочесывают подземные линии метро и подвалы в поисках потайных дверей. Все известные выходы, как тот, через который мы прошли, и на Сохо, сорок восемь, завалены обломками стен. Конторское здание превратилось в мелкий щебень.

— А как полицейские, которые прибыли на Сохо, сорок восемь?

— Дверь в библиотечной стене оказалась на запоре. Они нашли убитого вами китайца, но обыск дома ничего не дал. И слава Богу, иначе во время взрыва они бы наверняка погибли вместе с сотнями негров.

— Там, наверное, собрались все негры Лондона.

— Пожалуй. Большинство из них в душе идолопоклонники, а могущество Хозяина было невероятным. Они-то погибли, но что с ним? Разлетелся ли на мелкие кусочки или раздавлен обломками стен и потолка?

— Я полагаю, организовать поиски в подземных развалинах невозможно?

— Увы. Когда рухнули стены, потолок тоннеля не выдержал, и коридоры завалило землей и обломками камней. А на поверхности земли дома превратились в руины. Что произошло в этих ужасных коридорах — навсегда останется тайной.

Мой рассказ приближается к концу. Следующие месяцы прошли без ярких впечатлений, если не считать райского блаженства супружеской жизни, но вас бы утомил рассказ о нем.

Однажды мы с Гордоном вернулись к разговору о таинственной деятельности Хозяина.

— С того дня,— сказал Гордон,— в мире воцарилось спокойствие. Африка утихла, и Восток погрузился в свой обычный древний сон. Ответ может быть только один. Погиб Катулос или нет, но его власть уничтожена в то утро, когда вокруг него все обрушилось.

— Гордон, каков же ответ на самый главный вопрос?

Мой друг пожал плечами.

— Я уже верю, что человечество вечно блуждает по берегу океана, о котором оно ничего не знает. Расы и племена жили и исчезли, прежде чем мы поднялись на могилах первобытных народов, и похоже, другие народы будут жить на земле, когда исчезнем мы. Ученые давно придерживаются теории, что цивилизация Атлантиды была выше современной. Сам Катулос — доказательство того, что наши хваленые культура и знания не идут ни в какое сравнение с ужасным наследием атлантов.

Только его эксперименты с вами поставили в тупик весь научный мир. Никто из ученых не возьмется объяснить, как он снял зависимость от гашиша, заменив его более сильным наркотиком, а потом создав другое вещество, которое полностью ликвидировало воздействие предыдущих.

— Я должен благодарить его за две вещи,— сказал я не спеша.— За то, что я снова стал мужчиной, и за Зулейку. Катулос мертв, насколько может умереть живое существо. Но

как насчет остальных — «древних хозяев», которые все еще спят на дне морском?

Гордон пожал плечами.

— Как я уже сказал, человечество бродит по краю невообразимой бездны. Сейчас целая флотилия канонерских лодок непрерывно патрулирует в океане, имея приказ немедленно уничтожить любой необычный на вид ящик, который появится за бортом. И, если мое слово хоть что-нибудь значит для английского правительства и наций всего мира, патрули будут ходить по морям до судного дня, пока не опустится занавес истории современных рас.

— Иногда Хозяева снятся мне по ночам,— признался я,— спят в лакированных саркофагах, облепленных водорослями, в зеленой пучине, где зловещие шпили и башни поднимаются из темной бездны.

— Мы встретились лицом к лицу с древним ужасом,— торжественно произнес Гордон,— со страхом, слишком темным и таинственным, чтобы его мог осмыслить человеческий мозг. Нам повезло, но впредь счастье может отвернуться от человеческих сынов. Впредь надо быть настороже. Вселенная сотворена не для одних людей, жизнь проходит странные фразы, и первый инстинкт у разных биологических видов — уничтожать друг друга. Несомненно, мы казались Хозяину такими же жуткими, как и он — нам. Мы только дотронулись до сундука с накопленными природой тайнами, и я содрогаюсь, думая о том, какие еще сюрпризы хранятся в этом сундуке.

— Это верно,— сказал я, радуясь пробуждению моей исстрадавшейся души,— но люди будут достойно преодолевать препятствия по мере их появления, как они делали испокон веков. Зато я теперь полностью понимаю ценности жизни и любви, и все дьяволы, вместе взятые, не отнимут у меня этого сокровища.

Гордон улыбнулся.

— Быть посему, дружище. Теперь самое лучшее — забыть все недавние страхи, потому что впереди — свет и счастье.

. 7B .

ПОВЕЛИТЕЛЬ МЕРТВЫХ

Н

ападение было внезапным, как бросок кобры из засады. Только что Стив Харрисон спокойно шагал по темному переулку — и вдруг ему пришлось схватиться не на жизнь, а на смерть с каким-то рычащим, орущим невесть что чудовищем, налетевшим на него, словно коршун. Он явно дрался с человеком, хотя в первые

мгновения усомнился даже в этом. Нападавший действовал с какой-то исступленной яростью, по-звериному, поражая своими приемами даже видавшего виды Харрисона, привычного к лютым дракам, которые нередки в мире подонков.

Детектив почувствовал, как зубы неизвестного разрывают его плоть, и отчаянно взвыл от боли. Но у того был еще и нож, которым он полосовал его куртку и рубаху, покрывая тело кровоточащими бороздами, и не мог по-настоящему пырнуть его только потому, что по счастливой случайности Харрисону удалось схватить бандита за кисть и хоть как-то сдерживать движения его натренированной, мускулистой руки. Было темно, как в преисподней. В крошечном мраке нападавший казался Харрисону всего лишь расплывчатым сгустком мглы, пятном, чуть более черным, чем окружавшая его со всех сторон непролазная тьма. Мышцы врага под его судорожно стиснутыми пальцами были напряжены, как рояльная струна, а его собственная хватка грозила вот-вот ослабнуть, и это приводило Харрисона в отчаяние.

Атлетически сложенный Харрисон редко сталкивался с людьми, способными соперничать с его хваткой. Это же исчадие тьмы не только не уступало, но и превосходило его в ловкости, проворстве и какой-то первобытной выносливости, с которой давно расстались люди, живущие в цивилизованном обществе.

Кусаясь и лягая друг друга ногами, они катались в грязи переулка, и хотя невидимый

враг утробно ухал всякий раз, когда кулак Харрисона кувалдой вlepпллся в его тело, не чувствовалось ни малейших признаков того, что он начинает уставать. Его запястье казались стальным многожильным тросом, гроившим в любое мгновение вырваться из обхвативших его пальцев Харрисона. Чувствуя, как все его тело покрывается мурашками от ужаса перед холодной сталью, детектив стиснул это запястье уже обеими руками, пытаясь заставить врага бросить нож. Кровожадный вопль был ответом на эту тщетную попытку, и голос, ранее бормотавший что-то на непонятном языке, просвистел прямо в ухо полицейскому по-английски: «Собака! Ты подохнешь в этой грязи, как я сгинул в песках! Ты бросил мое тело на растерзание стервятникам! А твоё сожрут крысы, которыми кишит эта дыра! Так-то!»

Словно сотканный из мрака, большой палец противника норовил впиться Харрисону в глаз, и он всей своей тяжестью откинулся назад, ненеся при этом врагу чудовищный удар согнутым коленом. Неизвестный, у которого перехватило дыхание, отлетел в сторону, визжа, как ошпаренная кошка. Харрисон не сумел удержать равновесие и, пошатнувшись, ударился о какую-то стену. С воплями и проклятиями противник вновь накинудся на него, стараясь подмять под себя. Харрисон услышал, как мимо просвистело лезвие, клацнувшее по кирпичной кладке где-то прямо у него за спиной, и наугад саданул кулаком в темноту, вложив в это дви-

жение все свои силы. Чувствуя, что удар достиг цели и враг, как подкошенный, со всего маху шмякнулся в грязь, Стив с трудом удержался от такого же стремительного падения. Прежде он никогда не пасовал перед противником, когда приходилось драться один на один, но теперь он впервые отступил от этого правила и, превозмогая боль и усталость, быстро побежал к началу переулка.

Его дыхание было тяжелым и частым, под ногами то и дело хлюпали какие-то помои или грохотали пустые консервные жестянки. На мгновение ему почудилось, что в спину ему вонзается нож. «Хоган!» — истошно заорал он. Позади слышался быстрый топот бегущих ног, означавший приближение гибели.

Пулей вылетев из переулка, он со всего маху наскочил на полицейского Хогана, который, услышав его отчаянный зов, помчался на подмогу напарнику. У Хогана перехватило дыхание, и они вдвоем повалились на тротуар.

Харрисон не стал тратить время на то, чтобы подняться на ноги. Выхватив «кольт» Хогана из кобуры, он выстрелил в тень, которая на мгновение мелькнула на фоне черного прогала переулка.

Поднявшись, с еще дымящимся револьвером в руке, он направился к темному зеву между домами. В его стигийском угрюмом мраке царило полное безмолвие.

— Дай фонарь, — попросил он, и Хоган, поднимаясь и поддерживая солидный живот, исполнил его просьбу. Луч белого света скольз-

нул по покрывающей переулок грязи. Тела не было видно.

— Смылся,— сердито буркнул Харрисон.

— Кто? — довольно кисло поинтересовался Хоган.— Что хоть случилось-то? Сперва орешь, как чумовой: «Хоган!» — а затем бодаешь меня, словно бык матадора. Как...

— Заткнись, и давай-ка осмотрим этот переулок,— грубо оборвал его Харрисон.— Я вовсе не собирался врезаться в тебя. Что-то меня подбросило...

— Вот и я об этом.— Полицейский рассматривал напарника в тусклом свете далекого уличного фонаря. Куртка Харрисона свисала с него рванными лохмотьями, рубашка была изрезана в клочья, а через прорехи видно было, как тяжело вздымается и опускается широкая волосатая грудь. Пот градом катил по шее, смешиваясь с кровью из глубоких порезов, покрывавших плечи, руки и грудь. Волосы Харрисона были перепачканы грязью, а одежда казалась пропитанной ею насквозь.

— Наверное, целя банда налетела,— предположил Хоган.

— Один человек,— сказал Харрисон,— человек или горилла, только говорящая. Ты идешь?

— Нет. Кто бы там ни был, его уже след простыл. Посвети фонариком. Видишь? В переулке ни души. Так они и будут ждать, когда мы их сцапаем за хвост. Займись лучше собой. Говорил я тебе, нечего срезать углы по темным закоулкам. Слишком многие имеют на тебя зуб.

— Пойду к Ричарду Бренту,— сказал Харрисон.— Он приведет меня в порядок. Пошли вдвоем?

— Ладно, но лучше бы ты позволил мне...

— Только не это! — возопил Харрисон, испытывая муки не только от ран, но и от уязвленного тщеславия.— Кстати, Хоган, ни слова об этом, понял? Я хочу разобраться сам. Дело тут непростое.

— Да уж, непростое, если какой-то тип так отделал Железного Харрисона,— ехидно ввернул Хоган, заставив Харрисона отчаянно выругаться про себя.

Дом Ричарда Брента стоял в непосредственной близости от участка Хогана, эдакий последний оплот респектабельности на фоне всеобщего запустения, грозившего захлестнуть всю округу, но совершенно не интересующего поглощенного своими исследованиями Брента.

Брент сидел в своем изобилующем всевозможной экзотикой кабинете и рылся в таинственных фолиантах, то есть занимался делом, которое одновременно являлось и его профессией, и любимым занятием. Обладавший характерной внешностью человека науки, он резко отличался от своих гостей. Но за лечение он принялся без излишней суеты, призвав себе на помощь познания, приобретенные во время не полностью пройденного курса медицины.

Удостоверившись, что раны Харрисона немногим серьезнее обыкновенных царапин, Хоган откланялся, и теперь широкоплечий Харри-

сон сидел напротив хозяина дома, держа в своей могучей руке бокал виски.

Ростом Стив Харрисон был выше среднего, но казался ниже за счет очень широких плеч и мощной грудной клетки. Его могучие руки казались излишне длинными, а голова всегда была угрожающе наклонена вперед. Низкий широкий лоб, над которым росли жесткие черные волосы, предполагал в Харрисоне скорее человека действия, нежели мыслителя, но холодные голубые глаза выдавали неожиданно глубокий интеллект.

— «Как я сгинул в песках», — повторил он. — Вот что он сказал. Шизик какой-то, иначе какого черта...

Брент покачал головой, обводя рассеянным взором стены, словно спрашивая ответа у декорировавшего их старинного и современного оружия.

— Ты понимал язык, на котором он сперва говорил?

— Ни единого слова. Единственное могу сказать — это не был ни английский, ни китайский. А сам тип был весь, как стальная пружина, и гибкий, как китовый ус. И драться с ним было все равно, что со стаей диких кошек. Теперь я без пушки не хожу. Никак не думал, что она может понадобиться, последнее время все было так спокойно. Всегда считал, что со своими кулачищами сумею разобраться хоть с целой компанией обычных людей. Но этот черт — не из их числа, он хуже дикого зверя.

Полицейский с шумом отхлебнул виски, отер рот тыльной стороной ладони и подался вперед, поближе к Бренту. В его холодных глазах бегали странные огоньки.

— Я бы не решился высказать это предположение никому, кроме тебя,— произнес он с непонятым колебанием в голосе.— Может, ты решишь, что у меня крыша поехала, но за свою жизнь мне пришлось послать кое-кого на тот свет. Как ты думаешь... китайцы же верят во всяких там вампиров, оживших мертвецов... он ведь болтал что-то о том, что его убили, а я — его убийца... Тебе не кажется, что...

— Глупости! — воскликнул Брент, недоверчиво улыбаясь.— Мертвец — он и есть мертвец. Покойники не оживают.

— Я тоже всегда так считал,— пробормотал Харрисон.— Только что он имел в виду, говоря, будто я бросил его на растерзание стервятникам?

— Я тебе объясню! — раздался резкий и беспощадный, как острие ножа, голос, прервавший их беседу.

Харрисон и Брент обернулись на звук, и Брент едва усидел на своем кресле. В противоположном конце комнаты находилось окно, приоткрытое для того, чтобы впустить в дом ночную прохладу. Возле него стоял высокий, мускулистый человек в плохо сидевшем на нем костюме, который, однако, не мог скрыть ни опасную гибкость его конечностей, ни ширину плеч. Дешевая одежда совсем не гармонировала со злобным выражением его ястребиного

лица, пламенным взором его темных глаз. Харрисон шумно сглотнул слюну при виде ожесточения и ярости, которыми горел взор незнакомца.

— В темноте ты от меня ушел,— пробормотал этот человек, по-кошачьи упругими шагами приближаясь к Харрисону. В руке у него сверкало ужасное кривое лезвие.— Болван! Думал, я от тебя отстану? Здесь светло, и больше тебе от меня не уйти.

— Кто ты такой, черт бы тебя побрал? — рявкнул Харрисон, инстинктивно готовясь к обороне.

— Надо же, память отшибло! — прозвучало в ответ.— Забыл Амира Амина Иззедина, убитого тобой тридцать лет назад в Долине стервятников! Но я-то все помню! Только вся правда открылась мне через много лет позора и долгих странствований. Я обрел ее в клубах Дыма Шайтана! Ты вселился в другую телесную оболочку, Ахмед-паша, грязный ты бедуинский пес, но от меня тебе не уйти. Клянусь Золотым Тельцом!

С кошачьим воплем он метнулся вперед, сжимая кинжал в занесенной для удара руке. Харрисон отскочил в сторону, проявив при этом поразительную для человека его комплекции быстроту, и сорвал со стены древнее копье. Исторгнув из груди некое подобие боевого клича, он ринулся на врага, выставив перед собой копье, словно винтовку с примкнутым штыком. Амир Амин неуловимым, гибким, как у дикого зверя, движением откло-

нился от нацеленного над него острия и оказался прямо перед Харрисоном. Тот слишком поздно понял свою оплошность — удар не достиг цели, и теперь полицейский летел прямо на лезвие убийственного кинжала. Но молниеносно пульсирующая мысль namного опережала движения тела, продолжавшего нестись навстречу смерти. И тут нога Амир Амина поехала на частично покрывавшем пол паласе. Наконечник копья вспорол его грязную куртку, полоснул вдоль ребер, и из открывшейся раны бурным потоком хлынула кровь. Потеряв равновесие, он все же постарался наотмашь полоснуть кинжалом своего врага. В этот миг Харрисон налетел на него своим могучим телом, и от сильнейшего толчка при ударе оба повалились на пол.

Амир Амин вскочил первым, но у него уже не было ножа. Пока он дико озибался в поисках своего оружия, Брент, не привыкший к сценам насилия и в начале драки опешивший на несколько секунд, пришел в себя. Ученый сорвал со стены дробовик, и лицо его выражало мрачную решимость. Видя, что он прицеливается, Амир Амин вскрикнул и бесстрашно выпрыгнул в ближайшее окно. Звук бьющегося стекла смешался с раскатом ружейного выстрела. Бросившись к окну и отчаянно моргая в клубах едкого порохового дыма, Брент увидел, как по темной лужайке перед домом стрелой чиркнула тень и скрылась за деревьями. Он обернулся к Харрисону, который поднимался с пола, изрыгая витиеватые проклятия.

— Два раза за один вечер, многовато будет, черт его побери! Знать бы хоть, что он за птица. Никогда прежде его не видел!

— Он — друз! — промолвил Брент. — Его говор... упоминание о золотом тельце, ястребиное лицо... Уверен, он — друз.

— Какой такой друз, мать его? — раздраженно рывкнул Харрисон. С него съехали все марлевые повязки, и царапины на теле опять начали кровоточить.

— Они живут в сирийских горах, — пояснил Брент, — воинственное, не ведающее жалости племя...

— Это точно, — хмыкнул Харрисон. — Меня еще ни разу так не отделявали. Этот черт чуть меня не зарезал. По крайней мере, хоть знаешь, что он живой человек. А вот мне, чтобы тоже остаться живым, придется, кажется, поостеречься. Если у тебя найдется комната, где можно запереть окна и двери, я бы заночевал у тебя. Завтра у меня встреча с Уун Саном.

Посетители нечасто заглядывали в скромный антикварный магазинчик на грязной Ривер-стрит. Нечасто проходили они в спрятанный за занавесом таинственный дверной проем, чтобы полюбоваться скрывавшейся внутри роскошью: бархатными с золотым шитьем драпировками, диванами с шелковыми подушками, чашками из расписного фарфора на казавшихся игрушечными столиках из лакированного черного дерева; все это богатство было залито

светом электрических лампочек, вставленных в позолоченные светильники.

Широкоплечий Стив Харрисон явно не вписывался в подобную экзотическую обстановку; низенький, аккуратненький, одетый в облегающий костюм из черного шелка, Уун Сан, напротив, казалось, был создан специально для нее.

Китаец учтиво улыбался, но под этой улыбочивой маской скрывался лед неприязни.

— Итак...— вежливо произнес он, приглашая собеседника продолжать разговор.

— Мне требуется ваша помощь,— без обиняков заявил Харрисон. Он не умел разводить дипломатию, вести разведку булавочными уколами тонкой рапиры и предпочитал сразу брать быка за рога: сказал — как молотом припечатал.

— Мне известно, что вы знаете всех азиатов, живущих в нашем городе. Я описал вам, как выглядит этот тип. Брент утверждает, будто он друг. Не может быть, чтобы вы его не встречали. Такой человек всегда бросается в глаза. Это вам не какое-нибудь крысиное отродье с помойки Ривер-стрит. Настоящий волчара.

— Совершенно верно,— негромко откликнулся Уун Сан.— Нет смысла скрывать, что я знаю этого молодчика. Его зовут Али ибн-Сулейман.

— Он называл себя как-то иначе,— нахмурился Харрисон.

— Вполне вероятно. Но для своих он — Али ибн-Сулейман. Как сказал ваш приятель, он дей-

ствительно друз. Его племя живет в пещерных городах сирийских гор, в том числе и в окрестностях горы Джебель-Друз.

— Они мусульмане? Арабы? — поинтересовался Харрисон.

— Нет. Видите ли, это племя существует само по себе. Они поклоняются отлитому из золота тельцу, верят в переселение душ и отправляют языческие ритуалы, вызывающие осуждение среди мусульман. Их пытались прибрать к рукам турки, теперь это пробуют сделать французы, но по-настоящему еще никто не сумел принудить их к повиновению.

— Верю, — буркнул Харрисон. — Только почему он называл меня Ахмед-пашой? За кого он меня принял?

Уун Сан беспомощно развел руками.

— Ну, ладно, — со вздохом сказал полицейский. — По крайней мере, я не хочу, чтобы меня прирезали в каком-нибудь закоулке. Мне нужно, чтобы вы помогли мне встретиться с ним. Может, он скажет хоть что-нибудь дельное, когда я его сцапаю. Может, удастся отбить у него желание расправиться со мной. Он больше похож на одержимого, чем на преступника. В любом случае хочу разобраться, в чем тут дело.

— Как мне это устроить? — тихо отозвался Уун Сан, скрещая руки на пухленьком животике. Глаза китайца злобно поблескивали из-под полуприкрытых век. — Я мог бы продолжить и спросить, с какой стати я должен что-то устраивать для вас?

— Переселившись сюда, вы никогда не переступали рамки закона,— сказал Харрисон.— Мне известно, что антикварный магазин — только прикрытие, он не приносит доходов. Я знаю и то, что вы ни в чем плохом не замешаны. Сюда вы перебрались, получив свою долю, я бы сказал, весьма солидную, в некоем деле, а как она вам досталась,— меня не касается. Кстати, Уун Сан,— Харрисон придвинулся к китайцу и перешел на шепот, помните ли вы молодого метиса Жозефа Ла Тура? Я первым обнаружил его труп в тот вечер, когда его убили в игорном притоне Осман-паши. При нем была записная книжка, и я ее приберег. Уун Сан, в ней было и ваше имя!

В воздухе повисла напряженная тишина. Ни один мускул не дрогнул на гладком желтом лице, но в угольной черноте глаз китайца забегали красноватые искорки.

— По всей видимости, Ла Тур собирался донести на вас,— продолжал Харрисон.— Он собрал много интересных фактов. Читая его записи, я выяснил, что вы не всегда носили ваше нынешнее имя. Да и откуда у вас взялись деньги, я тоже догадываюсь.

Красноватые искорки в глазах Уун Сана погасли; казалось, его взор застыл, а желтизна кожи сменилась серо-зеленым оттенком.

— Вы хорошо замели следы, Уун Сан,— тихо, но внушительно сказал детектив.— Однако какая это подлость — надуть своих ближних и удрать со всеми деньгами. Если они когда-нибудь доберутся до вас, то быть вам сожженным

крысами. Не знаю, может, мне действительно нужно написать мандарину кантона...

— Замолчите! — голос китайца изменился до неузнаваемости. — Замолчите, во имя Будды! Я сделаю все, о чем вы просите. Я пользуюсь доверием этого друга и легко смогу все устроить. Сейчас только начинает смеркаться. Приходите в полночь в переулочек, который китайцы с Ривер-стрит называют Переулком Тишины. Понимаете, о чем я говорю? Так вот. Спрячьтесь в углубление между каменными стенами в конце переулочка, и вскоре мимо вас пройдет ни о чем не подозревающий Али ибн-Сулейман.

— На сей раз возьму с собой пушку, — ухмыльнулся Харрисон. — Устройте это для меня, и я забуду о записках Ла Тура. Но смотрите, без фокусов, не то...

— Моя жизнь — в ваших руках, — отозвался Уун Сан. — Как я могу вас обмануть?

Харрисон недоверчиво хмыкнул, но молча поднялся и вышел через скрытую портьерами дверь на улицу. Уун Сан с загадочным выражением лица наблюдал, как широкоплечий полицейский решительно прокладывал себе путь в толпе низеньких, суетливых выходцев с Востока, мужчин и женщин, заполнявших Ривер-стрит в этот час; затем запер магазин изнутри и юркнул за драпировки, закрывавшие проход в нарядную заднюю комнату. Открывшаяся перед ним картина заставила его остановиться, как вкопанного.

Сизоватые змейки дыма извивались над обитым шелком диване, а на нем удобно устрои-

лась молодая женщина. На ней была дорогая модная одежда, но стройное, гибкое тело, смуглая кожа, черные, как смоль, волосы, пухлые алые губы и сверкающий взор выдавали ее экзотическое происхождение. Алый рот незваной гостью сложился в зловещую усмешку, но поблескивание глаз выдавало присущее ей чувство юмора, пусть даже едкого, равно как и живость ее взгляда указывала на наигранность внешнего безразличия, выраженного неподвижно застывшей в руке сигаретой.

— Джоэн! — От нахлынувших подозрений глаза китайца превратились в узкие щелочки. — Как ты сюда вошла?

— Через коридор и дверь, выходящую в переулок за домом. Она была заперта, но я давно научилась обращаться с любыми замками...

— Но зачем же ты...

— Увидела, как к тебе заглянул бравый полицейский. Я уже некоторое время слежу за ним, хотя он об этом и не догадывается. — На мгновение глаза девушки вспыхнули еще ярче.

— Ты подслушивала под дверь? — властным тоном спросил Уун Сан. Лицо его стало пепельно-серым.

— Я такими вещами не занимаюсь. Да мне и подслушивать не нужно. Догадываюсь, что его сюда привело и в каком деле ты обещал ему помочь.

— Не понимаю, о чем ты, — отозвался Уун Сан, тайком испуская вздох облегчения.

— Врешь! — Девушка выпрямилась. Ее нервные пальцы мяли сигарету, а лицо на мгнове-

ние передернула судорога. Затем она снова взяла себя в руки. Ее холодная решимость была страшнее клокочущей ярости. — Уун Сан, — хладнокровно продолжала она, извлекая из складок одежды черный пистолет с коротким стволом, — и с легкостью и наслаждением прикончила бы тебя на месте, но в этом нет необходимости. Мы должны остаться друзьями. Видишь, я прячу эту игрушку, но не искушай меня, приятель. Не пытайся выставить меня за дверь или применить насилие. Давай-ка садись и бери сигарету. Обсудим все спокойно.

— Не знаю, что ты собираешься обсуждать, — сказал Уун Сан, опускаясь на диван и механически принимая протянутую ему сигарету, словно магипнотизированный магнетическим блеском ее черных глаз — и сознанием того, что она прячет при себе пистолет. При всей своей восточной невозмутимости он не мог отрицать, что боится этой юной пантеры, — боится больше, чем Харрисона. — Детектив заходил просто перекинуться словом, — сказал он. — У меня много друзей в полиции. Если бы меня убили, то они бы сделали все, чтобы поймать и вздернуть на виселице виновного.

— А кто говорит об убийстве? — возразила Джозэн, чиркая спичкой по острому окрашенному хной ноготку и поднося маленький огонек к сигарете Уун Сана. Когда он прикуривал, их лица почти соприкоснулись, и китаец отпрянул, напуганный странным блеском ее темных очей. Он нервно пыхнул сигаретой, глубоко втягивая в себя табачный дым.

— Я всегда был твоим другом,— заявил он.— Не стоило тебе приходить, угрожая мне пистолетом. Я не последний человек на Ривер-стрит. Возможно, твое положение не так прочно, как тебе кажется. Может статься, придет время, когда тебе понадобятся такие друзья, как я...

Внезапно он осознал, что девушка не только не отвечает ему, но даже не обращает внимания на его слова. Сигарета продолжала куриться у нее в пальцах, а сквозь струйки дыма его прожигали глаза хищника, наметившего себе жертву. Он судорожно выдернул сигарету из рта и поднес к носу.

— Дьяволица! — Его голос звенел настоящим страхом. Отбросив окурок, он вскочил на ноги, которые вдруг отказались повиноваться ему. Пальцы его продолжали тянуться к девушке, словно хотели задушить ее.— Отрава... наркотик... черный лотос...

Она поднялась и легким толчком открытой ладонью в грудь заставила его опуститься на диван. Китаец неуклюже раскинулся на сиденье. Тело его было совершенно безвольным, широко распахнутые глаза остекленели и были бессмысленно уставлены в никуда. Дрожа от возбуждения, она склонилась над ним.

— Ты — мой раб,— прошептала она, словно гипнотизер, покоряющий волю своего пациента,— у тебя нет собственной воли, только моя. Твой разум спит, но язык говорит правду. Только правда живет в твоём одурманённом мозгу. Зачем к тебе приходил полицейский Харрисон?

— Он хотел разузнать о друге по имени Али ибн-Сулейман,— лишенным жизни, протяжным голосом пролепетал китаец.

— Ты пообещал сдать ему друга?

— Да, но я его обманул,— отозвался бесцветный голос.— В полночь детектив будет в Переулке Тишины, откуда идет дорога к Повелителю. Многие прошли по ней вперед ногами. Там легче всего избавиться от трупа. Я скажу Повелителю, что он пришел присмотреть за ним. Я заслужу его благодарность и одновременно избавлюсь от всех врагов. Этот белый громила будет стоять в углублении между стен, поджидая друга, как я ему посоветовал. Он не знает, что там есть потайная дверь. Именно из нее высунется рука, которая ударит его кинжалом. Моя тайна умрет вместе с ним.

Джозн определенно не интересовало, о какой тайне шла речь, поскольку она прекратила допрос одурманенного китайца. Однако выражение ее лица не предвещало ничего хорошего.

— Нет, мой желтый приятель,— прошипела она.— Пусть белый громила идет в Переулок Тишины, только встретится он там не с каким-нибудь желтобрюхим. Его желание исполнится. Он увидит Али ибн-Сулеймана, а затем и червей, которыми кишит темнота!

Вынув из-за пазухи крохотный агатовый флакончик, она высыпала его содержимое в янтарный кубок и плеснула туда вина из фарфорового кувшина. Затем вложила кубок в безжизненные

пальцы Уун Сана и резким тоном приказала выпить, помогая ему поднести ободок к губам. Он подчинился, словно автомат, и тотчас же, повалившись на бок, застыл в неуклюжей позе на диване.

— Ночью тебе будет не до кинжала, — тихо промолвила она. — Когда ты очухаешься, мое желание уже будет исполнено. И тебе больше не придется опасаться Харрисона — на каком бы крючке ты у него ни сидел.

Внезапно ее осенила какая-то мысль. Уже по пути к выходу в коридор она остановилась.

— «Не так прочно, как тебе кажется...» — едва слышно повторила она. — Что он хотел этим сказать? — На лицо девушки набежала тень, словно она о чем-то догадалась. Затем она пожала плечами. — Сейчас бессмысленно выколачивать из него ответ. Не важно. Повелителю ничего не известно — а если даже он и знает, то я — не его человек. Впрочем, я теряю здесь слишком много времени...

Она вышла в коридор, закрыла за собой дверь и только тогда заметила три зловещие фигуры — высокие, поджарые, в черных рубашках. Наголо обритые головы делали их похожими на хищных птиц.

В этот миг, скованная леденящим предчувствием неотвратимого конца, она забыла о своем пистолете. Ее губы раскрылись, но прежде, чем с них слетел крик, рот зажала костлявая рука, и истошный вопль страха захлебнулся в глухом мычании.

* * *

Переулок, безымянный для белых, но среди многочисленных уголовников с Ривер-стрит известный как переулок Тишины, был извилистым и таинственным, под стать характерам, присущим расе, к которой принадлежали его постоянные обитатели. Отходя от Ривер-стрит, он петлял между высокими мрачными постройками, которые поверхностному наблюдателю могли бы показаться жилыми домами, складскими помещениями или же заброшенными развалиюхами, предоставленными на откуп крысам.

На первый взгляд Переулок Тишины казался заброшенным и пустынным, но на самом деле здесь билось сердце Ривер-стрит, которая, в свою очередь, являлась сердцем всего Восточного квартала. По крайней мере, так считал Стив Харрисон, хотя и не располагал ни одним веским доводом, оправдывавшим то значение, которое он придавал темному, грязному, виляющему между стенами проходу, заканчивавшемуся, казалось бы, тупиком. В отделении посмеивались над Харрисоном, полагая, что, проработав так долго в трущобных лабиринтах одолеваемой крысами Ривер-стрит, он попросту рехнулся на этих китайских кварталах.

Он размышлял на эту тему, в нетерпеливом ожидании притаившись за последним поворотом отвратительного переулка. Светящиеся стрелки его наручных часов уже перевалили за полночь. Стояла тишина, нарушаемая только возней крыс. Треугольная ниша, образованная двумя покосившимися стенами, служила надеж-

ным укрытием. Архитектура сооружений по сторонам переулка была столь же дикой, как и некоторые истории, имевшие отношение к его промозглому, смрадному мраку. В нескольких шагах от укрытия переулков заканчивался, упираясь в черную громаду глухой стены, в которой была лишь одна заколоченная досками дверь.

Харрисон разглядел ее в тусклых отсветах, слабые блики которых проникали в переулок откуда-то сверху. За выступами стен царила непролазная тьма, а заколоченная дверь казалась единственным грязным пятном, едва выделявшимся на отвесной плоскости стены. Харрисону подумалось, что это заброшенный склад, который уже много лет находится в запустении. Вероятно, фасад здания выходил к реке, вдоль берега которой тянулись обветшавшие, много лет назад заброшенные причалы — торговый порт давно сместился поближе к новым городским кварталам.

Видел ли кто-нибудь, как он нырнул в переулок? Он попал в него не прямо от Ривер-стрит с ее таинственными пешеходами, неприметные тени которых продолжали сновать по ней в течение всей ночи, а из бокового прохода, пробравшись в петляющий переулок сквозь щели между покосившимися стенами и выступающими углами ветхих построек. Имея дело с Восточным кварталом, он поневоле позаимствовал скрытность и осторожность, присущую его обитателям.

Полночь миновала, однако нужный ему человек так и не появился. Вдруг в темном пере-

улке послышался звук приближающихся шагов. Шаркающая походка незнакомца никак не вязалась в голове полицейского с образом Али ибн-Судеймана. Высокая сутулая фигура, еле различимая в царившей вокруг темноте, прошлепала мимо укрытия, в котором притаился Харрисон. Наметанный глаз полицейского даже в столь густых сумерках определил, что прохожий вовсе не был тем, кого он поджидал.

Неизвестный направился прямо к заколоченной двери и три раза постучал, выдерживая долгую паузу между ударами. Внезапно на двери появилось красноватое пятно. Раздалась негромкая китайская фраза. Пришедший также ответил по-китайски, и напряженно прислушивавшийся полицейский явственно разобрал слова: «Эрлик-хан!» Неожиданно дверь отошла внутрь, и незнакомец проник в дом. Его силуэт хорошо просматривался в красноватом свете, исходившем из глубины помещения. Затем, когда дверь встала на свое место, над переулком вновь сомкнулась крошечная мгла и нависла гробовая тишина, так соответствовавшая его названию.

Но у скрючившегося в своем укрытии Харрисона бешено заколотилось сердце. Он узнал того, кто вошел в дом. Китаец, находящийся в розыске убийца, за поимку которого была обещана награда. Однако не это усилило пульсацию крови в его жилах. Дело было в пароле, названном зловещим посетителем — «Эрлик-хан». Казалось, сбывается какой-то нелепый кошмарный сон, становится явью пугающая легенда.

Уже более года из мрачных закоулков, из-за дверей обветшавших лачуг, населенных таинственными и непостижимыми, словно призраки, представителями желтой расы, просачивались кое-какие слухи. Впрочем, слухи — вещь вполне определенная и конкретная, не подходящая в качестве определения для бессвязного бормотания наркоманов, нечленораздельных завываний сумасшедших, стонов умирающих, отрывочных, еле слышных шепотов, разносимых полночным ветром. Однако во всем этом разноголосом, нестройном и отрывистом лепете то и дело проскальзывало наводящее ужас сочетание слов, произносимое с бесконечным страхом, с внутренней дрожью: «Эрлик-хан!»

Это выражение неизменно всплывало в связи с самыми жуткими преступлениями, черным вихрем стеноло в кронах ночных деревьев — призрак, миф, которого нельзя было ни подтвердить, ни опровергнуть. Никто не знал, что кроется за этими словами: были ли они именем человека, девизом, жизненным кредо, проклятием, наваждением. Связанные с ним кошмарные ассоциации превратили его в синоним чего-то ужасного: тихого плеска темной воды у прогнивших свай, крови, по каплям сочащейся на осклизлые камни, предсмертных воплей в темных закоулках, тихих, шаркающих шагов, бредущих в зловещей ночи навстречу неизвестной судьбе.

В отделении смеялись, когда Харрисон начинал клясться, что чувствует, будто между разрозненными преступлениями существует некая

связь. Как всегда в таких случаях, ему говорили, что он слишком долго работает в извилистых лабиринтах Восточного квартала. Однако именно это обстоятельство и заставляло его чувствовать те тонкие, скрытые нюансы, которые ускользали от внимания его коллег. А временами он чуть ли не физически ощущал присутствие некой неясной, расплывчато зловещей фигуры, возникавшей из хитросплетения миражей.

И теперь во мраке, словно свист бича, прозвучало сказанное шепотом: «Эрлик-хан!»

Выбравшись из своего укрытия, Харрисон быстро направился к заколоченной двери. Выяснение отношений с Али ибн-Сулейманом отошло на второй план. По складу характера великий сыщик был склонен к импровизациям: он никогда не отказывался от подвернувшегося случая, даже если ради этого приходилось перекладывать намеченные дела на более поздний срок. А инстинкт подсказывал ему, что он стоит на пороге больших событий.

Начал накрапывать дождь. Над головой, в разрывах между высокими черными стенами он увидел густые темные тучи. Они висели так низко, что, казалось, цепляются за устремленные в небо крыши, тускло отражая сияние мириад городских огней. Откуда-то издалека доносился звук проезжающих по улицам автомобилей. Все вокруг него казалось до странности незнакомым, чужим и враждебным. словно он пробирался по мрачным трущобам Кантона, по Запретному городу

Пекина или же очутился в Вавилоне или египетском Мемфисе.

Подойдя к двери, он осторожно ощупал ее и доски, которыми, как казалось, она была заколочена. И обнаружил, что многие вбитые в них гвозди были фальшивыми. Гениальная мысль — сделать так, чтобы снаружи дверь казалась наглухо заколоченной!

Стиснув зубы и чувствуя себя так, словно он ныряет в неведомую тьму, Харрисон трижды постучал в дверь, подражая манере убийцы, Фэнг Йима. Почти в тот же миг в двери открылось круглое отверстие, и в нем, еле различимое в скупом красноватом свете, появилось желтое монголоидное лицо. Резко прозвучала сказанная по-китайски фраза.

Шляпа Харрисона была нахлобучена на лоб, а поднятый для защиты от измороси воротник скрывал нижнюю часть лица. Но маскировка не понадобилась. Харрисон никогда прежде не встречался с человеком, который сейчас стоял по ту сторону двери.

— Эрлик-хан! — тихим, невнятным голосом произнес детектив. В раскосых глазах не мелькнуло ни тени подозрения. Ясно, что ранее через эту дверь проходили и белые. Дверь отворилась, и Харрисон, ссутулившись и засунув руки в карманы — ни дать ни взять — хулиган с набережной, — протиснулся сквозь образовавшийся проем. Он слышал, как закрылась за ним дверь, и, миновав узкий коридор, оказался в маленькой квадратной комнате. Про себя он отметил, что дверь запиралась огром-

ным железным ломом, который китаец засовывал теперь в могучие железные проушины, торчавшие по обеим ее сторонам, а круглый глазок в ней закрывался поворотной заслонкой из куска листовой стали. У входа лежала подушка, на которой сидел привратник. Никакой мебели в помещении не было.

Проводя эти попутные наблюдения, он чувствовал, что привычному посетителю не пристало задерживаться в комнатухе. Она освещалась подвешенным к потолку маленьким красным светильником, но отходивший от нее коридор был совершенно темным, и ориентироваться в нем можно было только в чахлах отсветах этого единственного фонаря.

Харрисон шагал по коридору, ничем не выдавая невероятного напряжения нервов. Боковым зрением он отметил, что стены здесь новые и прочные. Тут явно совсем недавно закончились большие ремонтные работы, хотя внешне здание выглядело совершенно заброшенным.

Как и ведущий к дому переулок, коридор оказался коленчатым. Из-за поворота падал мягкий поток света, и за углом раздались приближающиеся шаркающие шаги. Харрисон толкнул ближайшую дверь, которая беззвучно отошла и так же беззвучно закрылась за ним. В крошечной тьме он оступился и чуть не скатился с оказавшейся под его ногами лестницы. Мысленно он проклинал себя за произведенный шум. Он слышал, как шарканье ног приблизилось к двери. Невидимая рука толкнула ее. Но Харрисон изо всех сил налег на дверь плечом. Пальцы

нашарили засов и плавно задвинули его, заставив детектива болезненно поморщиться от еле слышного скрежета. Послышалась свистящая китайская фраза, но Харрисон не ответил. Отойдя от двери, он начал ощупью спускаться по лестнице.

Наконец, он поставил ногу на ровную поверхность и в тот же миг врезался в дверь. У него в кармане лежал фонарь, но воспользоваться им он не рискнул. Потянув за ручку, Харрисон понял, что дверь не заперта. Вся она, даже ее порог и косяки, была обита чем-то мягким. Ощупав стены чуткими пальцами, Харрисон понял, что и они обиты все тем же мягким материалом, и с внутренней дрожью подумал, какие крики и шумы пытались заглушить с помощью подобной звукоизоляции.

Распахнув дверь, он зажмурился от мягкого красноватого света и в испуге схватился за пистолет. Однако все было по-прежнему тихо — ни криков, ни выстрелов, и по мере того как глаза его привыкали к свету, он увидел, что находится в большом подвальном помещении, совершенно пустом, если не считать трех огромных упаковочных ящиков. В дальнем и ближнем концах помещения, а также вдоль его стен находились двери, но все они были закрыты. Харрисон явно пребывал где-то под землей.

Он приблизился к ящикам, которые, по всей видимости, недавно подверглись вскрытию, но еще не были разобраны. На полу рядом с ними лежали отодранные крышки, охапки тонких стружек и веревки.

— Спиртное? — пробормотал он себе под нос. — Наркота? Контрабанда?

Он бросил хмурый взгляд на ближайший ящик. Его содержимое было прикрыто лишь одним слоем мешковины, и он озадаченно уставился на очертания того, что скрывалось под ней. Затем, чувствуя, как у него по телу забегали мурашки, он сорвал тканевый покров и отшатнулся. От ужаса у него перехватило дыхание. Из ящика на слегка покачивающуюся лампу невидящими взорами уставились три застывших, неподвижных желтых лица. Под ними, кажется, был еще ряд...

Зажимая себе рот и покрываясь испариной, Харрисон продолжал свое ужасное занятие, чтобы удостовериться в том, во что едва мог поверить. А затем стер капли пота.

— Три ящика, набитые мертвыми китайцами! — с содроганием прошептал он. — Восемнадцать трунов! Черт подери! Прямо оптовое убийство! Чего только я в жизни ни повидал, думал, уже ничто не сможет выбить меня из колеи. Но это уже слишком!

Еле уловимый шорох открываемой двери заставил его отвлечься от своих неприятных размышлений. Охваченный страшным напряжением, он повернулся на шум. Перед ним раболопно склонилась отвратительная, злоецащая фигура, словно воскресшая из ночного кошмара. Полицейский отметил массивный полуобнаженный торс, гладкую, как пушечное ядро, бритую голову, лицо, искаженное ухмылкой, обнажавшей зубы, слюну, стекав-

шую из уголков рта,— и вот это чудовище набросилось на него.

Харрисон не принадлежал к тем, кто сразу хватается за оружие. Прежде всего, повинаясь инстинкту, он пускал в дело могучие кулаки. Вместо того чтобы выхватить пистолет, он правой рукой нанес сокрушительный удар прямо по этой оскаленной физиономии и удовлетворенно отметил, как по ней побежали струйки крови. Голова гиганта откинулась назад, но жилистые пальцы продолжали цепко держаться за лацканы куртки детектива.

Левый кулак Харрисона с размаху врезался в солнечное сплетение противника, от чего бронзовое лицо нападавшего приобрело зеленоватый оттенок. Однако он не ослабил хватку и упрямо пытался стянуть куртку с плеч полицейского. Харрисон догадался, что этим приемом бандит пытается обездвигнуть ему руки, и, притворяясь, будто уступает его намерениям, изо всех сил ударил желтолицего в грудь пригнутой головой, одновременно освобождаясь от сковывавшей его движения одежды.

Гигант, пошатываясь, попятился назад, судорожно пытаясь глотнуть воздуха и держа бесполезную теперь куртку Харрисона перед собой наподобие щита, а неумолимый в атаке полицейский прижал его к стене и обеими руками поочередно нанес зубодробительные удары под челюсть противника. Глаза желтокожего великана подернулись пеленой, и он начал медленно оседать. Ударившись головой о стену

он рухнул наземь, заливая пол вокруг себя алой кровью и содрогаясь в предсмертных конвульсиях.

— Душегуб монгольский! — выдохнул запыхавшийся Харрисон, свирепо оглядывая свою жертву. — Что за ужасы здесь творятся, хотел бы я знать?

В этот миг сзади на его голову обрушился удар дубинки. Свет померк в глазах Харрисона.

* * *

Его нынешнее положение породило в мозгу детектива какие-то туманные ассоциации с испанской инквизицией. Он, наконец, пришел в сознание. Возможно, эти ассоциации были порождены звяканьем стальных цепей. Выплывая из бездны галлюцинаций, он первым делом почувствовал, как болит у него голова, бережно дотронулся до нее и разразился яростными проклятиями.

Он валялся на бетонном полу. На поясе у него был стальной обруч, замкнутый за спиной на замок и прикрепленный к цепи, приковывавшей его к вмурованному в стену кольцу. Помещение, в котором не было ни одного окна и всего одна дверь, освещалось висевшим под потолком тусклым фонарем. Дверь была заперта.

В комнате находились какие-то предметы, и по мере того как глаза Харрисона привыкали к чахлому свету, предметы эти приобретали все более конкретные очертания, а его охватывало леденящее душу предчувствие, ка-

завшееся слишком фантастическим и жутким, чтобы довериться ему. И все же то, что предстало перед ним, было поистине невероятным. Тут находился какой-то механизм, оснащенный рычагами, воротами и цепями. С потолка свисала цепь. Были здесь и еще какие-то железные штуковины, напоминавшие по форме языки пламени. В одном из углов стояла массивная, изборозденная зарубинами плаха, а к ней был прислонен тяжелый широколезвенный топор. Детектив невольно содрогнулся, спрашивая себя, уж не снится ли ему все это средневековье в каком-то кошмарном сне. Он не сомневался в предназначении этих предметов, потому что видел точно такие же в музеях...

Почувствовав, что дверь отворилась, он изогнулся и увидел в проеме неясный силуэт — это был высокий, похожий на призрака человек, одетый во все черное. Человек вошел в комнату, словно сама Смерть, и притворил за собой дверь. Из-под капюшона на желтом лице ледяным блеском сверкнули глаза, выражение которых вселяло ужас.

Несколько мгновений царило молчание, но его нарушил сердитый окрик сыщика:

— Где я, черт побери, нахожусь? Кто вы? Снимите с меня цепь!

Ответом ему было лишь презрительное молчание, и под немигающим, пронзительным взглядом этих призрачных глаз Харрисон почувствовал, как лоб и тыльные стороны ладоней у него покрываются холодным потом.

— Болван! — Харрисон нервно содрогнулся при звуке этого ледяного, бесстрастного голоса. — Ты нашел свой конец!

— Кто вы? — продолжал вопрошать полицейский.

— Люди зовут меня Эрлик-хан, что означает Повелитель мертвых, — ответил человек в черном. По спине Харрисона пробежали ледяные мурашки, не столько от испуга, сколько от неприятного волнения при мысли о том, что он наконец-то видит перед собой того человека, о существовании которого подозревал.

— Итак, Эрлик-хан — всего лишь человек, — хмыкнул детектив. — Я уж начинал думать, что это понятие именует целую банду китайцев.

— Я не китаец, а монгол, — ответил Эрлик-хан, — прямой потомок Чингиз-хана, великого завоевателя, перед которым склонялась вся Азия.

— А мне что за дело? — проворчал Харрисон, стараясь скрыть желание узнать больше.

— Затем, что скоро ты умрешь, — последовал спокойный ответ, — и мне хочется, чтобы ты понял, что попался ты не в лапы какой-нибудь обыкновенной бандитской шайки.

Я был настоятелем монастыря ламаитов в горах Внутренней Монголии и, если бы мне удалось осуществить свои намерения, возродил бы утраченную империю, да-да, древнюю империю Чингиз-хана, но разные кретины мешали мне и чуть не лишили меня жизни.

Я прибыл в Америку и здесь поставил перед собой новую цель — сплотить все тайные восточные общества в единую могучую орга-

низацию, чтобы иметь возможность осуществлять через нее все свои желания и опутать невидимыми щупальцами весь мир. Здесь, в месте, не вызывающем подозрения у таких недоумков, как ты, я построил свой замок. Я уже многого добился. Те, кто препятствует мне, внезапно погибают, или с ними происходит кое-что еще худшее — ты же видел болванов в упаковочных ящиках, стоящих в подвалах. Это члены банды «Ят-Сой», пытавшиеся пренебречь мною.

— Душегуб! — пробормотал Харрисон. — Целый тонг отправленных на тот свет!

— Они живы, — поправил его Эрлик-хан. — Просто находятся в состоянии каталепсии, вызванном неким веществом, которое надежные слуги подсыпали им в питье. Их доставили сюда, чтобы я имел возможность убедить их в бессмысленности сопротивляться мне. Я располагаю несколькими подобными подземными склепами, где есть устройства, способные переубедить даже самых упрямых.

— Камеры пыток под Ривер-стрит! — прошептал детектив. — Черт меня побери, если этот кошмар мне не снится!

— Ты так долго разгадывал секреты кварталов Ривер-стрит. Неужто тебя поражают тайны, господствующие над их тайнами? — тихо промолвил Эрлик-хан. — По правде говоря, ты лишь слегка прикоснулся к их тайнам. Многие подчиняются моим приказам — китайцы, сирийцы, монголы, индийцы, арабы, турки, египтяне.

— Почему? — спросил Харрисон. — Почему столько людей, принадлежащих к разным, зачистую враждебным, религиям служат вам?..

— За всеми расхождениями в вопросах вероисповедания, — сказал Эрлик-хан, — стоит вечное Единство, главная сущность Востока. До того как появились Мухаммед, Конфуций или Гаутама, существовали общие для всех сынов Востока знаки и символы, такие древние, что их история теряется в веках. Есть культы, которые влиятельнее и старше ислама или буддизма, — древнейшие культы, возникшие до того, как был построен Вавилон или затонула Атлантида. Для посвященного все эти религии и верования — только новые одеяния, за которыми скрывается единая внутренняя сущность. Даже мертвому я не могу сказать больше. Достаточно знать, что я, которого называют Эрлик-ханом, имею власть над миром ислама и буддизма, но она простирается и за его пределы.

Лежа на полу, Харрисон молча размышлял над словами монгола, который через некоторое время нарушил молчание:

— Ты один виноват в том, что с тобой случилось. Я убежден, сегодня ты явился сюда не для того, чтобы шпионить за мной, — глупый, слепой кретин, даже не подозревавший о моем существовании. Я думал, что ты опрометчиво решил арестовать моего слугу, друга Али ибн-Сулеймана.

— Вы подослали его, чтобы убить меня, — прорычал Харрисон.

Презрительный смех заставил его стиснуть зубы.

— Неужто ты мнишь себя такой важной персоной? Я бы не стал сворачивать со своего пути, чтобы раздавить слепого червя. Тебя подставили иначе — нашлось ничтожное, самонадеянное, глупое существо, ставшее жертвой собственных заблуждений и ныне расплачивающееся за свое безумие. Подобно многим моим слугам, Али ибн-Сулейман — отщепенец, отверженный своим народом, и жизнь его поставлена на карту. Из всех добродетелей самой ценной друзья почитают простейшую — физическое мужество. Если друг проявляет трусость, никто не насмехается над ним, но когда воины собираются за чашкой кофе, кто-нибудь проливает содержимое чашки на его одежду. Для него это равносильно смертному приговору. При первой возможности он обязан идти в бой и как можно дороже продать свою жизнь. — Эрлик-хан помолчал. — Али ибн-Сулейман не смог выполнить задание, которое было неосуществимым. Он был молод и не понимал, что фанатичные соплеменники заклеят его как труса, и поэтому, потерпев неудачу, не покончил с собой. Однако чаша позора пролилась на его рубаху. Али был молод и не хотел умирать. Он нарушил обычай, соблюдавшийся тысячелетиями, бежал из родных мест и стал скитальцем на этой земле. В прошлом году он примкнул к моим людям, и я был доволен его отчаянной храбростью и исключительными бойцовскими качествами. Однако не так давно то безмозглое существо, о

котором я уже говорил, решило использовать его для разрешения одной старинной междоусобицы, никоим образом не связанной с моими делами. Это было неблагоразумно. Мои люди живут только для того, чтобы служить мне, независимо от того, осознают они это или нет. Али часто ходит курить опиум в некий дом, и там эта безмозглая дрянь одурманила его порошком черного лотоса, погружающим человека в транс и делающим его внушаемым. Если повторять эти внушения многократно, то они удерживаются в мозгу жертвы даже тогда, когда он освобождается от действия наркотика.

Эрлик-хан снова умолк. Так это было или нет, но Харрисону показалось, что он к чему-то прислушивается. Потом Эрлик-хан спокойно продолжил.

— Друзья верят, что после смерти их душа тотчас же переселяется в тело младенца из их племени. Их национальный герой Амир Амин Иззедин был убит арабским шейхом Ахмед-пашой в ночь, когда родился Али ибн-Сулейман. Али всегда считал, что в нем живет душа Амира Амина, и страшно печалился, что не может отомстить за свою прошлую жизнь Ахмед-паше, который погиб через несколько дней после того, как убил вождя друзей. Узнав обо всем, это самонадеянное ничтожество с помощью черного лотоса, известного так же как Дым Шайтана, убедила друга, что ты, детектив Харрисон, являешься реинкарнацией его старого врага, шейха Ахмед-паши. Понадобилось немало времени и хитрости, чтобы внушить ему,

даже под воздействием наркотика, что душа арабского шейха могла переселиться в американского полицейского, но дрянь действовала очень настойчиво, и в конце концов Али поддался внушению и ослушался моих приказаний — я всегда запрещал досаждать полицейским, если они не лезли в мои дела, а уж когда требовалось принимать какие-то меры, то все делалось исключительно под моим руководством. Ибо я не стремлюсь к известности. Друза следует проучить. Теперь мне пора уходить. Я и так провел с тобой слишком много времени. Скоро сюда придет тот, кто избавит тебя от земных забот. Утешься мыслью, что по соседству с тобой виновная в твоей гибели дура искупит свой грех ценой собственной жизни. Фактически ее отделяет от нас только одна звукопоглощающая переборка. Прислушайся!

Где-то рядом раздался женский голос. Нельзя было разобрать, что именно он говорил, но звучал он настойчиво.

— Дура сознается в своей ошибке, — благодушно улыбнулся Эрлик-хан. — Звуки ее рассказа долетают сюда даже сквозь эти стены. Что ж, не она первая сожалеет о совершенных ранее глупостях. А теперь я ухожу. Эти кретины из «Ят-Сой» скоро очухаются.

— Подождите вы, сатана! — рывкнул Харрисон, борясь со своей цепью. — Что вы собираетесь...

— Довольно, довольно! — В голосе монгола послышалась нетерпеливая нотка. — Ты меня утомил. Соберись с мыслями, времени у тебя мало.

Прощайте, мистер Харрисон, но не до свиданья!

Дверь беззвучно затворилась, и детектив остался один на один со своими невеселыми мыслями. Он проклинал себя за то, что попался в эту ловушку, за то, что старался всегда работать в одиночку. Никто не знал, куда он направился; он никому не сообщил о своих намерениях.

Из-за переборки по-прежнему доносились приглушенные рыдания. У Харрисона по лбу заструились капельки пота. Нервы, не дрогнувшие перед лицом постигшей его беды, затрепетали от сострадания к чужому, заходящемуся от страха голосу.

Затем дверь вновь распахнулась, и, изогнувшись, Харрисон с парализующим чувством обреченности понял, что видит перед собой палача. Это был высокий, мрачного вида монгол, облаченный в сандалии и доходящую до колен накидку из желтого шелка. Она была подвязана поясом, с которого свисала связка ключей. С собой он принес большой бронзовый сосуд и какие-то предметы, похожие на ароматические палочки. Он поставил свою ношу на пол неподалеку от Харрисона и, присев на корточки на не доступном для пленника расстоянии, стал возводить внутри сосуда своего рода пирамиду из источающих отвратительный запах палочек. А Харрисон, наблюдая за его действиями, припомнил полустершуюся в памяти страшную историю, один из многих тысяч жутких рассказов о Ривер-стрит: когда-то в какой-то наглухо закупоренной комнате, где над бронзовым кот-

лом с головнями еще курился едкий дым, он обнаружил ссохшийся, сморщенный, как старый лоскут кожи, труп индийца, мумифицированный смертоносным дымом, убившим и иссушившим свою жертву, словно отравленную крысу.

Из соседней камеры раздался вопль, такой пронзительный и страдальческий, что Харрисон подскочил на месте и выругался. Монгол застыл, держа наготове спичку. Его пергаментное лицо расплылось в понимающей ухмылке. обнажившей сморщенный обрубок языка. Этот человек был нем.

Крики становились все громче и отчаяннее, казалось, в них было больше страха, чем боли, но вместе с тем звенела и боль. Охваченный пугающим весельем немой поднялся и подошел поближе к стене, весь обратившись в слух, словно боясь пропустить хотя бы единый стон, долетавший из соседней камеры пыток. Из уголков его безязыкого рта капала слюна. Он жадно задерживал дыхание, помимо воли все ближе и ближе подходя к стене,— и в этот момент Харрисон, исхитрившись описать ногой немыслимую кривую, изо всех сил ударил его под обнаженные колени. Монгол неуклюже повалился назад и рухнул прямо в объятия полицейского.

Захват, благодаря которому Харрисон сломал палачу шею, не был описан ни в одном руководстве по единоборству. Долго сдерживаемая ярость уничтожила в детективе все, кроме нечеловеческого желания душить, терзать и рвать в клочья, повинуюсь голосу необузданной стра-

сти. Словно гризли, он душил и ломал тело врага, чувствуя, что под его напором позвонки монгола хрустят, как подгнившие сучья.

Испытывая головокружение от переполнявшей его ярости, он с трудом поднялся на ноги, по-прежнему сжимая, как тисками, безвольное тело и изрыгая бессвязные проклятия. Его пальцы сомкнулись на связке ключей, болтавшейся на поясе убитого. Завладев ею, Харрисон в припадке все еще бушевавшей в нем ярости зло пнул ногой труп, повалившийся на пол с глухим стуком. Застывшее лицо с невидящими глазами зловеще скалилось из-за желтого плеча.

Харрисон методично подобрал ключ к замку на своем поясе. Мгновение спустя, освободившийся от оков, он уже стоял посреди камеры, обуреваемый захлестнувшими его неистовыми чувствами — надеждой, ликованием, ощущением свободы. Он подхватил топор, прислоненный к покрытой темными пятнами плахе, и с трудом сдержал кровожадный радостный вопль, ощутив успокаивающую тяжесть этого массивного оружия и видя, как тусклый свет играет на его блестящем и остром как бритва лезвии.

Секунду повозившись, подбирая ключи к замку, он отворил дверь и оказался в тускло освещенном узком коридоре, по обеим сторонам которого тянулись запертые двери. Из-за той, что находилась рядом, доносились душераздирающие крики, приглушенные звукопоглощающей обивкой двери и стен.

Клокоча от ярости, он не стал терять времени на подбор ключа. Стиснув топорище обеими

руками, Харрисон что есть силы рубанул по двери. Он не думал о произведенном им грохоте, повинувшись лишь безумной потребности творить насилие. Под градом ударов дверь раскололась и вдавилась внутрь, и через образовавшуюся рваную щель он влетел в камеру. Глаза его яростно сверкали, рот раздвинулся в рычащем оскале.

Он оказался в камере, как две капли воды похожей на ту, в которой держали его самого. Здесь тоже была дыба — надежное средневековое дьявольское приспособление, — и на ней жалобно белела женская фигурка. Это была девушка, тело которой прикрывала лишь коротенькая сорочка. Мрачного вида монгол склонился над рукоятками воротов, медленно приводя их в движение. Другой тем временем раскалял на маленькой жаровне заостренный железный прут.

Все это мгновенно отпечаталось в его мозгу. Завидев Харрисона, девушка повернула голову в его сторону и издала отчаянный крик. Затем монгол с железным прутком безмолвно ринулся на него, выставив раскаленное добела железо перед собой наподобие копья. Даже в обуревавшем его нечеловеческом приступе ярости Харрисон не потерял головы. Ощерив тонкие губы в зверином оскале, он рванулся в сторону и со всего маху опустил топор на голову нападавшего, расколовшуюся под ударом, словно спелый арбуз. Бездыханное тело рухнуло в лужу крови и выбитых мозгов, а Харрисон упругой ко-

шачьей походкой двинулся навстречу второму монголу.

Тот действовал так же беззвучно, как и его напарник. Оба они тоже были немymi. Второй палач оказался не столь безрассудным, как первый, однако осмотрительность не уберегла его от разящего удара. Монгол выставил для защиты левую руку, и кривое лезвие рассекло мускулы и кости. Отрубленная плоть повисла на клочке мяса. В неистовой ярости заплечных дел мастер, словно умирающая пантера, рванулся вперед, норовя пырнуть Харрисона ножом. И тут же окровавленный топор вновь обрушился на него. Лезвие ножа вспороло рубашку Харрисона и полоснуло его самого вдоль ребер, и поскольку при этом он невольно отшатнулся, топор в его руках повернулся и ударом обуха сокрушил череп монгола, словно яичную скорлупу.

Матерясь, как последний извозчик, детектив озирался по сторонам, ожидая новых нападений. Затем вспомнил о девушке на дыбе.

Он наконец узнал ее.

— Джоэн Ла Тур! Что вы здесь...

— Освободите меня! — прорыдала она. — Ради всего святого, освободите!

Справиться с дьявольским приспособлением было для Харрисона делом одной минуты. Но лодыжки и запястья девушки были прикручены крепкими веревками. Разрубив их, полицейский подхватил пленницу на руки и стиснул зубы при мысли о возможных переломах, вывихнутых суставах и разорванных сухожилиях, о пе-

ренесенных ею страданиях, но пытка, видимо, только началась и не успела нанести девушке непоправимого ущерба. Учитывая выпавшие на ее долю испытания, физическое состояние Джоэн могло бы оказаться намного хуже, однако она была охвачена безраздельной истерикой. Глядя на съежившуюся от страха, сотрясающуюся от рыданий и дрожащую в своей жалкой одежке фигуру, он припомнил вызывающего гордую, самоуверенную и независимую красавицу, какой знал ее, и в изумлении покачал головой. Разумеется, Эрлик-хан умел заставить повиноваться своей деспотической воле.

— Бежим,— умоляла Джоэн в промежутках между бурными всхлипываниями.— Они вернутся — они же слышали шум...

— Бежим,— буркнул он,— только хотел бы я знать, где, черт подери, мы находимся?

— Не знаю,— прохныкала она.— Где-то в доме Эрлик-хана. Его немые монголы притащили меня сюда сегодня вечером по подземным ходам и тоннелям, соединяющим это место с разными частями города.

— Вот и славно,— откликнулся он,— значит, и мы могли бы убежать по ним куда-нибудь.

Схватив девушку за руку, он вывел ее в коридор и, неуверенно озираясь по сторонам, заметил ведущую вверх винтовую лестницу. Они бросились по ней, но вскоре оказались перед обитой незапертой дверью. Пройдя через нее, он попробовал закрыть ее на ключ, но попытка оказалась безуспешной. Ни один из ключей в связке не подходил к этому замку.

— Не знаю, слышали они нашу потасовку или нет,— пробормотал он,— разве что кто-то из них находился поблизости. Думаю, мы где-то в подвале.

— Нам никогда не выбраться отсюда живыми,— всхлипнула девушка.— Вы ранены, у вас на руках кровь...

— Подумаешь, царапина,— хмыкнул атлетически сложенный сыщик, украдкой ощупывая пальцами отвратительную рваную рану, сочившуюся кровью, пропитавшей насквозь и разодранную рубаху, и пояс брюк. Теперь, когда ярость его поостыла, он почувствовал боль.

Прекратив возиться с дверью, он ощупью побрел в кромешной тьме, ведя за собой девушку, присутствие которой ощущалось только по трепету нежной руки, вложенной в его ладонь. Затем он услышал ее судорожные всхлипывания.

— Это все я виновата! Я вас в это втравила! Друз, Али ибн-Сулейман...

— Знаю,— буркнул он,— Эрлик-хан рассказывал. Но я никогда не подозревал, что именно вы напустили на меня этого безумного язычника с кинжалом. Или Эрлик-хан солгал?

— Нет,— простонала она.— Жозеф — мой брат. До сегодняшнего вечера я считала, что его убийца — вы.

Он сильно вздрогнул.

— Я? Я не убивал! И не знаю, кто его убил. Кто-то застрелил его — пуля, предназначавшаяся мне, пролетела у меня над плечом и попала в него. Это было во время облавы на банду Осман-паши.

— Теперь я знаю,— пролепетала она.— Но раньше все время считала, что вы говорите неправду. Думала, вы убили его, лично вы. Многие так говорили, понимаете. Я хотела отомстить. Выбрала способ, казавшийся абсолютно надежным. Друз меня не знает. Он ни разу меня не видел — когда был в сознании. Я подкупила содержателя притона наркоманов, где часто бывает Али ибн-Сулейман, чтобы тот окурил его черным лотосом. Затем за дело взялась я. Это очень похоже на гипноз. Должно быть, хозяин притона проболтался. Во всяком случае, Эрлик-хан узнал, как я использовала Али ибн-Сулеймана, и решил наказать меня. Возможно, он боялся, что друз наговорил много лишнего, пока был в угаре. Я тоже знаю слишком много для человека, не примкнувшего к организации Эрлик-хана. Я — мелкая рыбешка из Восточного квартала и крутилась подальше от сетей Ривер-стрит, пока сама не запуталась в них. Жозеф тоже играл с огнем и поплатился за это жизнью. Сегодня вечером Эрлик-хан назвал мне имя его настоящего убийцы. Это Осман-паша. И целился он тогда не в вас, а в Жозефа. Я вела себя, как последняя дура, и жизнь моя теперь не стоит ни цента. Эрлик-хан — властелин Ривер-стрит.

— Недолго он им останется,— прорычал детектив.— Мы уж как-нибудь отсюда выберемся, а потом я вернусь с ребятами из нашего отделения и очищу эту проклятую крысиную нору. Я покажу Эрлик-хану, что здесь Америка, а не Монголия. Когда я с ним разделаюсь...

Он остановился на полуслове, потому что пальцы Джоэн судорожно впились в его руку. Откуда-то снизу доносился неясный гул. Харрисон не знал, что находится под их ногами, но от одной мысли оказаться в западне на этой темной виляющей лестнице у него по коже побежали мурашки. Он зашагал быстрее, почти волоча за собой девушку, и, наконец, добрался до двери, оказавшейся также незапертой.

Именно в этот момент внизу зажегся свет, и он весь напрягся от долетевших до них пронзительных воплей. Далеко внизу виднелась толпа неясных теней, метавшихся в красноватых отсветах фонаря или факела. Можно было различить, как сверкали их белки, как поблескивала сталь.

Пулей влетев в дверь и с грохотом захлопнув ее за собой и Джоэн, он лихорадочно попытался подобрать ключ, чтобы запереть ее на замок, но, отказавшись от этой попытки, схватил девушку за руку и помчался по извилистому коридору, стены которого покрывали черные бархатные драпировки. Он не представлял, куда приведет их этот коридор. Он уже окончательно потерял ориентацию. Знал только, что на пятки им наступает смерть, страшная, неумолимая смерть.

Оглянувшись, он увидел, как озверевшая толпа заполняет коридор: это были желтолицые в шелковых куртках и мешковатых штанах, с обнаженными кинжалами наготове. Вдали перед ним маячила занавешенная портьерами дверь. Разметав тяжелые шелковые полотнища и во-

лоча за собой девушку, он влетел в дверь, хлопнул ее и замер, охваченный ледящим душу отчаянием.

* * *

Они оказались в просторном зале, о возможности существования которого под заурядными крышами любого западного города Харрисон и подумать не мог. С резного потолка свисали позолоченные светильники, украшенные фантастическими фигурами драконов. Они отбрасывали золотистый свет на бархатные полотнища, которыми были завешены стены. По черному бархату повсюду змеились другие драконы, вышитые золотом, серебром и пурпурным шелком.

В нише подле двери располагался громоздкий, выше человеческого роста идол. Ноги изваяния были подогнуты по-турецки. Статую наполовину скрывала тяжелая лаковая ширма. Изваяние казалось самой непристойной, вульгарной пародией на человека, которую только могла породить человеческая фантазия. Перед идолом находился низкий алтарь, над которым курилась спиральная струйка благовоний.

Однако Харрисону было не до идола. Его глаза были прикованы к фигуре, облаченной в длинное черное одеяние с капюшоном и восседавшей по-турецки на бархатном диване в противоположном конце зала. Они влетели прямоком в осиное гнездо. Вокруг Эрлик-хана в подобострастных позах сидели азиаты — китайцы, сирийцы и турки.

На мгновение находившиеся в зале тоже опешили, но их вывел из ошеломления злобный окрик Эрлик-хана, который вскочил со своего места и схватился за пояс. Другие, поднимаясь и крича, также хватались за оружие. За дверью, прямо у себя за спиной, Харрисон услышал шум погони. В этот миг он осознал и принял единственную отчаянную альтернативу немедленному плену. Метнувшись к идолу, он втолкнул Джоэн в пространство за ним, а потом и сам протиснулся в нишу. Теперь он оказался припертым к стенке. Отступать было некуда — оставалось ждать, держа наготове страшный топор. Он не надеялся, что ему удастся спастись, но, как загнанный охотниками в угол раненый волк, решил мужественно принять последний бой. Зеленая каменная глыба идола почти полностью блокировала проход в нишу. Лишь с одной стороны оставался узкий просвет между стеной и его уродливыми бедром и плечом. С другого бока щель была настолько маленькой, что в нее не прошла бы и кошка. Через щели в стоявшей перед идолом лаковой ширме Харрисону была видна вся комната, куда уже ворвалась толпа их преследователей. Ими руководил вооруженный топором Фэнг Йим — полицейский сразу узнал его.

Поднявшийся неистовый гвалт перекрыл властный голос Эрлик-хана, который говорил по-английски, на единственном общем для всей этой пестрой смеси народов языке:

— Они прячутся за богом; заставьте их выйти.

— Надо дать по ним очередь,— предложил смуглый, могучего телосложения громила. Харрисон узнал в нем турка Ак-Богу, феска которого никак не вязалась с остальным его одеянием.— Если мы останемся стоять здесь, то рискуем отправиться на тот свет. Он может перестрелять всех нас из-за ширмы.

— Болван! — Монгол чуть не задохнулся от ярости.— Он давно бы сделал это, будь у него оружие. Я запрещаю стрелять. Они могут спрятаться за изваянием, и понадобится слишком много выстрелов, чтобы выкурить их оттуда. Здесь вам не Камеры Тишины. Пальба произведет слишком много шума, одного выстрела на улице могут и не услышать, но одним здесь не обойтись. Он вооружен только топором; набросьтесь на него и изрубите на куски!

Ак-Бога, не раздумывая, бросился вперед. Остальные устремились за ним. Харрисон перехватил топориче поудобнее. Нападающие могли добраться до них только поодиночке.

Турок находился в узкой щели между идолом и стеной, когда Харрисон бросился к нему из-за огромной зеленой глыбы. Ак-Бога завизжал в предвкушении победы и занес для удара нож. Он закрывал собой весь проход, и из-за его плеча стоявшие за ним могли разглядеть только мрачное лицо Харрисона с бешено сверкающими глазами.

Харрисон ударил обухом прямо в лицо Ак-Боги, круша ему нос, зубы и подбородок. Турок пошатнулся, захлебываясь собственной кро-

вью, и, полуослепленный ею, все же попытался ударить полицейского ножом, точно смертельно раненная пантера. Острое лезвие раскроило лицо Харрисона от виска до челюсти, но в то же мгновение опустившийся топор сокрушил грудную клетку турка. Отшатнувшись назад, умирающий повалился на спину.

Стоявшие за ним попятились от неожиданности. Харрисон, окровавленный, словно заколотый боров, снова спрятался за идола. Они не видели белого великана, притаившегося наготове под сенью божества, но видели Ак-Богу, испускающего последнее дыхание в луже крови по их сторону ширмы. Турок казался принесенной идолу кровавой жертвой, и зрелище это отрезвило даже самых неумолимых.

И теперь, когда дело зашло в тупик и сам Повелитель мертвых, казалось, пребывал в нерешительности, на сцену разыгравшейся трагедии выступил еще один персонаж. Открылась дверь, и в зал ворвалась экзотическая фигура. Харрисон услышал, как за его спиной испуганно охнула Джоэн.

Это был Али ибн-Сулейман. Он прошествовал по залу так, словно находился в собственном замке в загадочных окрестностях Джебель-Друза. Он сменил свой западный наряд. Теперь виски его опоясывала шелковая повязка с широкой золотой полосой. Его торс прикрывала просторная рубаша с поясом, из-под которой виднелись расшитые узорами туфли на серебряных каблуках. Его веки были покрашены сурьмой, отчего блеск глаз казался еще более жес-

токим, чем обычно. В руке друг сжимал длинную кривую саблю.

Харрисон отер кровь с лица и пожал плечами. Ничто больше не могло удивить его в доме Эрлик-хана, даже эта живописная фигура, которая, казалось, только что выплыла из восточного сна, наваянного опиумным дурманом.

Внимание всех было приковано к другу, который шел по залу и казался еще более высоким и грозным в своем национальном костюме, чем в западном платье. Он не испытывал ни малейшего страха перед Повелителем мертвых, точно так же, как ранее — перед Харрисоном.

— Почему мне не сказали, что мой враг — узник в этом доме? — остановившись перед Эрлик-ханом, дерзко спросил он по-английски, на том единственном общем наречии, которым владели и он, и монгол.

— Тебя здесь не было, — грубо оборвал его Эрлик-хан, которому явно не нравилось поведение друга.

— Да, не было, но я недавно вернулся и узнал, что собака, которая прежде была Ахмед-пашой, сидит в западне в этой комнате. Ради такого случая я облачился в подобающее мне платье. — Повернувшись к Повелителю мертвых спиной, Али ибн-Сулейман подошел к идолу.

— Эй, неверный! — крикнул он, — выходи и прими удар моей стали! Вместо ожидающей тебя собачьей смерти, которую ты заслужил, я предлагаю тебе благородный поединок — твой то-

пор против моего меча. Выходи, или я выведу тебя отсюда за бороду!

— У меня нет бороды,— насмешливо отозвался детектив. Подходи и попробуй достать меня!

— Даже тогда, когда ты был Ахмед-пашой, ты был мужчиной,— нахмурился Али ибн-Судейман.— Выходи сюда, где мы можем как следует воспользоваться оружием. Если ты убьешь меня, то уйдешь отсюда живым. Клянусь Золотым Тельцом!

— Могу ли я довериться ему? — пробормотал Харрисон.

— Друзы держат свое слово,— прошептала Джоэн,— но есть еще Эрлик-хан...

— Кто ты такой, чтобы раздавать обещания? — крикнул Харрисон.— Здесь распоряжается Эрлик-хан.

— Только не в вопросах моей личной мести! — последовал высокомерный ответ.— Клянусь честью, ни одна рука, кроме моей, не коснется тебя, а если погибну я, то тебя отпустят на свободу. Так я говорю, Эрлик-хан?

— Пусть будет, как ты желаешь,— ответил монгол, разводя руками в знак отказа влиять на развитие событий.

Джоэн судорожно стиснула руку Харрисона и горячо зашептала:

— Не верьте ему! Он не сдержит своего слова! Он предаст и вас, и Али, обоих! Он никогда не стремился к тому, чтобы друз вас убил,— и теперь он хочет наказать Али, сделав так, чтобы вас убил кто-то другой! Не надо, не надо...

— В любом случае нам крышка,— тихо сказал Харрисон, стирая пот и кровь, заливавшие ему глаза.— Пожалуй, стоит попытаться. Если я откажусь, они скоро опять полезут на нас, а из меня кровь хлещет так, что скоро я ослабею и не смогу драться. Воспользуйся случаем, девочка, и попытайся удрать, пока все наблюдают за мной и Али.— И он громко крикнул: — Со мной здесь женщина, Али. Отпусти ее, прежде чем мы начнем сражаться.

— Чтобы она привела тебе на выручку полицейских? — спросил Али.— Нет. Она умрет с тобой или останется жить, если ты победишь. Ты идешь?

— Иду,— ответил, скрежеща зубами, Харрисон. Перехватив поудобнее топор, он выскользнул из ниши, мрачный, мертвенно-бледный, с залитым кровью лицом и одеждой, мокрой от бурых кровавых пятен.

Али ибн-Сулейман пружинистой, упругой походкой начал приближаться к противнику. В его руке голубым огнем сверкало широкое лезвие кривой сабли. Борясь с внезапно навалившейся на него слабостью, Харрисон занес топор — но в этот момент раздался негромкий хлопок и что-то ударило его по голове, разом отняв у него способность двигаться. Он не заметил, как упал, но почувствовал, что лежит на полу. Сознание продолжало работать, но язык и тело отказывались повиноваться ему.

Словно через пелену до него долетел отчаянный вопль, и стрелой подлетевшая к нему фигурка в белом — Джоэн Ла Тур — упала на

колени подле него и принялась судорожно ощущать его тело.

— Собаки, собаки! — рыдала она. — Вы его убили! — Голос ее сорвался на крик: — Где же твое слово, Али ибн-Сулейман?

Со своего места на полу Харрисон видел над собой Али. Его кривая сабля все еще была занесена для удара, глаза метали искры, рот был широко раскрыт. Вся его фигура выражала одновременно удивление и ужас. А позади друга стояла безмолвная толпа, сбившаяся в кучу вокруг Эрлик-хана. В руках Фэнг Йима еще дымился уродливый пистолет с насаженным на ствол глушителем. На улице никто не услышал бы одиночного приглушенного выстрела. Из груди Али ибн-Сулеймана вырвался неистовый крик ярости.

— Мое слово! Моя честь! Клятва именем Золотого Тельца! Из-за тебя я ее нарушил! Ты опозорил меня перед неверным! Украл у меня и отмщение, и честь! Разве я пес, чтобы так обращаться со мной? Айя-Маруф!

Его вопли сменились кошачьим визгом, и он вихрем налетел на Фэнг Йима, сверкнула голубая сталь, и предсмертный вопль китайца захлебнулся в ужасном бульканье. Голова убитого скатилась с плеч и, фонтанируя струйками крови, глухо шмякнулась об пол и застыла в отвратительной ухмылке, казавшейся особенно злобещей в заливавшем помещение золотистом свете. С победным боевым кличем Али ибн-Сулейман рванулся к фигуре в длинном одеянии, сидевшей на диване. Люди в фесках и тю-

банах бросились врассыпную, освобождая дружину дорогу. Вновь полыхала голубая сталь, лилась кровь, раздавались отчаянные вопли.

Харрисон видел, как сабля друга, ярко блеснув отсветами золотых огней, обрушилась на прикрытую капюшоном голову Эрлик-хана. Повелитель мертвых скатился на пол. Пальцы его конвульсивно сжимались и разжимались.

Остальные обступили обезумевшего друга, нанося ему колющие и рубящие удары. Кольцо вокруг него становилось все более плотным, но, несмотря ни на что, в гуще этой тяжело пытящей, ревущей, матерящейся толпы продолжали метаться всполохи голубого огня, а окровавленная голубая сабля упорно продолжала рубить плоть, сухожилия, кости, и под топочущие ноги валялись все новые изувеченные тела. Под напором сражающихся алтарь был опрокинут, и тлеющие благовония попали на ковры. Через мгновение пламя уже лизало настенные драпировки. Набирая силу и гудя, огонь охватил целую стену комнаты, но в пылу битвы никто не обращал на это внимания.

Харрисон почувствовал, как чьи-то тонкие руки тащат его по полу. Всхлипывая, судорожно переводя дыхание, но ни на минуту не ослабляя усилий, Джоэн упорно волокла неподвижное тело могучего полицейского в клубах удушающего, разъедающего глаза дыма. Вдруг детектив ощутил дуновение свежего ветра и почувствовал под собой не устланный коврами деревянный пол, а асфальт.

Он лежал в переулке, сверху на него лениво моросил дождь, а впереди поднималась стена, ставшая багровой в свете разбушевавшегося пожара. Сбоку от него тянулись развалины старых причалов, а на речной глади разгоралось алое зарево. До него донесся вой пожарных сирен, и он понял, что вокруг собирается возбужденная, шумящая толпа.

Жизнь, способность к движению медленно возвращались к его оцепеневшим членам. Он приподнял голову и увидел склоненную над ним Джоэн Ла Тур, не обращающую внимания ни на капли дождя, ни на то, что тело ее было едва прикрыто полупрозрачной одеждой. По лицу девушки струились слезы. Увидев, что он пошевелился, она вскрикнула.

— Живой! Я чувствовала, что вы все-таки живы, но боялась, что они догадаются...

— Это контузия, — глухо отозвался он, — меня просто долбануло по голове. Пуля прошла по касательной. Вырубило меня на несколько минут — я прежде видел, как такое бывает... А вы меня вытащили...

— Пока они дрались между собой. Думала, что никогда не смогу отыскать выход... А вот и пожарные!

— Ят-Соиты! — с трудом проговорил он, с усилием подняться. — В подвале восемнадцать китайцев. Господи, они же сгорят!

— Ничего не поделаешь! — печально откликнулась Джоэн Ла Тур. — Хорошо, что хоть мы сами спаслись. Ой! — Толпа отпрянула, поскольку крыша начала оседать внутрь строения, взды-

мая при этом снопы искр. И тут из охваченных пламенем стен показалась ужасающая пошатывающаяся фигура. Это был Али ибн-Сулейман. Одежда свисала с него дымящимися, окровавленными лентами, не скрывая чудовищных ран. Он был буквально изрублен в куски. Его головная повязка куда-то исчезла, волосы вились тугими, влажными кольцами, а кожа, в тех местах, где ее не заливала кровь, была опалена или покрыта копотью. Он потерял свою кривую саблю, но рука его все еще сжимала кинжал, и стекавшая по нему кровь капала на землю.

— Эй! — преодолевая себя, хрипло крикнул он. — Ахмед-паша, я вижу тебя через огонь и дым! Несмотря на предательство монгола, ты жив! Это хорошо! Ты умрешь лишь от руки Али ибн-Сулеймана, который прежде был Амир Амином Иззедином! Я пролил свою кровь во имя чести, но она ничем не запятнана! Я — сын Маруфа, живущего на священной горе. Когда мой меч ржавеет, я заставляю его сверкать вновь, погружая его в кровь моих врагов!

Еле держась на ногах, он двинулся вперед, но у самых ног Харрисона рухнул лицом вниз, напоровшись при этом на собственный кинжал: Последним усилием перевернувшись на спину, он затих, устремив невидящий взор к небесам, обогранным заревом пожара.

ЧЕРНАЯ КНИГА

T

ри нераскрытых убийства за неделю — обычное дело на Ривер-стрит, — мрачно произнес Стив Харрисон, беспокойно переместившись в кресле.

Собеседница детектива молча зажгла сигарету. Харрисон заметил, что тонкие пальцы девушки дрожат. Джоэн была экзотически красива — брюнетка с гибкой фигурой,

черными ресницами и яркими губами, напоминающими темные ночи и багровые восходы востока. Но сейчас в прекрасных карих глазах затаился страх. Только раз Харрисон видел Джоэн такой, и воспоминание об этом неприятно кольнуло его.

— Раскрывать убийства — твоя работа, — сказала Джоэн.

— Дай мне немного времени. В делах, касающихся Восточного квартала, нельзя торопиться.

— У тебя меньше времени, чем ты думаешь, — нервно ответила девушка. — Если не будешь слушать, что я тебе говорю, ты никогда не распутаешь эти убийства.

— Я тебя слушаю.

— Но не веришь. Ты решил, что я истеричка, общаюсь с призраками и бегаю от собственной тени.

— Послушай, Джоэн, — нетерпеливо воскликнул Харрисон. — Объясни, наконец, что происходит. Ты позвала меня к себе домой, потому что, по твоим словам, тебе грозит смертельная опасность. Я примчался, а ты говоришь загадками, рассказываешь о каких-то убитых на прошлой недели трех мужчинах... Я не вижу никакой связи между тобой и ними.

— Ты помнишь Эрлик-хана? — резко произнесла Джоэн.

— Мне кажется, я никогда его не забуду, — ответил Харрисон, непроизвольно прикоснувшись пальцами к тонкому шраму на лице, идущему от виска до низа подбородка. — Монгол,

объявивший себя Повелителем мертвых. У него была идея фикс — объединить все восточные преступные сообщества Америки в одну огромную организацию, во главе которой встанет он сам. Возможно, он сделал бы это, если б его собственные люди не обратились против него.

— Эрлик-хан вернулся, — сказала Джоэн.

— Что?! — Харрисон изумленно посмотрел на нее. — Что ты такое говоришь? Я сам видел его мертвым, и ты — тоже!

— Я видела, как капюшон Эрлик-хана распался на две части, когда Али ибн Сулейман ударил монгола мечом. Я видела, как Эрлик-хан повалился на пол и лежал неподвижно. Потом дом загорелся, крыша рухнула, и посреди пепла позже мы нашли лишь обгорелые кости. Тем не менее, Эрлик-хан вернулся.

Харрисон молчал, понимая, что Джоэн медленно подводит свою историю к разгадке: кровь Джоэн Ла Тур наполовину была восточной, а люди востока часто подходят к главному окольным путям.

— Как умерли эти трое? — спросила она, зная об этом не хуже его самого.

— Ли-крин, китайский купец, упал с крыши собственного дома, — неохотно ответил Харрисон. — На улице слышали, как он кричал, а потом видели, как он со свистом рухнул на землю. Возможно, несчастный случай... Но пожилые китайские торговцы не лазают по крышам среди ночи. Ибрагима ибн Ахмета, сирийского антиквара, укусила кобра. Это тоже мог быть

несчастный случай, но я уверен, что змею кто-то подбросил в дом сирийца через световой люк. Джекоба Коссову, левантийского торговца, зарезали в темном переулке. Грязные преступления, и ни в одном из них нет очевидных мотивов. Но на самом деле мотивы просто глубоко спрятаны — в трущобах Ривер-стрит. Когда я найду виновных в преступлениях, я открою и мотивы.

— И это все, что ты можешь сказать об этих убийствах? — воскликнула Джоэн нетерпеливо. — Неужели ты не видишь соединяющего их в одно целое звена? Все эти люди в прошлом так или иначе были связаны с Эрлик — ханом!

— Ну и что? — возразил Харрисон. — По-твоему, их убил призрак Эрлик-хана? Мы нашли кучу костей в пепле сгоревшего дома. В городе осталось много людей из банды Эрлик-хана, и, хотя гигантская организация распалась на части за неимением руководителя, оставшиеся в живых члены банды могли расплатиться со своими старыми должниками.

— Тогда почему они так долго ждали, чтобы отомстить? Прошел год с тех пор, как мы в последний раз видели Эрлик-хана. Говорю тебе, Повелитель мертвых сам, живой или мертвый, вернулся и наказал этих людей по каким-то причинам. Возможно, на этот раз они отказались выполнять его приказы. Пятеро приговорены к смерти. Трое уже мертвы.

— О каких пятерых ты говоришь? — удивился Харрисон.

— Смотри! — Джоэн вытащила из-под диванных подушек какой-то предмет и протянула его Харрисону.

Это был похожий на пергамент квадратный кусок черной глянцевитой бумаги. На листке четким уверенным почерком были написаны кровью пять имен, одно под другим. Под тремя верхними именами была подведена красная черта. Харрисон прочел вслух: «Ли-крин, Ибрагим ибн Ахмет, Джекоб Коссова». Два последних имени, еще не отмеченных, Хариссон не стал произносить: это были Джоэн Ла Тур и Стив Харрисон.

— Откуда у тебя это? — спросил детектив.

— Кто-то просунул под дверь сегодня ночью. Если бы двери и окна не были заперты, то утром полиция нашла бы эту бумажку приколотой к моему трупу.

— Но все равно не понимаю, что за связь между...

— Это страница из Черной Книги Эрлик-хана! — воскликнула Джоэн. — Книга мертвых! Я видела ее много лет назад, когда была под его властью. Он записывал в ней имена своих врагов — еще живых и уже убитых. Я открывала книгу накануне той ночи, когда Али ибн Сулейман убил Эрлик-хана — огромная книга в обложке из эбенового дерева, с черными блестящими страницами, скрепленными петлями из жадеита. Тогда этих имен в ней еще не было — новые пять имен вписаны после смерти Эрлик-хана... и это почерк его самого!

Как ни был удивлен Харрисон, внешне он этого не показал:

— Разве Эрлик-хан вел свои книги на английском?

— Нет, он писал по-монгольски. Эта страница написана на английском специально для нас. Я знаю — мы обречены. Эрлик-хан никогда не предупреждал свои жертвы, если не был абсолютно уверен, что им не избежать гибели.

— Может быть, это подделка,— предположил детектив.

— Нет! Почерк Эрлик-хана подделать невозможно. Он сам написал эти имена. Он вернулся из мира мертвых! Ад не стерпел столь черной души, как у этого дьявола! — Обычное самообладание покинуло Джоэн, страх и тревога завладели ею целиком. Она нервно загасила наполовину выкуренную сигарету и сорвала целлофановую обертку с новой пачки, лежащей на столе. Достав тонкую белую сигарету, Джоэн бросила пачку на стол. Харрисон рассеянно подобрал ее и тоже взял сигарету.

— Наши имена в Черной Книге! Это смертный приговор, который обжалованию не подлежит! — она чиркнула спичкой, чтобы закурить, но Харрисон, громко выругавшись, выбил сигарету у нее из рук. Джоэн упала на диван, непонимающе уставившись на Харрисона, а тот схватил пачку и вытряхнул ее содержимое на стол.

— Где ты взяла это?

— А что? Я купила их на углу в аптеке,— пробормотала Джоэн,— я всегда покупаю там сигареты...

— Только не эти,— проговорил Харрисон.— Эти сигареты изготовлены специальным образом. Не знаю, как это делается, только я видел человека, свалившегося замертво от одной затяжки. Какая-то особая дьявольская смесь добавляется в табак и... Ты выходила из дома, чтобы позвонить мне...

— Я боялась, что телефон прослушивается,— сказала Джоэн.— Я спускалась на улицу, чтобы позвонить из будки.

— Думаю, пока ты звонила, кто-то побывал у тебя и подменил пачку. Я уловил странный запах, когда взял сигарету в рот. Я безошибочно узнал его. Понюхай сама, не бойся, яд опасен, только когда его зажигаешь.

Джоэн вдохнула запах сигареты и побледнела.

— Я говорила тебе! Ведь мы — непосредственная причина падения Эрлик-хана! Если бы ты не почувствовал запах яда, мы оба были бы сейчас мертвы, как Эрлик-хан и задумал!

— Да-а,— протянул Харрисон,— за тобой явно следят. Но я все равно не могу согласиться с тем, что это Эрлик-хан, потому что никто не выжил бы после такого удара по голове, который нанес Али ибн Сулейман монголу, а в привидения я не верю. Но ты должна быть под защитой от того, кто так ловко управляетсся с отравленными сигаретами, пока я ненадолго отлучусь.

— А как же ты? Ведь твое имя тоже занесено в книгу.

— За меня не волнуйся,— заявил Харрисон.— Я сумею за себя постоять.— Он в самом деле

выглядел неуязвимым: холодные голубые глаза, широкие, как у быка, плечи, мощная мускулатура, заметная даже под плащом.

— Это крыло здания практически изолировано от остальной части дома,— сказал детектив,— и третий этаж принадлежит только тебе?

— В этом крыле весь третий этаж мой,— ответила Джоэн.— Но сейчас во всем здании на третьем этаже, кроме меня, никто не живет.

— Великолепно! — с горькой усмешкой воскликнул Харрисон.— Можно спокойно прокрасться в дом и перерезать тебе горло, никого не побеспокоив. Это они и попытаются сделать, когда поймут, что сигареты не сработали. Тебе лучше переехать в отель.

— Это не поможет,— дрожа, произнесла Джоэн. Харрисон видел, что нервы у нее на пределе.— Эрлик-хан везде до меня доберется. В отеле, куда постоянно приходят и уходят люди, где на дверях плохие замки, ненадежные окна, бывают утечки газа и все такое, для него это будет гораздо удобнее.

— Ладно, тогда я приведу сюда отряд полицейских.

— Это тоже бесполезно. Эрлик-хан убил многих, и никакие полицейские не могли ему помешать. Полиции не понять, как он действует.

— Ты права,— прошептал Харрисон, с неприятным ощущением бессилия понимая, что присылка сюда людей из управления равнозначна подписанию смертного приговора. Конечно, абсурдом будет считать, что за всеми этими

убийствами стоит проклятый мертвый монгол, однако... после того, что рассказала Джоэн, он не решился бы сообщить об этом в полицейском рапорте, чтобы не показаться сумасшедшим или лгуном. Мертвые не возвращаются — но то, что кажется абсурдным на Тридцать девятом бульваре, приобретает совсем другое звучание в зловещих лабиринтах Восточного квартала.

— Не оставляй меня! — глаза Джоэн расширились; лихорадочно дрожа, она схватила Харрисона за руку. — Мы можем держать оборону в доме! Пока один спит, другой будет следить! Не вызывай полицейских! Их тупость нас погубит. Ты много лет проработал в полиции и стоишь больше, чем все управление вместе взятое. Мой инстинкт, доставшийся по наследству от восточных предков, говорит мне, что мы в смертельной опасности. Смерть рядом с нами, вокруг нас, подкрадывается все ближе, словно змея в темноте!

— Но я должен уйти, — нахмурился Харрисон. — Мы не можем забаррикадироваться и ждать, пока они заморят нас голодом. Я должен нанести ответный удар, выяснив, кто стоит за всем этим. Лучшая защита — нападение. Но и оставить тебя здесь без защиты я не могу. Черт! — Он сжал кулаки и повертел головой, словно разъяренный бык, не знающий, на кого броситься.

— Есть еще один человек в городе, которому я, кроме тебя, могу доверять, — внезапно проговорила Джоэн. — С ним я буду чувство-

вать себя надежнее, чем под охраной всей полиции города.

— Кто это?

— Хода-хан.

— Тот самый? Я думал он скрылся из города пару месяцев назад.

— Нет, он прятался на Левантийской улице.

— Но ведь он сам отъявленный головорез.

— Нет, по понятиям людей из его мира он не головорез, а такой же достойный уважения человек, как ты или я. Просто он афганец, воспитанный на законах кровной мести. Он мой друг, и он умрет за меня.

— Я полагаю, это означает, что ты помогала ему скрываться от закона,— сказал Харрисон, пристально взглянув на Джоэн. Та и не пыталась отвести глаза. Харрисон понимающе хмыкнул: что ж, Ривер-стрит — не Южный парк-авеню. Методы работы самого Харрисона не всегда соответствовали букве закона — зато почти всегда приносили результаты.

— Ты можешь связаться с ним? — коротко спросил он. Девушка кивнула.

— Отлично. Позвони ему и скажи, чтобы приезжал как можно скорее. Скажи, что полиция его не тронет и когда опасность будет позади, он беспрепятственно сможет вернуться в свое укрытие. Но после этого я вновь начну на него охоту. Звони по своему телефону. Он наверняка, послушивается, но надо попытаться. Я спущусь вниз и позвоню с почты. Запри дверь и не открывай никому до моего возвращения.

* * *

Дверь закрылась. Харрисон спускался по лестнице, напряженно всматриваясь в окружающий полумрак. Лифта в доме не было. Квартира Джоэн действительно находилась в изолированном от остального здания крыле. Напротив ее двери была глухая стена, и подняться к другим квартирам на этом этаже можно было только через вход с другой стороны здания.

Внезапно Харрисон тихо выругался: на первой же ступеньке под каблуком что-то захрустело. Это оказался маленький пузырек с какой-то жидкостью. Подозревая ядовитую ловушку, Харрисон осторожно осмотрел осколки и бесцветную лужицу, издающую острый мускусный аромат, но ничего опасного для жизни не обнаружил.

— Наверное, Джоэн обронила какое-то восточное благовоние,— решил он. Спустившись дальше без всяких помех, он быстро оказался в телефонной будке на почте, расположенной на первом этаже здания. Сонный клерк клевал носом за перегородкой.

Харрисон набрал номер начальника полиции:

— Хулихэн, ты помнишь того афганца, Ходахана, который месяца три назад зарезал китайца? Да, тот самый. Слушай, я тут пригласил его для одного важного дела, так что скажи своим людям, чтобы не трогали его, если увидят. Быстро передай это всем как приказ. Да, я знаю, что незаконно, но дело того стоит. В данном случае нужно выбирать между тем, чтобы вос-

пользоваться услугами скрывающегося от правосудия преступника или допустить, чтобы убивали законопослушных граждан. Сейчас я не могу сказать тебе, что происходит. Это дело касается только меня, и я завершу его своими методами. Хорошо, спасибо тебе.

Харрисон повесил трубку, несколько минут напряженно подумал о чем-то, затем набрал другой номер, совершенно не связанный с полицейским участком. На другом конце провода раздался скрипучий писклявый голос, приправленный жаргоном городских трущоб.

— Слушай, Джонни,— с обычной резкостью произнес Харрисон,— ты говорил, что у тебя есть догадки по поводу убийства Коссовы. Что-то серьезное?

— Да, босс! — голос в трубке захлебывался от волнения.— Я унюхал след, я не шучу! Не могу рассказать вам по телефону, какой он, и на улицу я не могу выйти. Но если вы подъедете ко мне в подвальчик Шан Янга, то услышите то, что отправит вас в полный нокаут!

— Буду у Шан Янга через час,— пообещал детектив. Выйдя из будки, он бегло осмотрел улицу: стоял обычный для Ривер-стрит туманный вечер. Звуки уличного движения доносились откуда-то издалека, из деловой части города сквозь туман тускло проглядывали фонари, изредка из сумрака возникали одинокие фигуры прохожих. «Сцена для убийства идеальная,— подумал Харрисон,— не хватает только актеров кровавой драмы».

Он вновь поднялся по лестнице. Лестница вела из почтовой конторы прямо на третий этаж этого крыла здания, минуя второй. Архитектура большинства зданий в Восточном квартале отличалась своеобразием. Люди здесь были одержимы идеей уединенности, и даже квартирные дома строились по этому принципу. Харрисон бесшумно ступал по толстому ковру, застилавшему ступени. Только на верхней ступеньке под ногой вновь хрустнули осколки стекла.

Харрисон постучал в дверь, ответил на напряженный вопрос Джоэн и вошел в квартиру. Джоэн выглядела все-таки немного успокоившейся.

— Я говорила с Хода-ханом. Он на пути сюда. Я предупредила его о том, что телефон может прослушиваться и что наши враги могут помешать ему досюда добраться.

— Отлично,— произнес детектив.— Пока ждем его, я осматрю квартиру.

Квартира состояла из четырех комнат: гостиной, большой спальни и двух маленьких комнат — ванной и спальни для прислуги. Служанку Джоэн отпустила домой, когда поняла, что им грозит опасность. Параллельно всем комнатам шел коридор, и двери гостиной, большой спальни и ванной открывались в коридор. Таким образом, в коридоре было три двери. В гостиной было большое окно видом на восток, из которого просматривалась улица, и одно окно, ориентированное на юг. В спальне хозяйки окна выходили на юг, а в спальне

прислуги — на юг и на запад. В ванной единственное окошко смотрело на запад и на маленький двор, окруженный лабиринтом темных улочек и заборов.

— Три внешние двери и шесть окон, за которыми придется следить, и все это на верхнем этаже,— пробормотал детектив.— Все-таки, я думаю, придется прислать сюда несколько копов,— добавил он,— однако прозвучало это не слишком уверенно. Он исследовал ванную, когда Джоэн окликнула его из гостиной: ей показалось, что кто-то скребется в наружную дверь. С пистолетом в руке Харрисон вышел в коридор. В коридоре не было ничего подозрительного. Детектив постарался успокоить девушку. Джоэн Ла Тур понимала, что в Восточном квартале необходимо заботиться о своей безопасности, и еще много лет назад приняла меры предосторожности против тайных врагов — если можно считать мерами предосторожности специальные замки и засовы на дверях. Окна были укреплены тяжелыми обитыми железом ставнями, в целях безопасности в квартире не было ни опускаемых дверей, ни световых люков, ни кухонного лифта.

— Ты выглядишь готовой к осаде,— заметил Харрисон.

— Так и есть. У меня припасено консервов на несколько недель. Я уверена, что вместе с Хода-ханом мы сможем держать оборону. Возвращайся сюда, если сможешь. Здесь безопаснее, чем в полицейском участке,— если, конечно, они не подожгут дом.

Тихое поскребывание в дверь заставило обоих обернуться.

— Кто здесь? — настороженно спросила Джоэн.

— Я, Хода-хан, открой, *сагиба*, — прозвучал низкий глубокий голос. Джоэн облегченно вздохнула и отперла дверь: высокая фигура на пороге величаво поклонилась и вошла внутрь.

Хода-хан был выше Харрисона и, хотя уступал американцу в массивности телосложения, был так же широк в плечах. Одежда подчеркивала жесткие линии его тела и тигриную гибкость движений. Его наряд представлял собой странное сочетание, которым, однако, никого нельзя было удивить на Ривер-стрит: тюрбан, возвышающийся над орлиным носом и черной бородой, шелковый халат до колен, обычные брюки и шелковый пояс на тонкой талии, а на ногах — турецкие туфли.

Однако никакой самый мирный костюм не мог скрыть необузданность и дикость натуры афганца. Глаза его горели непривычным для цивилизованного человека огнем, мускулы выделялись под шелком халата, словно сжатые пружины. Харрисон чувствовал себя рядом с ним так, как будто в комнату прокралась пантера, тихая и спокойная с виду, но в любую секунду готовая к кровавой беспощадной битве.

— Мне казалось, ты покинул страну, — произнес Харрисон.

Афганец улыбнулся, белоснежные зубы блеснули сквозь черную бороду.

— Нет, *сагиб*. Сын собаки, которого я ударил ножом, еще жив.

— Тебе повезло,— заметил Харрисон.— Если бы ты убил его, то оказался бы на виселице.

— *Иншаллах*,— добродушно согласился Ходахан.— Но это было дело чести — *иззат*. Этот пес накормил меня свиным мясом. Но сейчас это не важно. *Мемсагиба* позвала меня, и я пришел.

— Хорошо. До тех пор, пока ей нужна твоя защита, полиция не тронет тебя. Но когда все закончится, дела пойдут обычным порядком. Я дам тебе время снова спрятаться, если захочешь, и буду ловить тебя, как всегда. Если же ты захочешь сдать себя и предстать перед судом, я обещаю тебе максимальную снисходительность приговора.

— Ты говоришь честно,— произнес Ходахан.— Я буду защищать *мемсагибу*, и, когда наши враги умрут, ты и я возобновим вражду.

— Ты что-нибудь знаешь об этих убийствах?

— Нет, *сагиб*. *Мемсагиба* позвала меня и сказала, что ей угрожают монгольские собаки. Я быстро пришел сюда по крышам, чтобы не попасть в засаду. Никто мне не помешал. Но вот что я нашел под дверью.

Ходахан открыл ладонь и показал кусочек шелка, вероятно, оторванный от пояса, на котором лежало нечто странное, раздавленное. Харрисон не понял, что это, а Джоэн вскрикнула с отвращением.

— Боже! Черный скорпион Ассама!

— Да. Его жало смертельно. Он бегал вверх и вниз по двери, стремясь попасть внутрь. Другой бы не заметил его, но я был настороже, так как сразу почувствовал на лестнице запах Цветка смерти. Я увидел эту тварь и раздавил его прежде, чем он успел ужалить меня.

— О каком Цветке смерти ты говоришь? — спросил Харрисон.

— О том, что растет в джунглях, где обитают эти паразиты. Цветок смерти привлекает скорпионов так же, как запах вина влечет пьяницу. К дверям тянулись следы, издающие аромат Цветка смерти. Если бы дверь открылась до того, как я убил скорпиона, он бросился бы на первого попавшегося на пути человека и укусил бы его.

Харрисон тихо выругался: он понял, что за бутылочка валялась у дверей Джозн.

— Все ясно! Они подложили на ступеньку пузырек с соком цветка так, чтобы выходящий обязательно наступил на него. Я действительно раздавил пузырек и запачкал соком ботинки. Затем я спустился в почтовую контору, повсюду оставляя за собой следы с запахом. Я снова поднялся наверх, опять наступил на осколки и прошел в квартиру. Какой-то негодяй внизу выпустил скорпиона — это значит, что пока меня не было, кто-то заходил в дом! И возможно, сейчас прячется где-то поблизости! Кто-то побывал на почте и пустил там скорпиона по следу... Я спрошу клерка...

— Он спит как убитый, — сказал Хода-хан. — Он не проснулся, когда я вошел и стал подни-

маться наверх. Что из того, что дом полон монголами? Двери крепкие, а я настороже! — Из-под халата он вытащил огромный кинжал — ярдом длиной, острый как бритва. — Я убивал им людей, — заявил он, кровожадно оскалившись. — Китайцев, индусов, одного русского и других. Эти монголы — собаки, не достойные хорошего клинка.

— Что ж, мне пора, — сказал Харрисон. — У меня назначена встреча, на которую я опаздываю. Я боюсь оставлять вас одних здесь, но мы не окажемся в безопасности до тех пор, пока я не уничтожу ядро банды — именно это я и собираюсь сделать.

— Они убьют тебя сразу, как только ты выйдешь на улицу, — убежденно проговорила Джоэн.

— Что ж, придется рискнуть. Если на квартиру нападут, позвоните, все-таки, в полицию, а также мне в подвальчик Шан Янга. Я вернусь сюда еще до рассвета. Я надеюсь получить информацию, которая даст возможность ударить прямо по тем, кто преследует нас.

Харрисон спускался по лестнице, испытывая неприятное чувство, что за ним наблюдают, и, тщательно осматривая ступени, словно они кишели черными скорпионами, прошел как можно дальше от разбитого стекла. Его мучило ощущение, что он не исполнил свой долг полицейского, хотя знал, что друзья сами не захотели обращаться к полиции за помощью.

Клерк по-прежнему дремал за перегородкой. Харрисон потряс его за плечо, но тщет-

но: клерк не спал, а был накачан наркотиками. Однако, сердце его билось ровно — он был вне опасности. Времени оставалось слишком мало: если Джонни Клик прождет еще немного, то может запаниковать, удрать и забиться в какую-нибудь крысиную нору на несколько недель.

Поднимающийся от реки туман и бледный свет фонарей на улице производили зловещее впечатление, и детективу казалось, что в спину его в любую секунду может вонзиться нож или что его ожидает свернувшаяся змея на сиденье автомобиля. Но предчувствия не оправдались, несмотря на то, что в поисках бомбы Харрисон поднял сиденье и капот автомобиля. Успокоившись наконец, он сел за руль и уехал, а Джоэн, смотревшая на него сквозь щель в ставнях, облегченно вздохнула.

* * *

Хода-хан, что-то одобрительно бормоча в бороду, прошелся по всем комнатам, погасил везде свет и вернулся в гостиную, где оставил гореть лишь маленькую настольную лампу, отбрасывающую круг света в центре комнаты.

— Темнота мешает бандитам так же, как честным людям, — глубокомысленно произнес он, — а я вижу в темноте как кошка.

Он сидел скрестив по-турецки ноги возле двери в спальню, оставленной наполовину открытой. Его фигура сливалась с темнотой, Джоэн с трудом могла различить лишь тюрбан и горящие глаза, когда он поворачивал голову.

— Мы останемся в этой комнате, *сагиба*,— сказал он.— Потерпев неудачу с ядом и скорпионом, они, конечно, пришлют других людей. Приляг на диван и поспи, если можешь. Я буду настороже.

Джоэн повиновалась, но сон не шел. Ей казалось, что ее нервы взорвутся от напряжения. Тишина дома давила на нее, малейший шум на улице заставлял вздрагивать.

Хода-хан сидел на полу, похожий на статую, полный терпения и неподвижный как горы, среди которых он родился. Он вырос в грубом, далеком от цивилизации мире, где выживание зависит только от тебя самого, поэтому все пять чувств афганца были необыкновенно тонко развиты. Даже специально тренированные способности Харрисона меркли в сравнении с чувствительностью Хода-хана. Афганец все еще ощущал слабый аромат Цветка смерти, смешанный с едким запахом раздавленного скорпиона, слышал и различал каждый звук внутри и снаружи дома, знал, какой из них естественный, а какой нет.

Хода-хан услышал шорох на крыше задолго до того, как предостерегающе приложил палец к губам, что заставило Джоэн выпрямиться на диване. Глаза афганца блеснули, как две фосфорические точки в темноте, зубы белели в диком оскале. Джоэн вопросительно посмотрела на него. Ее уши цивилизованной женщины ничего не воспринимали, но утонченный слух Хода-хана внимательно следил за крадущимися по крыше шагами. Наконец и Джоэн уловила

какой-то шорох, но не могла точно, как Ходахан, определить, откуда исходит звук. Ходахан слышал, что кто-то пытается открыть ставни в окне ванной комнаты.

Ободряюще похлопав Джоэн по плечу, Ходахан взметнулся с места, как леопард, и исчез в темноте коридора. Джоэн проверила свой маленький пистолет, слабо надеясь, что он ей поможет, и нащупала на столе бутылку вина, ощущая потребность подкрепить силы. Она дрожала всем телом, обливаясь холодным потом. Помня об отравленных сигаретах, она заколебалась, но то, что бутылка запечатана, почему-то успокоило Джоэн. Как только она откупорила бутылку и пригубила вино, знакомый особенный запах навел ее на мысль, что человек, поменявший сигареты, с таким же успехом мог подменить и нераспечатанную бутылку. Джоэн рухнула на диван, хватаясь за горло в приступе жестокого удушья.

Ходахан не терял зря времени. Подкравшись к ванной, он понял, что там взламывают ломом окно — бесшумная работа, которую белый человек сделал бы не тише взрыва на металлической фабрике. Затем кто-то тяжело прыгнул из окна внутрь ванной комнаты. Ходахан влетел в ванную, как тайфун, выхватив кинжал.

Желтолицый враг не успел сделать и шага, как афганец вспорол ему живот.

Из окна ванной свисала веревка. Афганец рванул ее, и еще один монгол свалился в ванную вместе с веревкой в руках. Значит, если у

них нет запасной веревки, больше с крыши через это окно пока никто не залезет. Нож афганца вновь достиг цели: монгол скорчился на полу, и Хода-хан выхватил у него из-за пояса пистолет.

Со свирепым криком афганец распахнул дверь в коридор и пригнулся. В косяк вонзился топорик, отколол огромную щепку от дверей. Человек с топориком стоял у дверей спальни, и еще один в шелковой одежде мандарина ковырялся в замке гостиной. Афганец выстрелил в живот монгола с топориком. Мандарин пальнул из своего пистолета в афганца, но пуля просвистела мимо. Хода-хан не промахнулся и во второй раз, и пистолет выскочил из руки мандарина, превратившейся внезапно в кровоточащий обрубок. Монгол выхватил левой рукой из-за пояса длинный нож и двинулся на афганца.

Хода-хан попал ему в голову, монгол рухнул у самых его ног, а огромный нож вонзился в пол в дюйме от туфли афганца. Хода-хану понадобилась еще секунда, чтобы прикончить кинжалом раненного в живот монгола, — действиями афганца руководила беспощадная этика гор — и он вернулся в ванную и, не целясь, выстрелил в окно, хотя никто больше не пытался проникнуть внутрь. Пробежав через спальню, он зажег везде свет.

— Я убил собак, *сагиба!* — крикнул он. — Клянусь Аллахом, они попробовали свинца и стали! Остальные на крыше, им сюда пока не добратся. Но скоро на выстрелы сбегутся люди, как всегда поступают *сагибы*, и нам нужно поду-

мать, что делать дальше и какую ложь сказать полиции. Помоги нам Аллах!

Джоэн Ла Тур стояла неподвижно, вцепившись в спинку дивана. Лицо ее побелело, как мрамор, и застыло с выражением ужаса, словно вырезанная из камня маска, расширенные глаза горели странным огнем.

— Аллах защитил нас от поганого шайтана! — воскликнул Хода-хан. — Что с тобой, *сагиба*?

Он бросился к ней, но дикий крик Джоэн заставил его остановиться и похолодеть.

— Не приближайся! — кричала она изменившимся голосом. — Ты дьявол! Вы все дьяволы! Я вижу тебя! Я слышу, как стучат твои копыта! Я вижу, как горят из темноты твои глаза! Убери от меня свои когтистые руки! — на губах ее показалась пена, она осыпала его проклятиями на английском и арабском языках так, что у Хода-хана волосы зашевелились на голове.

— *Сагиба!* — умолял он. — Я не дьявол! Я — Хода-хан! Я... — он протянул к ней руки, но девушка с диким визгом бросилась к дверям, срывая засовы. Хода-хан подлетел к ней, чтобы остановить, однако обезумевшая Джоэн действовала быстрее, чем он: выскочив из квартиры, она помчалась вниз по лестнице, не слыша его отчаянных криков.

* * *

Харрисон поехал прямо в подвальчик Шан Янга, находящийся в самом сердце Ривер-стрит и замаскированный под второсортную пивную.

Было поздно. Лишь несколько бродяг слонялось у стойки бара. На месте бармена стоял незнакомый Харрисону китаец. Бармен равнодушно посмотрел на Харрисона и указал пальцем на заднюю дверь, прикрытую грязной занавеской, когда тот коротко спросил:

— Джонни Клик здесь?

Харрисон прошел по узкому плохо освещенному коридору и уверенно постучал в железную дверь, находящуюся на другом конце коридора. В тишине глухо скреблись под полом крысы. Стальной диск в центре двери повернулся, и в отверстии показался черный раскосый глаз.

— Открой, Шан Янг, — нетерпеливо произнес Харрисон, глаз исчез, и раздался скрип отдвигаемых засовов и цепочек.

Харрисон толкнул дверь и оказался в большой полутемной комнате, с грязным полом, серыми обоями, заставленной скамьями вдоль стен. В жаровне горел огонь. Шан Янг отвернулся и пошел к своему обычному месту за стойкой у стены — Харрисон едва бросил взгляд на знакомую фигуру, одетую в потертый шелковый пиджак, вышитый золотыми драконами. Детектив прекрасно знал, что находится в опиумном притоне и что лежащие на скамьях китайцы накурились опиума, но почему он еще не разогнал этот подвальчик, как другие притоны, мог бы ответить только сам Харрисон. Дело в том, что законы на Ривер-стрит не так ортодоксально рутинны, как, скажем, на Баскервиль-авеню. Иногда приходится жертвовать установленными правилами ради более значи-

мых целей — особенно когда отвечаешь за соблюдение законов в целом районе (в который входит весь Восточный квартал) и когда весь груз лежит на одних плечах.

Душную комнату пронизывал характерный запах, который не могла заглушить даже вонь грязных тел, — влажный запах реки, проникающий во все притоны Ривер-стрит, поднимающийся от заплыванных полов, словно темный непостижимый дух самого квартала. Притон Шан Янга, как и многие другие, был построен возле реки, и задняя комната нависала на прогнивших сваях над самой водой. Харрисон вошел в соседнюю комнатушку и закрыл за собой дверь. Но приветствие детектива оборвалось на полуслове, он ошарашенно уставился на странное зрелище.

Комнатушка была грязная, почти голая, если не считать грубого стола, пары стульев и тусклой керосиновой лампы на столе. В желтоватом свете лампы Харрисон увидел Джонни Клика, стоящего неподвижно у противоположной стены. Руки Джонни были раскинуты в стороны, как на распятии, широко раскрытые глаза остекленели, а крысиное личико застыло в странном оскале. Ошеломленный взгляд Харрисона бродил по безмолвной фигуре, пока не замер от ужаса: ноги Джонни на несколько дюймов не доставали до пола... Детектив выхватил свой пистолет.

Джонни Клик был мертв, и лицо его так и зачехлено искаженным от ужаса и боли. Джонни распяли, пригвоздив к стене железными клинь-

ями за запястья и лодыжки, уши несчастного тоже были прибиты к стене, чтобы голова держалась прямо. Но не это убило Джонни Клика: обгоревшая ткань рубашки окружала черную дыру на том месте, где должно было биться сердце.

Почувствовав внезапный приступ тошноты, детектив выскочил в другую комнату. В ней, казалось, стало еще темнее и почти нечем дышать. Люди на скамьях лежали неподвижно и бесшумно, огонь в жаровне разгорался все ярче. Шан Янг склонился над стойкой так, словно перебирал костяшки счетов.

— Шан Янг! — резко прозвенел в тишине голос детектива. — Кто был в той комнате с Джонни Кликом?

Человек за стойкой поднял голову и посмотрел на Харрисона. Харрисон похолодел: это был не Шан Янг, а незнакомый монгол в пиджаке Шан Янга. Люди, лежавшие на скамьях, вскочили на ноги с неожиданной ловкостью — тоже не китайцы, а монголы, и их раскосые черные глаза не были одурманены наркотиками.

Выкрикнув проклятие, Харрисон прыгнул к двери, ведущей в коридор, но монголы бросились к нему. Харрисон выстрелил — ближайший монгол закачался и упал. Через секунду свет погас, жаровня была опрокинута, и в крошечной темноте куча тел навалилась на детектива. Ногти царапали его горло, озверелые руки рвали тело, и чей-то свистящий голос отдавал приказания.

Левая рука Харрисона работала как поршень, круша плоть и кости, правая рука с пистолетом действовала как дубинка. Он силился добраться до двери в темноте, таща на себе массу обвивших его тел. Он пробирался к выходу, а невидимые враги держали его, словно сама тьма обросла вдруг костями и мускулами. К горлу Харрисона подобрался нож, ужалив кожу, затем шелковый шнур затянулся на шее, впиваясь все глубже в тело. Наконец Харрисону удалось нажать на курок, одно из тел упало, и хватка врагов чуть ослабла. Глубоко вздохнув, Харрисон с усилием разорвал шнурок — но грудa тел опрокинула его на пол, и что-то тяжелое опустилось на его голову. Харрисону показалось, что из глаз у него брызнул сноп искр, и он потерял сознание.

Придя в себя, Харрисон почувствовал запах реки, смешанный с запахом запекшейся крови. Кровь, как оказалось, была его собственная: на голове было несколько глубоких ссадин. Он попытался поднять руку и обнаружил, что крепко связан. Свеча на полу слепила глаза и мешала разглядеть, где он находится, но постепенно окружающее предстало перед ним в правильных пропорциях и предметы выступили из небытия.

Он лежал в большой комнате с каменными небелеными стенами и новым деревянным некрашеным полом. Потолок был тоже каменный с голыми массивными балками и с открытым люком в центре, сквозь который Харрисон заметил несколько звезд. Из люка веяло свежим

речным воздухом. Комната была абсолютно пустой: ни мебели, никаких предметов, кроме свечи. Харрисон выругался, подозревая, что бредит, потому что все вокруг казалось каким-то нереальным.

Он попытался сесть, но голова его закружилась, и он откинулся назад, снова свирепо выругавшись. Из люка выглянуло квадратное желтое лицо с раскосыми глазами, подразнило его, построив гримасу, и исчезло. Внезапно скрипнула дверь. Харрисон повернулся к вошедшему.

Стив Харрисон содрогнулся: однажды он уже лежал вот так на полу, связанный и беспомощный, глядя на одетую в черное высокую фигуру с блестящими из-под капюшона раскосыми глазами... Но этот человек мертв, Харрисон видел, как на него обрушился меч сумасшедшего Друза.

— Эрлик-хан! — прошептали пересохшие губы Харрисона.

— Да! — ответил знакомый низкий голос, заставлявший когда-то холодеть Харрисона. — Эрлик-хан, Повелитель мертвых.

— Ты человек или призрак? — спросил Харрисон.

— Я жив.

— Но Али ибн Сулейман убил тебя! — воскликнул детектив. — Он ударил тебя по голове острым, как лезвие, мечом. Али ибн Сулейман был сильнее, чем я. Он нанес удар в полную силу. Твой капюшон разлетелся пополам...

— И я упал замертво весь в крови, — закончил Эрлик-хан. — Но стальной шлем, который я

всегда ношу под капюшоном, спас мне жизнь, как и много раз до этого. Ужасный удар расколот шлем сверху и повредил мне череп, я был контужен, но остался жив. Несколько верных мне людей, спасшихся от Друза, пронесли меня через подземный ход под домом, поэтому я не погиб в огне. Много недель я лежал без сознания, как мертвый, пока из Монголии не приехал один мудрый человек, поставивший меня на ноги. Теперь я возобновлю свой незаконченный труд. Многое придется восстанавливать. Многие из моих подданных забыли, кто стоял над ними. Некоторым придется напомнить, кто их хозяин.

— Ты уже напомнил нескольким,— произнес Харрисон саркастически.

— Да. Надо было с кого-то начать. Один упал с крыши, другого укусила змея, третий напоролся на нож в темном переулке. Потом пошли вещи посерьезнее. Джозн Ла Тур предала меня в былые времена. Она знает слишком много секретов. Ей суждено умереть. Для того чтобы она могла вкусить ужас предчувствия смерти, я послал ей страницу из моей Книги мертвых.

— Твои подонки убили Клика,— с ненавистью произнес Харрисон.

— Конечно. Телефон девчонки прослушивался. Я сам слышал твой разговор с Кликом, поэтому тебя не тронули, когда ты вышел из дома. Я знал, что ты в моих руках. Мои люди заняли подвал Шан Янга. Больше ему не понадобится пиджак. В него оделся мой человек, и ты

не узнал его. Клики прознал о моем возвращении — все осведомители чертовски умны. Но у него было достаточно времени для сожалений. Смерть тяжела, когда раскаленный добела железный прут проходит сквозь грудь.

Харрисон молчал. Монгол продолжал:

— Я написал твоё имя в книге потому, что ты — мой самый опасный противник. Это из-за тебя Али ибн Сулейман поднял против меня бунт. Я восстанавливаю свою империю и хочу сделать её ещё более могучей. Центр управления будет на Ривер-стрит. Я создам политический аппарат, чтобы править городом. Люди, стоящие у власти, пока не подозревают о моём существовании. Если всех их убрать, то нетрудно будет найти новых людей — тех, кто неравнодушен к шуршанию купюр.

— Ты сумасшедший, — произнес Харрисон. — Контролировать все городское правительство из подвального на Ривер-стрит?

— Так будет, — спокойно произнес монгол. — Я ударю, как кобра из темноты. Жить будут только те, кто подчинится моему доверенному лицу. Это будет белый человек, его будут считать персоной, обладающей властью, в то время, как я останусь невидимым за его спиной. Это мог бы быть ты, если бы был чуть умнее.

Монгол вытащил из-под плаща толстую с черной глянцевой обложкой книгу и пролистал страницы, соединённые зелеными петлями из жадеита. Все страницы покрывали багровые буквы.

— Моя книга Мертвых,— сказал Эрлик-хан.— Многие имена уже вычеркнуты, многие добавлены с тех пор, как я пришел в себя. Некоторые тебя интересуют: это имена мэра, начальника полиции, прокурора округа и многих членов городского управления.

— Удар по башке повредил твои мозги,— рявкнул Харрисон.— Ты думаешь, что способен заменить все правительство города и запросто избавиться от стольких людей?

— Конечно. Все эти люди умрут по-разному и постепенно, а их места займут мои ставленники. Через год весь город будет в моих руках, и никто не сможет мне помешать.

Глядя на странную фигуру, скрывающую лицо под капюшоном, Харрисон с содроганием понял, что монгол действительно сумасшедший. Здоровому человеку подобные планы просто не могли прийти в голову. И монгол был опасен, как обезумевшая кобра. Его план, конечно же, обречен, но в руках у него жизни очень многих людей. Долг Харрисона — защищать город от любой угрозы, порожденной Восточным кварталом, а он лежит здесь связанный и беспомощный перед этим убийцей. Харрисон выругался в бессильной ярости.

— Ну что, человек насилия,— презрительно проговорил Эрлик-хан.— Варвар! Ты полагаешься на силу оружия и хочешь уничтожить власть тайной властью империи силой своих кулаков! Рука, не направляемая смыслом, наносит слепые удары! Что ж, ты ударил в последний

раз. Чувствуешь, как пахнет рекой? Скоро ее воды сольются с твоим дыханием.

— Где мы? — спросил Харрисон.

— На окраине города, на острове, где начинаются болота. Когда-то здесь были склады и фабрика, но город стал расти в другом направлении, и это место забросили. За двадцать лет оно превратилось в развалины. Через доверенное лицо я купил остров и теперь восстанавливаю для себя старый каменный дом, который стоял здесь еще до постройки фабрики. Никто ничего не знает, потому что все делают мои люди и никто никогда не приедет на заболоченный остров. Дом не виден с реки, заслоняемый руинами складов. Тебя привезли сюда на моторной лодке прямо от притона Шан Янга. Вторая лодка доставит сюда Джоэн Ла Тур.

— До нее не так-то легко добраться, — проговорил детектив.

— Доберемся. Правда, она позвала на помощь этого волка, Хода-хана, и моим людям действительно не удалось убить его по дороге к ней. Полагаю, ложное чувство доверия к афганцу подвигло тебя на встречу с Кликом. Я думал, что ты останешься в доме, чтобы защищать девчонку.

Где-то вдали прозвучал гонг Эрлик-хан удивленно поднял голову и закрыл черную книгу.

— Я потратил на тебя много времени, — сказал Эрлик-хан. — Когда-то я уже попрощался с тобой в одной из моих тюрем, но фанатик Друз спас тебя. На этот раз никто не помешает моим

планам. Здесь нет никого, кроме монголов, для которых единственный закон — моя воля. Я ухожу, но ты недолго будешь один. Скоро ты кое с кем встретишься.

Похожая на призрак фигура удалилась с леденящим душу хохотом. Щелкнул замок, и воцарилась тишина.

Внезапно раздался сдавленный крик. Он доносился откуда-то снизу и повторился несколько раз. Харрисон вздрогнул: тот, кто хоть раз побывал в больнице для душевнобольных не мог не узнать этих звуков. Так визжат сумасшедшие женщины. После этого крика тишина стала давящей и зловещей.

Харрисон старался успокоить себя, и в этот момент из люка снова выглянула голова осканчившегося монгола.

— Скалься, желтая обезьяна! — рявкнул Харрисон, сиюсь разорвать веревки так, что вены выступили у него на висках. — Если б у меня были свободны хотя бы руки, я задвинул бы твою улыбку туда, откуда у тебя должен расти свиной хвост, ты... — и Харрисон подробно прошелся по всей родословной монгола, останавливаясь на наиболее интересных деталях его происхождения; в середине этой тирады ухмылка монгола внезапно изменилось на рычание, и голова исчезла, а через секунду сверху раздался звук, похожий на удар топора.

В люке показалось другое лицо — дикое, чернобородое, с горящими налитыми кровью глазами, увенчанное растрепанным тюрбаном.

— *Сагиб!* — прошипело лицо.

— Хода-хан! — вскричал детектив, пораженный. — Какого дьявола ты тут делаешь?

— Тихо! — прошептал афганец. — Проклятые шайтаны услышат!

Он сбросил вниз конец веревочной лестницы и быстро спустился, бесшумно приземлившись на пол босыми ногами. В зубах он держал окровавленный кинжал.

Хода-хан мгновенно перерезал тугие веревки на теле детектива. Афганец слегка дрожал от возбуждения, зубы его сверкали сквозь черную бороду, как волчьи клыки.

Харрисон сел, потирая опухшие запястья.

— Где Джоэн? Говори, где она?

— Здесь! В этом проклятом логове!

— Но..

— Это она кричала несколько минут назад, — перебил афганец. Харрисон содрогнулся от ужасного предчувствия.

— Но кричала сумасшедшая! — почти прошептал он.

— *Сагиба* сошла с ума, — мрачно проговорил Хода-хан. — Выслушай, *сагиб*, и потом рассуди, кто во всем этом виноват. Когда ты ушел, проклятые спустили на веревке человека с крыши. Я его убил и убил еще троих, которые ломились в двери. Но когда я вернулся к *сагибе*, она меня не узнала. Она убежала от меня на улицу, где, наверное, в засаде сидели еще дьяволы, потому что как только *сагиба* крича выскочила на тротуар, из тумана выехал большой автомобиль, из него высунулась рука и затащила *сагибу* внутрь так, что я не успел ее схва-

тить. Я видел проклятое желтое лицо в свете фонаря.

Зная, что *сагиба* предпочла бы умереть от пули, чем оказаться в их руках, я стрелял в машину из пистолета, но они неслись, как шайтан от лица Аллаха, и я не знаю, попал ли в кого-нибудь или нет. Потом я разорвал на себе одежду и проклял день моего рождения, ибо не мог преследовать их бегом. Но Аллах послал мне автомобиль — какой-то юноша в вечернем наряде, должно быть, возвращающийся с вечеринки, по воле Аллаха был охвачен любопытством: увидев меня в горе на обочине дороге, он остановился.

Поблагодарив Аллаха, я прыгнул в автомобиль и, приставив нож к ребрам юноши, попросил его ехать очень быстро, и он повиновался в большом страхе. Машина нечестивцев уже исчезла из виду, но наконец я снова заметил ее и заклинал юношу ехать быстрее, так что машина неслась, как колесница Пророка. Потом я увидел, что машина язычников остановилась на берегу. Я заставил юношу тоже остановиться, и он выпрыгнул из машины и в ужасе убежал прочь.

Я бежал в темноте, желая пролить кровь неверных, но прежде чем я добрался до берега, монголы вышли из автомобиля, неся связанную и с кляпом во рту *сагибу*, сели в моторную лодку и понеслись по реке в сторону острова.

Я метался по берегу, как безумный, и готов был броситься до острова вплавь, несмотря на дальнейшее расстояние, но неожиданно заметил

прикованную к свае лодку с веслами. Воздав хвалу Аллаху, я перерубил цепь ножом — видишь эти зазубрины на лезвии? — и поплыл за проклятыми с большой скоростью.

Они были намного впереди меня, но по воле Аллаха мотор лодки заглох почти у самого берега. Я слышал, как они ругаются на своем поганом языке, и хотел тихо подойти к ним, чтобы незаметно напасть и убить. В темноте меня не было видно, а из-за собственного шума они не могли услышать плеск весел, но когда я уже почти приблизился к ним, мотор снова заработал. Неверные опять обогнали меня, и я видел издали, что они понесли *сагибу* в развалины.

Я сошел на берег и хотел броситься на них, но язычники быстро скрылись за дверью каменного дома, в котором мы сейчас находимся. Его окружает стальной забор с острыми как бритва пиками по краям, но тому, кого ведет Аллах, нельзя помешать. Я перелез через забор, всего лишь порвав одежду. Внутри была вторая стена, каменная, но полуразрушенная.

В темноте я незаметно подкрался к дому и увидел, что на окнах решетки, а двери железные и, кроме того, на первом этаже полно вооруженных людей. Я забрался сюда по угловой стене, это было трудно, но я сумел залезть на крышу — в том месте она плоская, с парапетом. Наблюдатель на крыше был слишком занят тем, что дразнил своего пленника, поэтому он не замечал меня до тех пор, пока мой нож не

отослал его в ад. Вот его кинжал — у него не было пистолета.

Харрисон взял протянутый ему изогнутый узкий клинок.

— Но в чем причина сумасшествия Джоэн?

— *Сагиб*, на полу валялись откупоренная бутылка вина и рюмка. У меня не было времени проверить вино, но я уверен, что оно было отравлено соком черного граната. Она не могла выпить много, потому что тогда сразу бы умерла с пеной на губах, как бешеная собака. Но если выпить чуть-чуть, то человек лишается рассудка. Черный гранат растет в джунглях Индокитая, белые люди не верят в это, но это правда. Три раза я видел, как мужчины и женщины сходили с ума от одного глотка сока черного граната. Я бывал в той проклятой стране, где растет черный гранат.

— Господи! — сжав железные кулаки, воскликнул Харрисон, глаза его загорелись яростью. — Наверное, она уже мертва. Но мертва она или жива, я отправлю Эрлик-хана в ад! Попробуй открыть дверь.

Дверь была сделана из тяжелого тика, обитого бронзой.

— Заперта, — прошептал афганец. — Придется выламывать.

Он уже приготовился, ударить дверь плечом, как внезапно замер, выхватив свой кинжал.

— Кто-то идет сюда! — сказал Хода-хан, и Харрисон, спустя несколько секунд, тоже услышал чью-то кошачью поступь.

Харрисону пришла в голову неожиданная идея. Он толкнул Хода-хана за дверь, а сам улегся на полу, набросив кусок веревки на лодыжки и сложив руки за спину так, словно он по-прежнему связан по рукам и ногам. Бросив на него беглый взгляд, нельзя было сразу заметить обман. Хода-хан все понял и довольно улыбнулся.

Харрисон действовал с быстротой натренированного полицейского и проделал все за несколько секунд совершенно бесшумно. Через мгновение в замке повернулся ключ, и дверь распахнулась. На пороге стоял монгол огромного роста с наголо обритой головой и бесстрастным лицом, похожий на медного идола. В одной руке он держал какой-то странный чурбан из эбенового дерева, а в другой — булаву, как у всадников Чингисхана, прямую железную дубинку с шаром на конце, утыканным шипами, и с набалдашником на другом конце, чтобы не соскальзывала рука.

Монгол не заметил Хода-хана, потому что тот притаился за широко открытой дверью. Афганец не бросился сразу на монгола, так как не видел, один он или за ним войдет еще несколько человек. Но монгол был один и на свою беду не побеспокоился закрыть дверь. Он шагнул к лежащему на полу детективу и слегка нахмурился, когда увидел свисающую из люка лестницу — однако и это не вызвало в нем подозрений и не заставило хотя бы окликнуть человека на крыше.

Он не проверил веревки Харрисона. По-видимому, он был так уверен в неприступности

острова, что бдительность его притупилась. Он сел рядом с Харрисоном. В этот момент Ходахан сделал шаг из-за двери, бесшумно, как пантера.

Прислонив булаву к ноге, монгол схватил детектива за рубашку на груди, приподнял и положил его голову на эбеновый чурбан. В эту секунду железные пальцы Харрисона обхватили бычью шею монгола.

Монгол даже не вскрикнул: лицо его побавело от удушья, он рванулся назад, таща за собой Харрисона, но не в силах расцепить его мощную хватку. Нож Ходахана вонзился в спину монгола, и кончик ножа показался из груди убитого.

Харрисон схватил булаву, довольно усмехнувшись: это оружие больше соответствовало его темпераменту, чем кинжал, который дал ему Ходахан. Назначение ее не вызывало сомнения: если бы не Ходахан, мозги Харрисона были бы перемолоты ударами утыканного шипами набалдашника и заполнили бы углубление в эбеновой плахе, так удобно приспособленной под размеры человеческой головы. Эрлик-хан за свою жизнь изобрел много разнообразных способов убийства — от простых и несложных до изощренно жестоких и утонченных.

— Дверь открыта, — сказал Харрисон. — Бежим!

Ключей на теле монгола не было. Харрисон сомневался, подойдет ли ключ, торчащий в двери, к другим замкам в доме, но захватил его на

всякий случай и запер дверь, чтобы тело монгола не обнаружили сразу.

Они выбежали в темный коридор, такой же голый и недостроенный, как все в этом доме. Спустившись по лестнице, они побежали по другому, еще более узкому коридору. Хода-хан видел в темноте как кошка, и они двигались бесшумно и уверенно. Неожиданно Харрисон нашел дверь: его рука случайно натолкнулась на углубление в стене. Она была маленькой, узкой — человек едва мог проскользнуть в нее. По-видимому, по окончании строительства потайная дверца была бы замаскирована каким-нибудь гобеленом.

Хода-хан нетерпеливо подталкивал Харрисона вперед, когда откуда-то снизу донесся шум. Возможно, кто-то шел по коридору в их сторону. Харрисон надавил на дверцу — она даже не скрипнула — и нащупал за ней ступеньки. Оба проскользнули внутрь и закрыли за собой дверь. Вокруг было темно, как в гробу. Харрисон чиркнул спичкой — ступеньки вели вниз.

— Должно быть, дом строится наподобие замка, — прошептал Харрисон, спускаясь все ниже и прикидывая, насколько толстыми могут быть стены. Спичка потухла. Даже афганец не мог уже ничего разглядеть в такой темноте. Внезапно оба остановились. Они находились приблизительно на уровне второго этажа, и из-за внутренней стены доносились голоса. Харрисон шарил по стене в поисках второй дверцы или отверстия для подглядывания и подслуши-

вания, но тщетно. Припав к стене ухом, он, как и афганец, начал разбирать, что говорилось внутри.

Первый низкий и гулкий голос принадлежал, без сомнения, Эрлик—хану. Второй, жалобный, что-то бессвязно бормочущий, бросил в пот Харрисона.

— Нет,— сказал монгол.— Я вернулся не из ада, как представляется твоему варварскому сознанию, а из тайного убежища, куда не добраться вашей тупой полиции. Я избежал смерти благодаря шлему, который никогда не снимаю. Ты не понимаешь, как попала сюда?

— Да, я не понимаю! — голос Джоэн Ла Тур прозвучал истерично, но, без сомнения, в нем больше не было ноток безумия.— Я помню, как открыла бутылку вина и, сделав из нее один глоток, догадалась, что вино отравлено. Потом все исчезло, я не помню ничего, кроме огромных черных стен и каких-то уродливых скачущих в темноте силуэтов. Целую вечность я бежала по темным коридорам...

— Это галлюцинации безумия, вызванного соком черного граната,— сказал Эрлик-хан. Ходахан шепотом призывал проклятия на голову монгола, а Харрисон свирепо толкал афганца в бок локтем, приказывая замолчать.— Если б ты выпила чуть больше, то сдохла бы, как бешеная собака. Но ты лишь потеряла рассудок. Я знаю противоядие, я вернул тебе разум.

— Зачем? — непонимающе простонала девушка.

— Затем, что я не желаю, что бы ты угасла, как свеча во тьме, моя прекрасная орхидея. Я хочу, чтобы ты была в здравом уме и твердой памяти, чтобы ты испила до дна чашу страданий и предсмертной агонии. Твоя смерть будет долгой и такой же изысканной, какую я изобрел для этого быка — твоего друга Харрисона. Его смертный приговор подписан.

— Подписать легче, чем привести в исполнение, — ответила Джоэн, внезапно ощутив прилив силы духа.

— Казнь уже свершилась, — невозмутимо заявил монгол. — К Харрисону приходил палач, и в эту минуту голова твоего друга напоминает раздавленное яйцо.

— О господи! — полный горя стон вырвался из груди Джоэн, и Харрисон едва сдержался, чтобы не выкрикнуть, что все это ложь.

Внезапно Джоэн вспомнила еще что-то, мучающее ее:

— Хода-хан! Что ты сделал с Хода-ханом?

Афганец сжал железными пальцами плечо Харрисона, услышав свое имя.

— Когда мои люди увозили тебя, им было некогда заниматься афганцем, — ответил монгол. — Они не ожидали взять тебя живой, и когда судьба распорядилась иначе, они слишком спешили. Он ничего не значит. Правда, он убил четырех моих лучших людей, но это же сделал бы и дикий волк. Он туп. Что он, что детектив — просто безмозглая груда мускулов, беспомощная перед таким мощным интеллектом, как мой. Я позабочусь об афганце. Его труп бросят в выгребную яму.

— Аллах! — Хода-хан дрожал от ярости. — Лжец! Я скормлю твои желтые кишки крысам. — Казалось, взбешенный мусульманин готов проломить стену, чтобы броситься на монгола.

Детектив продолжал ощупывать поверхность стены в поисках двери, но тщетно. Эрлик-хан еще не успел повсюду снабдить свой недостроенный дом потайными ходами наподобие крысиных лазов, как он всегда делал.

Монгол хлопнул в ладоши, и за стеной послышался стук шагов нескольких человек, вошедших в комнату. Раздался какой-то приказ на монгольском, затем резкий испуганный крик боли и звук захлопнувшейся двери. Детектив и афганец поняли, что комната за стеной опустела. Харрисон бился в бессильной ярости: они замурованы в этой проклятой стене, а Джоэн Ла Тур увели, чтобы подвергнуть мучительной смерти.

— *Валлах!* — стонал афганец. — Они ее сейчас убьют! Клянусь бородой Пророка! Я сожгу этот проклятый Аллахом дом! Я залью огонь монгольской кровью! Во имя Аллаха, *сагиб*, есть же какой-то выход!

— Бежим! — крикнул Харрисон. — Где-нибудь должна быть еще дверь!

Они снова бросились вниз по лестнице, и примерно на уровне первого этажа рука Харрисона наткнулась на дверь. Как только пальцы его коснулись двери, она сразу подалась внутрь и отворилась: это на шум высунулась бритая монгольская голова. Харрисон обрушил на го-

лову булаву, монгол упал замертво. Детектив бросился в комнату, не размышляя, сколько человек в ней может оказаться. Но в комнате было пусто. На полу лежал толстый ковер, на стенах висели черные бархатные гобелены, дверь из тика была обита бронзой и украшена золотой аркой. Босой, в растрепанном тюрбане, с испачканным кровью кинжалом, Хода-хан представлял странный контраст на фоне этой роскоши.

Не зная дома, Харрисон толкнул наугад первую попавшуюся дверь и увидел широкий коридор, застеленный коврами, с такими же гобеленами на стенах, как в комнате. На другом конце коридора, где висел занавес от потолка до самого пола, исчезала толпа монголов — они скрылись за занавесом, все в черном, со зловеще склоненными головами, словно свита привидений. Никто из них не обернулся.

— За ними! — бросил Харрисон. — Наверное, они идут поучаствовать в казни...

Хода-хан уже мчался по коридору, как ураган смерти. Ковер заглушал их шаги так, что даже толстые ботинки Харрисона не производили ни звука. Происходящее несло на себе какой-то странный отпечаток нереальности — словно в кошмарном сне, где действуют сверхъестественные законы и силы. У Харрисона промелькнула мимолетная мысль, что подобное возможно лишь в Восточном квартале, где насилие и смерть — в порядке вещей. Эрлик-хан выпустил на свободу силы хаоса и безумия, водоворот убийства и мести охватил

умы людей, лишив их всех остальных желаний.

Хода-хан готов был броситься на врагов за занавес — он занес нож и набрал в легкие воздуха для оглушительного крика, но Харрисон схватил его, приказывая не двигаться. Мускулы афганца под рукой детектива были словно скрученные железные прутья. Афганец внял голосу разума и остановился.

Оттолкнув его, Харрисон осторожно заглянул за занавес. За ним была полуоткрытая двустворчатая дверь, из которой видна была комната. Жесткая борода Хода-хана воткнулась в шею детектива сзади — афганец выглядывал у него из-за плеча.

В комнате стены закрывали черные бархатные гобелены, вышитые золотыми драконами, на полу лежали ворсистые коврики, с отделанного слоновой костью потолка свисали красные лампы. Люди в черном, стоящие в ряд у стены, могли бы показаться тенями, если б не горящие в красноватом свете глаза.

На стуле из эбенового дерева, похожем на трон, сидела мрачная неподвижная, как изваяние, фигура, при виде которой Хода-хан процедил сквозь зубы проклятие.

В центре комнаты стоял странный предмет, отдаленно напоминающий жертвенный алтарь, — большой камень, вогнутый сверху, привезенный, должно быть, из самого сердца Гоби. На камне лежала Джоэн Ла Тур. Руки ее были распростерты, как на распятии, ноги свисали с камня на пол. Широко раскрытые глаза де-

вушки выражали полную безнадежность, сознание неизбежной гибели и лишь одно желание — быстрее умереть, чтобы освободиться от мук. Физические страдания еще не начались: тощее злобное создание, палач, сидел рядом на корточках и нагревал бронзовый прут в глубоком железном блюде, наполненном раскаленными углями.

— Боже! — слетело с губ Харрисона. Ходахан отбросил Харрисона в сторону и влетел в комнату, потрясая кинжалом, похожий на ураган, сносящий все на своем пути. Эрлик-хан в изумлении вскочил с трона. Палач получил удар кинжалом, расколовший его череп пополам. Монголы разом, как один, вскрикнули от удивления.

— *Аллахо акабар!* — завопил Ходахан, свирепо взмахнув кинжалом. Он бросился на алтарь и стал перерезать веревки Джоэн с неистовством, грозящим девушке расчленением.

Со всех сторон на афганца бросились монголы, которые были столь поражены его появлением, что даже не заметили Харрисона, стоящего на пороге комнаты.

Харрисон кинулся в толпу, круша головы булавой направо и налево булавой. Монголы падали как кегли, освобождая Харрисону путь к алтарю. Ходахан заслонял собой Джоэн, тоже не переставая рубить врагов.

— Аллах! — выкрикивал он, плюя в лица монголов. Внезапно он подскочил к трону.

Эрлик-хан от неожиданности секунду пребывал в замешательстве. Это позволило афган-

цу занять более выгодную позицию и с такой силой воткнуть кинжал в грудь монгола, что конец его вышел из спины на несколько дюймов.

Хода-хан неистово отбросил тело монгола на трон, так, что трон раскололся на две части. Афганец вытащил из трупа окровавленный кинжал и завыл по-волчьи в свирепой радости.

— Аллах! Шлем не помог тебе, собака! Почувствуй мой нож в своих кишках по дороге в ад!

Широко открытые глаза монгола остекленели. В эту минуту Харрисон схватил Джоэн и выскочил из комнаты в ближайшую дверь:

— Хода-хан! Сюда! Скорее!

Клинки монголов за спиной Харрисона заставили его нестись быстрее ветра, Хода-хан догонял его.

— Беги, сагиб! Вниз по коридору! Я вас прикрою!

— Нет! Ты бери Джоэн и беги! — Харрисон бросил Джоэн на руки афганцу, а сам загородил проход, работая булавой, словно поршнем. Харрисона охватило безумие берсеркера, которое удесятворяет силы в урагане боя.

Монголы ломились вперед, но Харрисону неведомым ему самому образом удавалось сдерживать неистовый натиск. Он утратил в эти минуты ощущение себя как личности. Все перед ним слилось в одну кровавую массу, которую он продолжал крушить с налитыми кровью глазами, словно превратился в того примитивного, покрытого шерстью дикаря с дубинкой,

который ломал врагов своего племени пятьдесят тысяч лет назад.

Он даже не чувствовал ран, наносимых ему. Он просто поднимал и опускал свою дубинку до тех пор, пока проход не оказался заваленным грудой искалеченных тел.

Тогда Харрисон обнаружил, что бежит, задыхаясь, по коридору. Им двигал смутный инстинкт самосохранения, который куда-то исчез в бою: до этой минуты он мог только бить, бить, бить, охваченный жаждой убийства. В такие минуты у человека стремление умереть — умереть сражаясь — становится почти равно воле к жизни.

Пошатываясь, спотыкаясь и хватаясь за стену, Харрисон добежал до конца коридора, где Хода-хан возился с замком. Джоэн стояла рядом, но качалась из стороны в сторону, готовая упасть каждую минуту. Толпа монголов неслась к ним с противоположного конца коридора. Харрисон отпихнул Хода-хана в сторону и взмахнул булавой. Одним ударом он выбил замок из дверной панели, словно тот был из дерева, а не из железа. В следующее мгновение все трое оказались за дверью и задвинули засов. Дверь держалась на петлях не очень надежно, но какое-то время могла выдержать натиск толпы.

Монголы бесновались за дверью, рубя ее кинжалами и воя, как шакалы. Харрисон окинул себя взглядом: руки, плечи, ноги — все было в крови, в лохмотьях одежды. Кровь ручьями стекала по всему телу.

Отверстие в двери расширялось под ударами монголов. Через щели Харрисон увидел еще несколько человек, бегущих по коридору с ружьями. Он удивился, почему монголы не стреляют в дверь, но сразу нашел ответ. Комната, в которой они закрылись, была складом боеприпасов. Вдоль стен стояли пачки с патронами, порохом и по меньшей мере с одной коробкой динамита. К несчастью в комнате хранились только боеприпасы — ни ружей, ни пистолетов в ней не было.

Хода-хан дергал замок противоположной двери. Внезапно с криком «Аллах!» он схватил из открытой коробки какой-то предмет и взмахнул рукой, чтобы метнуть предмет в дверь, Харрисон едва успел схватить его за запястье.

— Не бросай это, идиот! Ты взорвешь нас к чертовой матери! Они боятся стрелять в комнату, но через секунду вышибут дверь и прирежут нас. Помоги Джоэн!

В руках у Хода-хана была ручная граната — единственная из пустой коробки, как заметил Харрисон. Выбив, наконец, вторую дверь, Харрисон, Хода-хан и Джоэн, поддерживаемая им, выбежали на улицу. Небо было усыпано звездами. Друзья быстро пересекли открытое пространство и укрылись за полуразрушенной каменной стеной, высотой по грудь человеку. Бежать было больше некуда: за стеной они увидели стальной забор, о котором говорил Хода-хан, высотой в десять футов, с копьями наверху. Сзади раздались выстрелы: монголы приближа-

лись. Выхода не было: пытаться залезть на забор бессмысленно, их всех перестреляют.

— Ложитесь за стену! — приказал Харрисон. — Прежде чем взять нас, они дорого заплатят!

Пули засвистели и стали отскакивать от стены. Хода-хан с диким криком вскочил на верхушку стены и оторвал зубами чеку от гранаты.

— *Ла иллаха иллулах, Мухаммед рассул уллах!* — прокричал Хода-хан на родном языке и метнул гранату — только не в вопящую толпу, а дальше, в склад боеприпасов!

В следующее мгновение ввысь взметнулось море огня и гром разверз ночь. Мельком Харрисон увидел Хода-хана на фоне пламени падающим вниз с распростертыми руками, затем все померкло — остались лишь грохот рушащегося каменного дома и водопад из камня.

Харрисон не знал, как долго он пролежал ни живым ни мертвым — оглохший, ослепший, бездвиженный, под развалинами дома. Он почувствовал что-то мягкое, шевелящееся под ним. У него было смутное ощущение, что это стонущее существо надо оберегать, и он инстинктивно начал выгребать его из-под обломков. Тело едва повиновалось ему, но постепенно ему удалось выбраться самому и вытащить из-под груды булыжников Джоэн.

— Джоэн! — собственный голос он услышал словно издалека, пришлось кричать, чтобы девушка услышала его. Перепонки были повреждены контузией.

— Ты ранена?

— Кажется, нет,— с трудом проговорила она.— Что... что произошло?

— Граната Хода-хана взорвала динамит. Дом похоронил под собой монголов. Нас защитила стена, только это спасло нас.

Стена превратилась в груды щебня и булыжников. Харрисон ощупывал сломанную руку.

— Где Хода-хан? — закричала Джоэн, начиная приходить в себя.

— Я поищу его.— Харрисон боялся найти не Хода-хана, а то, что от него осталось.— Его сдуло со стены, как соломинку ветром.

Он обнаружил афганца у стального забора. Хода-хан стоял, неестественно приплюснутый к стальной поверхности. Харрисон ощупал его переломанные кости — Хода-хан еще дышал. Джоэн, спотыкаясь, добрела до них, упала перед Хода-ханом на колени и зарыдала.

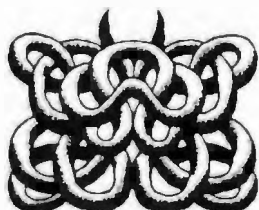
— Он — не такой, как мы, люди цивилизации! — Слезы струились по ее измученному лицу.— Афганца убить невозможно! Если доставить его сейчас в больницу, он будет жить! Слышишь? — она схватила Харрисона за руку. Где-то вдалеке гудела моторная лодка. Наверняка, это был полицейский катер, приплывший на грохот взрыва.

Джоэн разорвала на себе остатки одежды, чтобы остановить кровь из ран Хода-хана. Внезапно произошло чудо: опухшие губы афганца зашевелились. Харрисон нагнулся к нему и уловил обрывки слов: «Проклятие Аллаха... монгольская собака... свиное мясо — мой *иззат*».

— Не беспокойся больше за свой *иззат*, — с усмешкой оглянувшись на груды развалин, под

которыми остались навсегда монгольские преступники, сказал детектив.— После сегодняшней ночи тебе не надо идти в суд — несмотря на всех монголов на свете.

МОЛЧАНИЕ ИДОЛА

СОКРОВИЩА ТАРТАРА

Н

е простая горячность заставила Кирби О'Доннелла ввязаться в эту драку, на которую он так неожиданно наткнулся в вечернем сумраке. В этой аллее запретного Шахразара было слишком темно для того, чтобы опрометчиво вступать в уличную схватку, а кроме того, О'Доннелл, при всей своей ирландской любви к потасовкам,

вовсе не был расположен бездумно рисковать достижением своей тайной цели.

Однако мелькнувшее перед глазами бородастое лицо, покрытое шрамами, заставило его забыть обо всем на свете; его захлестнула волна ярости. Он действовал, повинаясь инстинкту.

О'Доннелл с кинжалом в руке впрыгнул в самую гущу дерущихся, слабо освещенную отдаленным фонарем. Он сразу понял, что дерутся трое или четверо против одного, однако все его внимание сосредоточилось на одном высоком здоровом человеке, чья фигура смутно вырисовывалась в полумраке. Длинное узкое лезвие его кинжала вонзилось в эту фигуру, пробило одежду, высокий человек взвизгнул от боли. Что-то ударило О'Доннелла по голове — то ли ружейный приклад, то ли дубинка, он повернулся и сцепился с кем-то, кого даже не успел разглядеть.

Его рука схватила цепочку, висевшую на бычьей шее, и он рванул ее на себя, одновременно выбросив вперед руку с кинжалом. Удар кинжала распорол одежду, кожу и мышцы живота противника. У жертвы вырвался крик, и кровь залила руку О'Доннелла.

Тело противника обмякло и свалилось на землю. Американец увидел перед собой удалявшееся широкое бородастое лицо отходящего в иной мир человека, но это было не то лицо, которое заставило его ввязаться в драку. В следующее мгновение он отпрыгнул от умиравшего и ударил плеча прямо перед собой по расплывчатому силуэту. Еще несколько секунд

звенела сталь, потом несколько человек побежали прочь по темной аллее. О'Доннелл, у которого кровь стучала в висках от ярости, распаленный жаркой схваткой, споткнулся о скорчившееся на земле тело и растянулся во весь рост рядом с ним. Он поднялся, бормоча проклятия, и увидел рядом с собой высокого человека с длинной изогнутой саблей в руке. Незнакомец часто и тяжело дышал, рядом с ним на земле лежали три бездыханных тела.

— Пошли отсюда, мой друг, кто бы ты ни был! — выдохнул по-туркменски высокий незнакомец. — Они сбежали, но они вернутся и приведут с собой других. Пошли отсюда!

О'Доннелл не ответил. Принимая на время дружбу с туркменом, которого послал ему slučaj, он последовал за этим высоким человеком, уверенно побежавшим по аллее, будто все здесь было ему знакомо. Молча они нырнули под какую-то низкую темную арку. За нею сплетение аллей внезапно обрывалось, и открывалась широкая площадь, слабо освещенная светом нескольких небольших костров, вокруг которых беседовали и пили чай люди в тюрбанах. Тяжелый запах потных, немытых человеческих тел смешивался с запахом коней и верблюдов. Никто не обращал внимания на двоих людей, молча стоявших в тени грязной обшарпанной стены.

О'Доннелл взглянул на своего спутника. Это был высокий стройный человек с тонкими чертами и смуглым лицом. Под запачканным грязью и забрызганным кровью халатом виднелись сапоги наездника с серебряными шпорами. Тюр-

бан сбился набок, а рукоятка сабли, которую незнакомец успел вложить в ножны, была в крови.

О'Доннелл спокойно встретил пристальный взгляд черных глаз, внимательно осмотревших американца с головы до ног. Он даже не вздрогнул. Его обманчивая внешность и одежда много раз подвергались испытаниям, и он не сомневался в том, что они его не подведут и на этот раз.

Американец был человеком среднего роста, хорошо сложенным, с широкими плечами и выпуклыми мышцами, которые придавали ему невероятную для его роста силу. Его железные мускулы и стальные нервы сочетались с какой-то звериной координацией движений. Его нервная энергия была через край, и когда ему случалось драться, он прямо-таки впадал в бешенство. Кинжал, обычно висевший на его поясе, и сабля были словно продолжением его рук.

Он носил свои курдские башмаки, жилет и халат так, словно был рожден именно для этой одежды. Тонкие черты его лица были обожжены солнцем, и поэтому лицо его казалось почти таким же смутным, как лицо его спутника.

— Назови мне свое имя, — произнес тот. — Я обязан тебе жизнью.

— Я курд, меня зовут Али эль-Гази, — ответил О'Доннелл.

В глазах туркмена не мелькнуло ни тени подозрения. Из-под арабской шапочки на него смотрели лучистые голубые глаза О'Доннелла,

но голубые глаза встречались среди воинов в иранских холмах.

Туркмен слегка коснулся рукоятки сабли О'Доннелла в форме головы ястреба.

— Я не забуду этого, — пообещал он. — Если мы вновь встретимся, я узнаю тебя. А сейчас нам лучше разойтись отсюда в разные стороны. Те люди с ножами будут искать меня — и тебя тоже, в этом можно не сомневаться, теперь ты их враг, они не простят того, что ты помог мне.

И он исчез, скользнув тенью мимо верблюдов и тюков с поклажей.

О'Доннелл постоял еще несколько мгновений молча, прислушиваясь к тишине аллей за спиной и вообще к вечерним звукам вокруг. Где-то вдалеке тонкий дрожащий голос выводил протяжную песню родной земли. Откуда-то еще доносились вопли, подобные кошачьим, — там разгоралась ссора. О'Доннелл глубоко и удовлетворенно вздохнул. Кровь в его жилах еще не перестала бушевать после недавней схватки. Сейчас он был в самом сердце Востока, того самого Востока, который однажды раз и навсегда завладел его душой, заставив забыть о родине и распрощаться с родным народом.

Внезапно он понял, что продолжает сжимать что-то в левой руке, и поднес ее к колеблющемуся свету одного из ближайших костров. Оказалось, что он держал в руке золотую цепочку, одно из массивных звеньев которой было погнуто и сломано. С цепочки свешивался занятный золотой медальон, размером побольше

серебряного доллара, однако медальон этот был скорее овальным, нежели круглым. На медальоне не было никакого узора, его украшали только выгравированные письмена, которые О'Доннелл, невзирая на все свое знание Востока, не мог прочесть.

Он вспомнил, что эту золотую цепочку он сорвал с шеи того человека, которого убил вечером в темной аллее, но он не мог представить себе значения этого медальона. Он спрятал медальон в своем широком поясе и пошел через площадь походкой кочующего всадника, столь естественной для его облика.

С площади он вышел в узкую улочку, балконы домов на которой едва не касались друг друга. Время было еще не позднее. Торговцы в развевающихся на ветру шелковых одеждах сидели, скрестив ноги, возле своих палаток, наперебой расхваливая свои товары — мозулские шелка, мушкеты с фитильными замками из Герата, острые индийские клинки, жемчуг из Белуджистана... Среди них были и афганцы с ястребиными, хищными лицами, и опоясанные саблями узбеки. Свет струился из завешенных шелками окон, и над уличным гомоном торговцев где-то звенел серебряным колокольчиком женский смех.

Сердце его трепетало при мысли о том, что он, Кирби О'Доннелл, был первым человеком с Запада, чья нога ступила на землю запретного Шахразара. Он прятался какое-то время в безымянной долине в нескольких днях пути от тех мест, где афганские горы плавно переходили

ли в бескрайние турецкие степи. Он прибыл сюда как бродячий курд, с караваном из Кабула, и вся его жизнь была сейчас устремлена на поиски сокровищ, размеры которых не под силу было представить простому человеку.

На базарах и в караван-сараях он наслушался рассказов о том, что Шайбар-хану, предводителю узбеков, объявившему себя правителем Шахразара, город раскрыл древнюю тайну. Узбеку удалось найти сокровища, спрятанные много веков назад властителем Хорезма Мухаммед-ханом, когда его империя, Земля Золотого Трона, пала под игом монголов.

О'Доннелл пришел в Шахразар с твердым намерением добыть эти сокровища; и он не изменил своего намерения, когда увидел в аллее бородатое лицо, которое он сразу узнал,—лицо своего давнего заклятого врага, грабителя и убийцы Яр-Акбара.

О'Доннелл свернул с узкой улочки в переулок и остановился возле арки ворот, которые были гостеприимно распахнуты, словно приглашая войти. С маленького двора к балкону поднималась узкая лесенка. По ступеням этой лестницы и поднялся О'Доннелл. Он шел на звуки ситара и пленительного голоса, певшего протяжную песню пушту.

Он оказался в комнате, зарешеченные окна которой выходили на улицу, и певунья оборвала свою песню, чтобы с улыбкой приветствовать гостя. Он ответил на приветствие и расположился на мягком удобном диване. Обстановка комнаты была не изысканной, но дорогой. Жен-

щина, встретившая О'Доннела, была одета в шелка, а ее атласную жилетку украшали жемчуга. Поверх легкой чадры блестели выразительные глаза персиянки.

— Подать моему господину еду или вино? — спросила она мелодичным голоском.

О'Доннелл ответил на вопрос повелительным жестом курдского бродяги, который не особенно заботится о том, чтобы быть обходительным и любезным с женщиной. Он пришел сюда вовсе не за едой и питьем, а за новостями. Он не раз слышал на базарах, что в доме Айши можно узнать любые самые последние новости. В этом доме собирались и те, кто прибыл издалека, и жители Шахразара, чтобы выпить вина и насладиться ее пением.

Она принесла ему еду и вино и, опустившись на кушетку рядом с ним, смотрела, как он ел и пил. О'Доннеллу даже не пришлось притворяться, что он ест с аппетитом. Многие дни, проведенные им в дорогах, приучили его есть, где и когда возможно. Айша походила скорее на любопытного ребенка, чем на искушенную в интригах взрослую женщину, так заинтересованно смотрела она на странствующего курда. Однако он знал, что мысленно она взвешивает его достоинства, так же, как оценивает любого мужчину, входящего в ее дом.

В те далекие времена любой бродяга мог завтра стать эмиром Афганистана или персидским шахом, так же, как мог наутро оказаться обезглавленным и брошенным на растерзание хищным птицам.

— У тебя хорошее оружие,— сказала она.

Он невольно дотронулся до рукоятки своей сабли. Это был арабский клинок, длинный, тонкий и изогнутый наподобие ущербного месяца. Рукоятка была сделана в виде головы ястреба.

— Эта сабля не одного туркмена выбила из седла,— похвастал он с набитым ртом, разом показывая свой характер.

Однако это было не пустое хвастовство.

— Хай! — она поверила ему и, казалось, была потрясена.

Ее тонкие маленькие пальцы подпирали подбородок, и она смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Хану нужны такие сабли, как твоя,— сказала она.

— У хана есть множество сабель,— возразил он, шумно отхлебывая вино.

— Но их не больше, чем понадобится ему, если против него пойдет Оркан Богатур,— рассудительно отозвалась Айша.

— Я слышал об Оркане,— ответил он.

Так оно и было. Да и кто в Центральной Азии не слышал об отважном доблестном повелителе туркменов, который бросил вызов могуществу Москвы и изрубил на кусочки русскую экспедицию, посланную, чтобы обуздать его?

— На базарах говорят, что хан боится его.

Это была слепая ложь. О страхах Шайбархана не говорили открыто.

Айша рассмеялась.

Разве может хан кого-нибудь бояться? Однажды эмир послал свои войска, чтобы захва-

тить Шахразар, и те, кто уцелел, были счастливы, что им удалось сбежать! Впрочем, если и есть на свете человек, способный пойти на штурм города, то это Оркан Богатур. Только нынче вечером узбеки охотились в аллеях за его шпионами.

О'Доннелл вспомнил, что незнакомец, которого он спас, говорил с туркменским акцентом. Вполне возможно, что это был один из туркменских шпионов.

Едва он успел подумать об этом, как острые глаза Айши заметили кончик золотой цепочки, свешивавшийся из-за его пояса, и с восторженным восклицанием она выдернула ее прежде, чем он успел ее остановить. Однако тут же, вскрикнув, отбросила цепочку, будто обожглась, и распростерлась перед ним на полу.

Он подобрал медальон.

— Что с тобой, женщина? — спросил он.

— Прошу прощения, мой господин! — Она сложила руки, однако ее испуг казался скорее наигранным, чем настоящим; ее глаза блестели. — Я не знала, что это Знак. Ай, ты играл со мной, ты расспрашивал меня о том, что тебе самому известно лучше, чем кому-нибудь другому. Который ты из Двенадцати?

— Ты жужжишь, словно пчелиный рой! — он поднес медальон к ее глазам. — Ты говоришь так, будто что-то знаешь, но, клянусь Аллахом, ты не знаешь, что значит эта вещица.

— Но я знаю! — воскликнула она. — Я видела такие знаки раньше у эмиров Внутренних

Покоев. Я знаю, что этот Знак значит больше, чем печать эмира, и что ее обладатель может входить в Сияющий Дворец и выходить из него, когда захочет.

— Но почему? Почему? — изумленно переспросил О'Доннелл.

— Хорошо, я шепотом скажу тебе то, что ты сам очень хорошо знаешь, — отвечала Айша, опускаясь на колени рядом с ним. Ее дыхание было почти неуловимым, как слабое дуновение далекого ночного ветерка. — Это Знак Стража Сокровища!

Она со смехом отпрянула от него:

— Разве это неправда?

Он ответил не сразу. Он был ошеломлен, и кровь стучала у него в висках.

— Никому не говори об этом, — сказал он, наконец, и поднялся. — От этого зависит твоя жизнь.

И, насыпав ей в подставленные ладони горсть монет, поспешил спуститься вниз по лестнице и выйти на улицу. Он понимал, что его уход выглядел слишком неожиданным и поспешным, но был настолько потрясен тем, что услышал, что не мог действовать рассудительно.

Сокровище! Он держал в руках Знак, который мог оказаться ключом к сокровищу — или, по крайней мере, ключом ко дворцу. До этого он не мог придумать способа проникнуть во дворец, хотя думал об этом постоянно с того самого момента, как оказался в Шахразаре. Его визит к Айше принес такие плоды, о каких он не мог даже мечтать.

* * *

Несомненно, в дни правления Мухаммед-шаха Сияющий Дворец заслужил свое название; даже теперь он сохранил часть бывшего великолепия. От всего города его отделяла толстая крепостная стена, а возле больших ворот всегда стояли на страже узбеки с ружьями, ножами и пистолетами.

Шайбар-хан впадал почти в суеверный ужас при мысли о случайном выстреле, поэтому во дворец разрешалось приносить только холодное оружие. Однако его воины были вооружены лучшими ружьями, какие только можно было найти среди Холмов.

О'Доннелл не мог позволить себе действовать слишком дерзко: ведь среди стражников возле главных ворот могли оказаться такие, кто знал в лицо всех эмиров — обладателей Знака. Он решил проникнуть во дворец через малые боковые ворота, в которых после его оклика открылось небольшое смотровое окошечко, и из него выглянул чернокожий. О'Доннелл почему-то решил, что стражник немой. Он скрепил порванную цепь, и теперь она висела у него на шее. Он показал стражнику Знак, свешивавшийся на халат, и стражник с глубоким почтительным поклоном отпер ворота.

О'Доннелл глубоко вздохнул и решительно двинулся вперед. Теперь он оказался в самом логове льва, и не пристало ему колебаться или отступаться от своих намерений. Перед ним был сад, выходивший в открытый двор, окру-

женный арками на мраморных колоннах. Он пересек двор, и при этом ему никто не встретился. На противоположной стороне стоял мрачный узбек, опираясь на копьё. Он пристально разглядывал О'Доннелла, однако молчал. По спине О'Доннелла бежали мурашки, когда он проходил мимо этого воина, однако стражники с любопытством смотрели на золотой овал, лежавший поверх шелкового халата.

Наконец О'Доннелл оказался в коридоре, стены которого были украшены золотыми фризами. Он как ни в чем не бывало шел вперед, и по дороге ему встречались только рабы в мягких сандалиях, которым не было до него никакого дела. По этому коридору он дошел до другого, более широкого коридора, богато задрапированного гобеленами, и тут его сердце ушло в пятки.

Из двери с аркой вышел высокий стройный человек в длинных одеждах, отделанных мехом, и шелковом тюрбане и знаком велел О'Доннеллу остановиться. У этого человека было бледное лицо перса с маленькой острой бородкой и большими темными глазами. Так же, как и стражники, он внимательно взглянул на талисман на груди О'Доннелла — несомненно, знак того, что его обладатель вне всяких подозрений.

— Идем со мной! — повелительно произнес перс. — У меня есть для тебя работа.

И не пускаясь в дальнейшие объяснения, он пошел по коридору, словно был уверен, что О'Доннелл без лишних вопросов последует за ним. Так оно и было: американец шел за пер-

сом, рассудив, что именно так повел бы себя любой из Хранителей Сокровища. Он знал этого перса. Это был Ахмед-паша, визирь Шайбархана. О'Доннелл не раз видел его на улицах гарцующим на коне во главе королевского отряда.

Перс вошел в небольшую сводчатую комнату без окон, слабо освещенную бронзовым светильником. Стены здесь были завешены тяжелыми гобеленами. Ахмед-паша отодвинул гобелен за грудой подушек и открыл потайной альков.

— Встань здесь и держи наготове саблю,— приказал он. Потом, немного поколебавшись, спросил: — Ты умеешь говорить или понимать какой-нибудь из франкских языков?

Мнимый курд отрицательно покачал головой.

— Вот и хорошо! — удовлетворенно сказал Ахмед-паша. — Ты должен смотреть, а не слушать. Наш господин не доверяет человеку, с которым он должен встретиться. Ты будешь стоять за спиной этого человека. Наблюдай за ним, как ястреб. Если только он сделает какое-нибудь подозрительное движение, смело руби ему голову. Если с нашим господином случится беда, тебе не жить.

Он помолчал несколько мгновений, потом приказал

— И спрячь этот знак, олух! Неужели весь мир должен знать, что ты эмир Сокровища?

— Слушаю и повинуюсь, ваша светлость,— пробормотал О'Доннелл, убирая знак под одежду.

Ахмед-паша задвинул гобелены и вышел из комнаты. О'Доннелл смотрел сквозь крохотную щелку между гобеленами, ожидая, когда смолкнут мягкие шаги визиря, чтобы продолжить поиски сокровищ.

Но прежде чем он смог выйти из своего убежища, раздались негромкие голоса, и в комнату с разных сторон вошли два человека. Один из них низко поклонился и не соглашался садиться, прежде чем второй не расположился на подушках и жестом позволил собеседнику сесть.

О'Доннелл знал, что видит перед собой Шайбар-хана, в прошлом наводившего ужас на киргизские степи, а теперь волею судьбы ставшего повелителем Шахразара. Узбека отличало могучее телосложение, однако его толстые руки и ноги давно обмякли от легкой жизни. В его глазах по-прежнему горел неукротимый огонь, но мышцы лица обвисли и выдавали приверженность к пьянству. И еще О'Доннелла удивил обеспокоенный настороженный взгляд. О'Доннелл подумал, что такой взгляд — плата за владение несметными богатствами.

Второй человек был стройным и смуглолицым, из-под роскошного, отделанного горностаем кафтана виднелась скромная одежда, пояс был расшит жемчугом, а на голове зеленый с изумрудным гребнем тюрбан хана.

Этот иноземец сразу же начал оживленно и настойчиво говорить, хотя и приглушенным голосом. Говорил он один; Шайбар-хан внимательно слушал, время от времени кивая головой. Усталость и скука исчезли с лица хана,

глаза заблестели, а рука невольно сжалась, будто она держала рукоятку меча, который прокладывал хану дорогу к власти и могуществу.

А Кирби О'Доннел тут же позабыл о том, что сетовал на случай, из-за которого оказался за гобеленами, словно в плену. Хан и его собеседник говорили на языке, которого американец не слышал уже многие годы, — на одном из европейских языков. Разглядев как следует иноземца, О'Доннелл почувствовал себя сбитым с толку. Если этот человек был европейцем, одетым, как житель Востока, то О'Доннелл встретил человека, равного ему в искусстве маскарада.

Разговор шел о европейской политике, о той политике, что лежала за пределами интересов Востока. Он говорил о войне и завоеваниях, о многочисленных ордах, устремившихся через Кибар в Индию; о том, что надо уничтожить устаревшее правительство.

Чужеземец обещал Шайбар-хану власть, могущество и почести, однако О'Доннелл быстро понял, что узбек всего лишь пешка в большой игре, такая же пешка, как и все остальные правители, которых упоминал гость. Узколобый и недалёковидный хан грезил о горном королевстве для себя, о том государстве, что раскинулось между Персией и Индией, надеялся на поддержку европейского оружия, не понимая, что это самое оружие обратится против него, когда придет время.

О'Доннелл со своей западной мудростью слышал то, что чужеземец не высказывал открыто.

За всем, что он говорил, явно угадывались планы имперских завоеваний, намерение европейцев захватить половину Азии. Первой пешкой в этой игре должен был стать Шайбар-хан. Чужеземец предлагал ему нанять огромное войско. Каким образом? С помощью сокровищ Хорезма! С этими сокровищами Шайбар-хан мог купить всех воинов Центральной Азии.

Так говорил смуглый человек, а узбек внимал ему, как старый волк, который прислушивается к шагам овцы по снегу. Слушал и О'Доннелл, и кровь застывала в его жилах от картин, которые рисовал смуглый чужеземец, от разговоров о захватах и жертвах; чем дальше, тем чудовищнее казались планы завоеваний, и О'Доннелл дрожал от безудержного желания выскочить из своего укрытия и изрубить в куски обоих этих кровавых шайтанов. Только инстинкт самосохранения удержал его от этого безумного поступка; и вскоре Шайбар-хан окончил аудиенцию и покинул комнату. Смуглый чужеземец последовал за ним. О'Доннелл видел игравшую на его лице улыбку, как бы утверждавшую, что одержана легкая победа.

Не успел О'Доннелл отодвинуть в сторону гобелен, скрывавший его, как в комнату вошел Ахмед-паша. Американец подумал, что будет лучше, если визирь сам найдет его на посту. Однако прежде чем Ахмед-паша успел заговорить или отодвинуть гобелены, в коридоре слышалось шлепанье босых ног, и в комнату ворвался задыхающийся человек с безумными глазами. Когда О'Доннелл увидел его, красный

туман поплыл у него перед глазами. Это был Яр-Акбар!

* * *

Африди упал на колени перед Ахмед-пашой. Его одежда была изодрана; изо рта по бороде стекала струйка крови.

— О господин,— тяжело выдохнул он,— пес улизнул!

— Улизнул!

Визирь выпрямился во весь свой огромный рост, и его лицо перекошилось от гнева. О'Доннеллу показалось, что он хотел ударить африди, однако рука визиря, дернувшись, замерла.

— Мы напали на него в темной аллее,— проговорил Яр-Акбар.— Он дрался, как сам шайтан. К нему подоспели на помощь, и сперва мы подумали, что это целая шайка турок, но это оказался всего один человек. Он тоже дрался, как дьявол. Вот почему из моей раны до сих пор идет кровь. Несколько часов кряду мы пытались найти их, но нам не удалось разыскать и следа. *Он* перебрался через стену и сбежал!

В волнении Яр-Акбар теребил цепочку на шее; на этой цепочке висел точно такой же овал, как и у О'Доннелла. Американец понял, что Яр-Акбар тоже был эмиром Сокровища. Глаза африди мерцали в полумраке по-волчьи, и его голос прерывался.

— Тот, кто ранил меня, убил Османа,— прошептал он,— и сорвал с него Знак.

— Пес! — от удара визиря африди распротерся на полу. Ахмед-паша был в ярости.— По-

зови сюда остальных эмиров Внутреннего Покоя, быстро!

Яр-Акбар выскочил в коридор, а Ахмед-паша позвал:

— Эй ты там, за занавесками, выходи!

Отклика не последовало, и, побледнев от внезапного подозрения, Ахмед-паша выхватил кривой кинжал и отбросил в сторону гобелен. Альков был пуст.

В комнату вбежал Яр-Акбар в сопровождении эмиров. Все они были высоки ростом и могучего телосложения: узбеки, афганцы, джил-заи, патанцы... Ахмед-паша быстро пересчитал их. Вместе с Яр-Акбаром их было одиннадцать.

— Одиннадцать,— пробормотал он.— А погибший Осман был двенадцатым. Ты знаешь всех этих людей, Яр-Акбар?

— Даю голову на отсечение! — воскликнул африди.— Они все настоящие эмиры.

Ахмед-паша потербил пальцами бороду.

— Значит, клянусь истинным Богом,— про-рычал он,— тот курд, которому я поручил охранять хана, был вероломным шпионом.

В этот миг по дворцу разнеслись звуки ударов и лязг стали.

Когда О'Доннелл услышал, как Яр-Акбар рассказывал визирю свою историю, он понял, что проиграл эту игру. Он, однако, был уверен, что из алькова есть еще выход; пошарив по панелям стены чуткими пальцами, он нашел и нажал потайной рычаг. За миг до того, как Ахмед-паша откинул в сторону гобелен, американец протиснулся через отверстие в стене и

оказался в сумрачной комнате по другую сторону стены. Здесь стоял возле двери черный раб, но О'Доннелл беспрепятственно прошел через комнату и вышел в дверь.

Он опять оказался в коридоре, в который выходила и дверь первой комнаты. Из-за занавески, которая закрывала вход в соседнюю комнату, он увидел Яр-Акбара в сопровождении эмиров. Кроме того, сейчас он разглядел в конце коридора мраморную лестницу.

Его сердце радостно забилося. Без сомнения, где-то там было сокровище, и сейчас оно явно никем не охранялось. Как только эмиры скрылись в комнате, в которой их ждал визирь, О'Доннелл, стараясь двигаться бесшумно, побежал по коридору.

Однако когда он оказался возле лестницы, черный раб, сидевший на ступенях, вскочил и выхватил кривую саблю. Несомненно, ему был дан соответствующий приказ, потому что вид Знака на груди О'Доннелла не остановил его. О'Доннелл также выхватил оружие и бросился на чернокожего, тот громко и отчаянно вскрикнул.

О'Доннелл взмахнул саблей, и чернокожий упал к его ногам с перерезанным горлом. Однако крик черного раба был услышан.

Эмиры Сокровища все как один выскочили из комнаты, куда их привел Яр-Акбар, и бросились к лестнице, словно стая волков. Им не нужен был специальный приказ Ахмед-паши, чтобы действовать. Все они были отчаянными головорезами, и О'Доннеллу даже показалось,

что они набросились на него, когда еще не успело замолкнуть эхо от крика погибшего раба.

Первого из эмиров, длинноволосого патанца, О'Доннелл встретил резким выпадом, его сабля вонзилась в горло неприятеля прежде, чем он успел взмахнуть своим кривым лезвием. Следующим оказался высокий узбек с тяжелым мечом. О'Доннелл успел отразить удар меча, который пришелся возле рукоятки сабли, и упал на колени.

Однако в следующее мгновение кинжал в его левой руке сделал свое дело, О'Доннелл вложил в этот удар всю силу своего тела. Кинжал легко вошел в грудь эмира, и О'Доннелл отбросил от себя тело поверженного узбека. Он повернулся на ступеньке и побежал вверх по лестнице, чуя за спиной свою гибель.

От лестничной площадки наверх вела еще одна лестница. Одним прыжком перемахнув через площадку, О'Доннелл повернулся лицом к преследователям.

Над схваткой в дверном проеме под аркой за занавесками мелькнуло широкое бледное лицо Шайбар-хана, и О'Доннелл мысленно поблагодарил хана за его страх перед огнестрельным оружием, благодаря которому во дворце не было ни одного ружья или мушкета. Если бы это было не так, О'Доннелла давно бы пристрелили как бешеную собаку. У него не было ружья; пистолет, с которым он нустился в это далекое и опасное путешествие, потерялся где-то в снегах Гималаев.

Да, впрочем, это было не важно; всегда и везде он отдавал предпочтение холодной стали.

Однако не было такого оружия, которое могло бы сдержать натиск волчьей стаи на ступенях этой лестницы.

Он был на верхних ступенях, и такая позиция давала ему больше шансов остаться в живых. Его преследователи толпились на узкой лестнице, и им мешало само их количество. Им было тесно, и они никак не могли дотянуться до О'Доннелла. У него мелькнула было мысль, что сверху на него тоже могут напасть, однако этого не случилось. Он медленно отступал, отбивая удары кривых сабель, ругая и осыпая преследователей всяческими проклятиями. Однако даже в пылу схватки он не забывал, что должен говорить на восточных языках, так что никому бы не пришло в голову, что этот безумец, которому удалось проникнуть во дворец, не курд.

Он успел получить в этой схватке по меньшей мере десяток ран, каждая из которых кровоточила. Но вот наконец он добрался до верхней площадки лестницы. Эмиры пытались стащить его вниз. Один из них обхватил его колени, другой тянулся саблей к его голове. Остальным было не достать О'Доннелла, и они толпились на нижних ступенях.

О'Доннелл увернулся от удара кривой сабли, и его сабля опустилась на голову одного из эмиров. Кинжал в левой руке ударил в грудь того эмира, который пытался за ноги стащить О'Доннелла со ступенек. Отбросив вниз ногой обмякшее тело, он повернулся и пробежал через площадку. Огромным усилием он рванул на себя тяжелую окованную железом дверь и, зах-

лопнув ее за собой, в изнеможении прислонился к ней спиной.

Треск дерева за спиной заставил его отодвинуться в тот самый момент, когда острие чьего-то клинка пробило доски и просунулось из двери, блеснув в звездном свете. Он нашел засов и запер дверь, после чего лег возле нее. Он не знал, сколько времени выдержит эта дверь и когда эмирам удастся взломать ее.

Он оказался на плоской крыше, в самой высокой точке дворца. Поднявшись, он подошел к краю и взглянул вниз. Отсюда не было никакого выхода. Он почувствовал себя загнанным в ловушку.

Дворец окутывала предрассветная мгла. Дворцовая крыша была намного выше любых других крыш Шахразара. О'Доннелл едва различил вдали скалы, окружавшие долину, в которой расположился Шахразар; вдалеке поблескивали спокойные воды медленной реки. Долина простиралась на юго-восток и на северо-запад.

Внезапно ночной ветер донес до ушей О'Доннелла странные звуки, похожие на далекие выстрелы. Он взглянул на северо-запад, туда, где, как он знал, долина переходила в узкое ущелье, возле входа в которое уютно расположилась небольшая деревушка. На горизонте темное небо озарилось красным. Опять прозвучал выстрел, похожий на раскат грома.

Откуда-то снизу донесся цокот копыт, замерший возле дворцовых ворот. Потом наступила тишина, и в этой тишине слышны были только возгласы его преследователей эмиров,

пытавшихся выломать дверь на крышу. Внезапно и эти звуки смолкли и сменились гробовым молчанием; в тишине что-то неразборчивое прокричал далекий пронзительный голос. Внезапно улицы ожили: послышались женские вопли и строгие крики мужчин.

В дверь перестали стучать. Вместо этого звуками наполнился двор. Слышалось бряцание оружия, чей-то голос истерически выкрикивал какие-то приказы.

О'Доннелл услышал топот многих копыт, увидел факелы, загоревшиеся на улицах и осветившие город. Всадники двигались к северо-западным воротам. В предрассветной темноте отчетливо были видны вспышки выстрелов.

Пожав недоуменно плечами, он сел, прислонившись к высокому парапету, и положил саблю на колени. Тут сама Природа одолела его, и, несмотря на шум внизу и свою бурлящую кровь, он заснул.

* * *

Он спал недолго, а когда проснулся, рассвет едва успел высветить горные вершины. Повсюду слышались звуки выстрелов, и, подобравшись к самому парапету, он понял причину этого. Шахразар был наводнен всадниками в одежде из овечьих шкур и в меховых шапках. Под огнем шарахались кони, а сами воины стреляли из-за каждого камня, из-за каждого дерева. Их полчища перебирались через пересохшую реку, между ивами на ее берегах воины целились в оборонявших стены дворца.

Туркмены Оркана Богатура! Вот что означали вспышки в ближней деревне. Туркмены редко нападали по ночам, но у Оркана были свои правила.

Узбеки толпились на стенах, и О'Доннеллу показалось, что он видит массивную фигуру и украшенный гребнем тюрбан Шайбар-хана среди прочих важных персон. Взглянув на улицы Шахразара, он понял, что всякий узбек, который мог держать в руках оружие, защищал дворцовые стены. Это была не просто туркменская вылазка, это была настоящая война, война на уничтожение.

Ирландская природная смелость закипела в жилах О'Доннелла, как густое вино. Он метнулся к запертой двери, открыл ее и взглянул на лестницу. На ступеньках так и лежали тела убитых, бездыханные с остекленевшими глазами. Он спустился по лестнице, сжимая в руке саблю, и не встретил на своем пути никого. Выглянув в широкий коридор, он также никого не увидел. Бегом он добежал до лестницы, на которой убил черного раба, и оказался в большой комнате с единственной дверью, завешенной гобеленом.

Внезапно прогремел выстрел; он успел увидеть вспышку в стороне. Пуля просвистела над его ухом, и одним прыжком он оказался рядом с завешенной шторами нишей и вытащил оттуда упиравшегося человека. Это был Ахмед-паша.

— Проклятый шайтан! — визирь с бешенством отбивался. — Я так и знал, что ты придешь сюда! Да проклянет Аллах тот гашиш, благодаря которому моя рука потеряла твердость!

Его кинжал распорол одежду О'Доннелла, из раны полилась кровь. Мускулы перса были словно железными под шелком халата. Вложив в усилие всю тяжесть своего веса, американец с треском ударил голову визиря о каменную стену. Тело перса обмякло, он сумел лишь вскрикнуть, и кинжал в левой руке О'Доннелла вонзился в его тело.

Американец подхватил мертвого Ахмед-пашу и спрятал тело за шторами. Его внимание привлекла связка ключей на поясе перса. Он взял ключи и вошел в дверь, закрытую гобеленом.

Через несколько мгновений он оказался перед следующей дверью из тисового дерева, обитой медью с красивыми гравированными узорами. Эта дверь могла бы выдержать артиллерийские удары, такой она была массивной. Немного повозившись с ключами, О'Доннелл подобрал нужный, и дверь отворилась. Он попал в узкий коридор, слабо освещенный каким-то странным светом, с мраморными стенами и выложенным мозаикой полом. На первый взгляд этот коридор заканчивался тупиком, О'Доннелл увидел перед собой гладкую мраморную стену, но в следующий миг, когда глаза привыкли к слабому свету, в мраморной стене он обнаружил узкую щель.

Было похоже на то, что в спешке потайную дверь оставили приоткрытой. О'Доннелл прислушался. До него не доносилось ни единого звука, и он решил, что Ахмед-паша, понадеявшись на самого себя, оставил сокровище без охраны. Надо было отдать должное отчаянной храбрости перса.

О'Доннелл потянул на себя край тайной двери и едва сдержал сдавленный изумленный крик. Перед ним лежало древнее сокровище Хорезма, и вид этого богатства заставил американца на миг замереть.

Он стоял в круглой комнате, и через невидимые щели в разноцветном куполе в нее проникал тусклый свет. В этом свете была отчетливо видна огромная сверкающая пирамида, возвышавшаяся на постаменте из цельного куска яшмы. Богатство было таким, что даже самое пылкое воображение не смогло бы представить себе его размеры. Пирамида состояла из слитков чистого золота и серебра, украшений из золота с эмалью, необыкновенной красоты жемчуга, бриллиантов, слепивших глаза своим сиянием; рубины сверкали как капли крови, изумруды были подобны брызгам зеленого огня, сапфиры загадочно мерцали — мозг О'Доннелла отказывался признать то чудо, на которое он смотрел. Этого богатства, без сомнения, было достаточно, чтобы купить всех до единого воинов Азии.

До его слуха внезапно донесся какой-то звук из коридора. Кто-то, тяжело дыша, торопливо приближался к круглой комнате. Быстро оглядевшись, О'Доннелл скользнул за тяжелую драпировку, покрывавшую стены. Там была ниша, в которой, вероятно, когда-то стоял древний языческий идол; О'Доннелл легко уместился в ней и, осторожно приоткрыв портьеру, стал наблюдать.

В комнату вошел не кто иной, как Шайбархан, его богатые ханские одежды были порваны и выпачканы. Горящими глазами он уставился

на сокровища и в отчаянии завыл, затем громким голосом позвал Ахмед-пашу.

В комнате появился еще один человек, но это был не визирь — тот лежал мертвым в одной из комнат наружного коридора, где его тело спрятал О'Доннелл. Словно огромный серый волк, в комнату бесшумной походкой вошел Яр-Акбар.

— Почему сокровища оставили без охраны? — грозно спросил его Шайбар-хан. — Где Ахмед-паша?

— Он отправил нас на стену, — ответил Яр-Акбар, подобострастно кланяясь. — Он сказал, что сам будет охранять сокровища.

— Что за чепуху ты несешь? — Шайбар-хан затрясся, словно в лихорадке. — Мы погибли. Народ поднялся против меня и открыл ворота этому проклятому Оркану Богатуру. Его туркмены перерезали на улицах моих узбеков, но сокровище ему не достанется. Ты видишь тот золотой замок, который торчит из стены, как рукоятка меча из ножен? Стоит мне только потянуть за него, и все это богатство улетит в подземную реку, которая протекает под дворцом. Оно будет навсегда потеряно для кого бы то ни было. Яр-Акбар, я даю тебе последний приказ — нажми на этот замок!

Яр-Акбар завыл и вцепился себе в бороду, но его глаза налились кровью, как у хищного зверя. Кусая губы, он неотрывно смотрел на сверкающую пирамиду.

— Нет, господин, заставь меня делать все, что угодно, только не это!

— Тогда я сам это сделаю!

Шайбар-хан двинулся к замку и протянул руку, чтобы взяться за него. С диким пронзительным криком Яр-Акбар прыгнул ему на спину. Раздался сдавленный крик Шайбар-хана, и О'Доннелл сквозь щель в портьерах увидел острый конец длинного ножа, вышедший из груди хана. Узбекский хан широко раскинул руки, его глаза закатились, и он упал вниз лицом. Яр-Акбар с ненавистью пнул ногой мертвое тело хана.

— Болван! — злобно прошипел он. — Я выкуплю свою жизнь у Оркана Богатура, имея такое сокровище, я могу рассчитывать на его милость. Теперь, когда все другие эмиры мертвы...

Внезапно он застыл, и его рука, сжимавшая окровавленный кинжал, задрожала. Прямо перед ним откинулась портьера, и в комнату шагнул О'Доннелл.

— О Аллах! — в ужасе воскликнул Яр-Акбар. — Проклятый курд!

— Взгляни-ка на меня повнимательнее, Яр-Акбар! — с усмешкой ответил О'Доннелл, отшвырнув в сторону свой восточный плащ и заговорив по-английски. — Разве ты не помнишь хребет Из Эддин и тех разведчиков, которые попали там в ловушку из-за твоего предательства? Но одному из них все же удалось скрыться. Знай это, поганный пес!

Глаза Яр-Акбара налились кровью.

— Эль-ширкух! — пробормотал он, назвав О'Доннелла его афганским именем, которое означало Горный Лев. Затем, внезапно зарывчав, он высоко подпрыгнул, и перед глазами О'Доннелла сверкнул длинный кинжал.

Он не двинулся с места, лишь слегка отклонился в сторону, чтобы избежать удара, и кинжал скользнул у него подмышкой, разорвав халат. В то же мгновение О'Доннелл схватил руку Яр-Акбара с кинжалом и резко вывернул ее. Вскрикнув от боли, эмир выронил кинжал и тут же вновь прыгнул на О'Доннелла, увлекая его на пол.

Они начали бороться на полу, и Яр-Акбар, схватив одной рукой О'Доннелла за волосы, другой рукой попытался дотянуться до валявшегося рядом кинжала. Это ему удалось, и, судорожно вцепившись в рукоятку кинжала, эмир занес его над головой, но вонзить не успел — клинок О'Доннелла вошел ему прямо в сердце. Не издав ни единого звука, Яр-Акбар судорожно дернулся всем телом и замер в луже собственной крови.

О'Доннелл поднялся и, бросив взгляд на бездыханные тела на полу, перевел глаза на сверкающую грудю соковок. Его душа так жаждала этого богатства многие годы, и вот теперь оно было перед ним. Но есть ли у него возможность спрятать его под самым носом у заседавших туркменов? Если бы ему это удалось, он постарался бы исчезнуть, чтобы вернуться позже и унести сокровища. Раньше ему приходилось совершать и более отчаянные поступки.

Но в его мозгу вдруг отчетливо возник образ смуглого стройного чужеземца, говорившего на одном из европейских языков. Именно жажда этого сокровища вывела Оркана Богатура из его степей; но в его руках сокровище могло бы стать таким же опасным, каким оно было в руках Шайбар-хана. Власть, которую представлял

смуглый чужеземец, могла бы договориться с туркменами так же легко, как с узбеками.

Нет, один восточный авантюрист, обладающий сокровищем, был бы так же опасен для мира в Азии, как и другой. О'Доннелл не мог допустить, чтобы Оркан Богатур нашел эту груду сверкающего богатства — испарина выступила на лбу у О'Доннелла, когда он представил себе, каких бед в мире может натворить дикарь, обладающий таким сокровищем. Он подумал о реках крови, которые могут пролиться в Индии, и, пробормотав проклятие, схватил ручку золотого замка и потянул ее вниз. С тихим шорохом в полу открылось отверстие, и яшмовый постамент сдвинулся с места. Когда отверстие в полу стало достаточно большим, он перевернулся и исчез в темной дыре, а вместе с ним исчезло и все то сказочное богатство Хорезма, о котором ходили легенды. Напоследок сверкнули сотни разноцветных искр. Далеко внизу раздался приглушенный расстоянием всплеск и шум бегущей воды; затем наступила тишина, и на том месте, где была черная дыра, появилась круглая плита из того же простого камня, что и весь пол в круглой комнате.

Бросив на эту плиту последний взгляд, О'Доннелл поспешно вышел из комнаты. Он не хотел, чтобы его в ней обнаружили туркмены, которые тогда обязательно связали бы его пребывание там с исчезновением сокровища, ради которого они прокладывали сюда кровавый путь. Пусть уж лучше они думают, что Шайбар-хан куда-то его перепрятал, а затем был убит, и тайна умерла вместе с

ним. О'Доннелл благополучно вышел из дворца во двор и увидел там смуглых воинов в накидках из овечьих шкур и высоких меховых шапках. Почти у всех на груди виднелись патронташи, а на поясах висели ятаганы. Один из них поднял ружье, направив его в сторону О'Доннелла.

Но в то же мгновение чей-то знакомый голос воскликнул:

— Клянусь Аллахом, это же мой друг Али эль-Гази!

Навстречу О'Доннеллу шагнул высокий человек в колпаке из шкуры белой ламы и в кафтане, украшенном мехом горностая. О'Доннелл узнал человека, которому он помог вчерашней ночью в темной аллее.

— Я Оркан Богатур,— широко улыбаясь, воскликнул вождь туркменов.— Подними свою саблю, друг. Шахразар мой. Головы узбеков выставлены на кольях на базарной площади. Когда я прошлой ночью избежал неминуемой смерти, они не догадались, что мои воины ждут меня в горах. Но теперь я повелитель Шахразара! А ты мой верный друг и советник. Проси все, что хочешь,— ты получишь даже свою долю из Сокоровиц Хорезма, когда мы их найдем.

«Когда ты их найдешь»,— мысленно ответил О'Доннелл, вкладывая в ножны свою саблю. Американец был в какой-то степени фаталистом. Из этого приключения он, по крайней мере, вышел живым, а все остальное было уже в руках Аллаха.

— Аллах велик и всемогущ,— вслух сказал О'Доннелл, пожимая руку своему новому другу.

МОЛЧАНИЕ ИДОЛА

В

афганской аллее, по которой ощупью пробирался переодетый курдом Кирби О'Доннелл, было темно, как в преисподней. До него донесся пронзительный крик, разом изменивший его планы и намерения. Предсмертные крики не были в диковинку на извилистых аллеях Медины эль-Харами, города воров. Человек осторожный

и робкий и не подумал бы ввязываться в какую-нибудь историю, которая вовсе его не касалась, однако О'Доннелл не отличался ни осторожностью, ни робостью, и его воинственная ирландская душа не позволила ему пройти, не откликнувшись на призыв о помощи.

* * *

Повинуясь своей интуиции, он свернул туда, где темноту аллеи прорезал узкий пучок света, и в следующее мгновение уже глядел в щель между ставнями, закрывавшими окно в толстой каменной стене. То, что он увидел, вызвало в нем вспышку гнева, окатившего его горячей волной. Хотя долгие годы странствий и приключений в самых разных уголках земли закалили его и сердце его огрубело, О'Доннелл не мог остаться равнодушным к зрелищу жестокой пытки.

Перед ним была большая комната, украшенная бархатными драпировками и пышно убранная дорогими коврами, в ней стояло несколько кушеток. Возле одной из кушеток столпились люди: семеро смуглых юсуфзайских головорезов и еще двое, про которых он не мог бы сказать ничего определенного. На кушетке лежал обнаженный до пояса человек, по виду принадлежавший к племени вазири. Сложения он был могучего, но четверо здоровенных бандитов держали его запястья и ноги. Они держали его так крепко, что он не мог пошевелиться, и видно было, как напряжены мышцы его рук и плечи. Глаза его были нали-

ты кровью, а широкая грудь блестела от пота, и О'Доннелл тут же понял, почему. Гибкий человек в красном шелковом тюрбане серебряными щипцами взял из дымящейся жаровни раскаленный уголь и поднес этот уголь к обнаженной груди, на которой были видны следы ожогов.

Другой человек, выше того, на котором был красный тюрбан, задал какой-то вопрос, которого О'Доннелл не разобрал. Вазири свирепо замотал головой и с яростью плюнул в говорившего. В следующее мгновение уголь упал к нему на грудь, вызвав у несчастного нечеловеческий вопль. В это самое мгновение О'Доннелл изо всех сил дернул ставни.

Будучи полуирландцем-полуамериканцем, он не отличался богатырским сложением, но был словно стальной. Ставни с треском раскрылись, и он оказался посреди комнаты, держа в одной руке обнаженную саблю, а в другой кинжал. Палачи повернулись к нему и замерли в изумлении.

Свисающий конец завязанного по-курдски шарфа закрывал его лицо, так что видны были только горящие от ярости и гнева глаза. Немая сцена длилась лишь мгновение, и сразу же все пришло в движение.

Человек в красном тюрбане что-то выкрикнул, и навстречу непрошеному гостю двинулся один из бандитов. Он уже занес для удара руку с длинным ножом, но ударить так и не успел: взмах сабли опередил его, и кисть руки, продолжая сжимать нож, отлетела в сторону. Длин-

ный узкий клинок О'Доннелла в левой руке пронзил горло головореза, и тот свалился замертво.

Одним прыжком американец оказался рядом с Красным Тюрбаном и его высоким помощником. Он не боялся, что они пустят в ход огнестрельное оружие. Ночные выстрелы в этой аллее Шайтана неминуемо повлекли бы за собой расследование, а этого бандиты, очевидно, не хотели.

Он оказался прав. Красный Тюрбан выхватил нож, а высокий саблю.

— Руби его, Джаллад! — прорычал Красный Тюрбан, отступая от американца. — Ахмет, на помощь!

Тот, кого звали Джаллад, что значит — палач, отразил удар О'Доннелла и снова взмахнул саблей. О'Доннелл уклонился от удара, отпрыгнув в сторону с ловкостью, которой могла бы позавидовать голодная пантера. Этот прыжок спас его и от Красного Тюрбана, который подкрадывался с ножом. Красный Тюрбан с визгом отскочил назад, однако длинное лезвие кинжала О'Доннелла распорол его шелковый жилет и царапнуло кожу. Споткнувшись о тяжелый табурет, он упал, однако О'Доннелл не успел использовать свое преимущество: Джаллад наносил удар за ударом. Американцу пришлось защищаться, а не нападать самому.

Отражая удары сабли, он увидел, что к нему направляется бандит, которого Красный Тюрбан назвал Ахметом. Ахмет держал за ствол

старый мушкет. Одним ударом тяжелого приклада можно было бы с легкостью разбить человеку голову. Красный Тюрбан поднимался на ноги, и спустя мгновение О'Доннелл оказался бы окруженным с трех сторон.

Он не стал этого дожидаться. Сильный удар его сабли заставил Джаллада отступить, и О'Доннелл, извернувшись по-кошачьи, бросился навстречу Ахмету. Тот с криком занес над головой мушкет, но атака американца была столь стремительной, что ударить его прикладом Ахмет уже не успел. Бандит упал с распоротым животом.

С диким яростным криком Джаллад устремился к О'Доннеллу, однако американец даже не взглянул в его сторону.

Между ним и лежавшим на кушетке вазири никого не было. Одним прыжком он преодолел это расстояние и оказался лицом к лицу с теми четырьмя головорезами, которые все еще держали пленника. Они словно по команде отпустили несчастного и выхватили кривые сабли. Удар одного из них предназначался пленному, но тот избежал его, скатившись с кушетки на пол. В следующий миг О'Доннелл уже стоял между ним и его мучителями. Зазвенела сталь. Американец начал медленно отступать назад, крикнув пленнику:

— Спасайся! Беги ты первым, я потом! Скорее!

— Собаки! — прорычал Красный Тюрбан, который вместе с Джалладом бежал через всю комнату. — Не выпускайте их!

— Подходи и попробуй сам вкус смерти, пес! — О'Доннелл дико засмеялся, едва ли не заглушая звон клинков. Однако даже в пылу жаркой схватки он не забывал, что должен говорить с курдским акцентом.

Ослабевший от перенесенных пыток вазири, пошатываясь, отодвинул засов и открыл дверь. Она выходила в маленький закрытый двор.

— Беги! — снова крикнул ему О'Доннелл. — Перебирайся через стену, я задержу их!

Он повернулся лицом к оставшимся в комнате бандитам, выставив вперед оба своих клинка. Вазири, спотыкаясь, побежал через двор, а его мучители бросились на О'Доннелла. Однако все они застряли в узком дверном проеме. Отражая их удары, О'Доннелл смеялся над ними и осыпал их бранью. Красный Тюрбан приплясывал позади всех, отчаянно ругаясь и призывая все известные ему проклятия на голову чертова курда. Джаллад пытался достать О'Доннелла саблей, но ему мешали его же люди. Сабля американца мелькнула в воздухе, как язык кобры, и один из бандитов, вскрикнув, упал замертво. Джаллад, споткнувшись о его тело, упал сверху. В следующее мгновение в дверном проеме барахтались, изрыгая мыслимые и немыслимые проклятия, все уцелевшие бандиты. Не дожидаясь, пока они выберутся из двери, О'Доннелл бросился к стене, за которой уже успел исчезнуть спасенный им вазири.

Подпрыгнув, О'Доннелл ухватился за край стены, подтянулся на руках и успел взглянуть

на черную ветреную улицу. Что-то тяжелое ударило его по голове. Это был тяжелый табурет, который Джаллад с невероятной силой бросил вслед О'Доннеллу. Однако американец уже не узнал, что именно обрушилось на его голову,— от полученного удара он потерял сознание и молча свалился со стены в темноту аллеи.

* * *

Очнулся О'Доннелл от того, что на его лицо попал слабый лучик света. Он сел, моргая, и схватился за оружие. Свет погас, и в наступившей темноте незнакомый голос произнес:

— Успокойся, Али эль-Гази. Я твой друг.

— Что ты за дьявол? — спросил О'Доннелл.

Он нашел свою саблю рядом на земле и теперь украдкой подтягивал под себя ноги, чтобы можно было быстро вскочить. Он был на улице, под той самой стеной, с которой упал, а незнакомец в призрачном свете звезд казался неясной большой тенью.

— Твой друг,— повторил он. Он говорил с персидским акцентом.— Тот, который знает твое имя. Зови меня Гассан. Это имя не хуже любого другого.

О'Доннелл поднялся на ноги, сжимая в руке саблю, и перс что-то протянул ему. В звездном свете О'Доннелл различил блеск стали, но прежде, чем взмахнуть саблей, увидел, что Гассан протягивал ему вперед рукояткой его собственный кинжал, подобранный на земле.

Гассан засмеялся:

— Ты подозрителен, как голодный волк, Али эль-Гази. Однако побереги свое оружие для врагов.

— Где они? — спросил О'Доннелл, взяв у Гассана кинжал.

— Они ушли в горы. По следу Запятнанного кровью Бога.

О'Доннелл схватил железной хваткой халат перса и свирепо взглянул в его насмешливые темные глаза.

— Будь ты проклят, что ты знаешь о Запятнанном кровью Боге? — Острие его кинжала коснулось кожи перса под ребрами.

— Я знаю это, — невозмутимо ответил Гассан. — Я знаю, что ты оказался в Медине эль-Харами, преследуя воров, укравших у тебя карту, с помощью которой можно найти сокровища богаче, чем казна Акбара. Я тоже кое-что разыскиваю. Я прятался здесь рядом и смотрел через дыру в стене, когда ты ворвался в комнату, где они пытали вазири. Как ты узнал, что это они украли твою карту?

— Я не знал этого! — воскликнул О'Доннелл. — Я услышал его крик и поспешил, чтобы прекратить пытку. Если бы я знал, что это именно за ними я охотился... Послушай, что еще тебе известно?

— Многое, — ответил Гассан. — Недалеко от города в горах, укрытый в совершенно неприступном месте, стоит древний замок, в который боятся попадать люди. Это запретное место, но один англичанин по фамилии Пемброк случайно набрел на этот замок. Войдя

внутри, он обнаружил там идола, полностью покрытого красными драгоценными камнями. Он назвал этого идола Запятнанным кровью Богом. Он не мог унести идола с собой, но составил карту, в надежде вернуться в замок. После этого он благополучно выбрался оттуда, но в Кабуле его зарезал один фанатик. Перед смертью он успел отдать карту курду по имени Али эль-Гази.

— Ну? — мрачно отозвался О'Доннелл. Дом за его спиной стоял темный и молчаливый. На улице не было слышно ничего, кроме шелеста листьев на деревьях да негромкого разговора его и перса.

— Карту украли, — сказал Гассан. — Ты знаешь, кто это сделал.

— Я не знал этого до сих пор, — ответил О'Доннелл. — Мне удалось узнать только, что ворами были англичанин Хоуклин и лишенный наследства афганский князь Джегунгир-хан. Один подлый слуга шпионил за умиравшим Пемброком, и все рассказал им. Я не знал их в лицо, однако мне удалось проследить их путь до этого города. Вечером я узнал, что они скрываются где-то в аллее Шайтана. Так что я просто искал их убежище, когда ввязался в эту историю.

— Ты дрался с ними, не зная, что это те самые люди, которых ты разыскивал! — воскликнул Гассан. — Вазири, которого они пытали, был Яр-Мухаммед, шпион Якуб-хана, предводитель джоваков, которые объявлены вне закона. Они узнали его, затащили в дом и пытали, чтобы он

рассказал им о тайных тропах, ведущих через горы. Эти тайные тропы известны только шпионам Якуба. Потом появился ты, и все дальнейшее тебе известно.

— Все, кроме того, что произошло, когда я вскарабкался на стену,— ответил О'Доннелл.

— Кто-то бросил тебе вдогонку тяжелый табурет,— сказал Гассан.— Когда ты упал без чувств со стены, они больше не обращали на тебя внимания, может быть, думали, что ты мертв. Им был нужен вазири, но я не знаю, удалось ему убежать или они поймали и убили его. Я знаю только, что вскоре они вернулись, в безумной спешке оседлали коней и уехали на запад, оставив мертвецов в доме. Тогда я подошел и открыл твое лицо, чтобы понять, кто ты такой, и узнал тебя.

— Значит, человек в красном тюрбане был Джегунгир-хан,— пробормотал О'Доннелл.— Но где же тогда Хоуклин?

— Он был одет, как афганец,— они называли его Джалладом, палачом, потому что он убил очень много людей.

— Никогда бы не подумал, что Джаллад был ферендгжи,— проворчал О'Доннелл.

— Люди не всегда оказываются теми, за кого себя выдают,— задумчиво отозвался Гассан.— Я знаю, например, что ты вовсе не курд, а американец по имени Кирби О'Доннелл.

На мгновение в воздухе застыло молчание. В этот краткий миг преграда между жизнью и смертью была тоньше человеческого волоса.

— И что из этого? — прошептал О'Доннелл голосом, не сулившим ничего хорошего.

— Да ничего! Как и ты, я хочу найти красного идола. Потому я и преследовал Хоуклина. Но мне не справиться с его бандой в одиночку. Тебе тоже одному их не одолеть. Мы можем объединиться. Давай последуем за ними и отберем у них идола!

— Хорошо, — О'Доннелл принял какое-то решение. — Но если только ты попытаешься сыграть со мной какую-нибудь шутку, я убью тебя, Гассан!

— Верь мне! — ответил Гассан. — Пойдем. У меня в караван-сараяе есть отличные кони, гораздо лучше, чем тот, на котором ты приехал в этот город воров.

Перс повел О'Доннелла по узким извилистым улочкам, мимо домов с решетчатыми балконами, вдоль темных дурно пахнувших аллей и остановился возле освещенной калитки в открытый двор. На его стук в окошечко выглянуло бородастое лицо, и после нескольких слов Гассана калитка отворилась. Гассан вошел как ни в чем не бывало, а О'Доннелл, следуя за ним, подозревал неладное. Он был почти уверен, что его ждет какая-то ловушка. Однако их действительно ждали кони, и по одному только слову хозяина караван-сарая заспанные слуги бросились седлать их. Они наполнили переметные сумки пакетами с едой. Гассан принес пару мощных винтовок и несколько заполненных патронташей.

Спустя недолгое время они выехали из западных ворот. Сонные стражники не останавли-

ливали их. Не проходило и часа, чтобы кто-нибудь не выезжал из Медины эль-Харам или не въезжал в нее.

Перс Гассан был дородным, но мускулистым, с широким умным лицом, на котором выделялись темные живые глаза. По тому, как он держал винтовку, можно было догадаться, что ему приходилось прибегать к ее помощи, с его пояса свисала сабля. О'Доннелл понимал, что Гассан будет храбро сражаться, если им придется вступить в схватку с бандитами. Но он понимал и то, насколько он может доверять Гассану. Этот персидский искатель приключений будет доброжелательным к нему только до тех пор, пока это будет нужно ему самому. Как только ему не будет нужна помощь О'Доннелла, он, не колеблясь, попытается убить своего компаньона и завладеть сокровищем целиком. Такие люди, как Гассан, коварны, как королевская кобра.

Хоуклина тоже можно сравнить с коброй, к тому же у него пятеро хорошо вооруженных отчаянных головорезов. Но О'Доннелл не хотел отступать перед превосходством сил. Ну что ж, его преимуществом станет ум и холодный расчет.

Когда рассвело, они уже ехали по узким теснинам, по обе стороны которых поднимались пологие холмы. Вдруг Гассан натянул поводья своего коня. Следы лошадиных копыт резко поворачивали в сторону от хорошей дороги и исчезали на скалистых голых камнях широкого плато.

— Здесь они свернули с дороги,— сказал Гассан.— Это следы коня Хоуклина. Мы не можем преследовать их по этим голым скалам. Ты внимательно рассматривал карту, когда она еще была у тебя? Куда нам теперь ехать?

О'Доннелл, рассерженный этой неожиданной заминкой, покачал головой.

— Карта зашифрована, и она не так долго оставалась у меня, чтобы я мог хорошо ее изучить. Главное, что на ней было,— это старая тропа, ведущая к замку. Она должна быть где-то недалеко отсюда. Однако замок обозначен на карте как Замок Акбара. Я никогда не слышал ни о таком замке, ни о его развалинах — ни в этих местах, ни где-нибудь еще.

— Смотри! — воскликнул Гассан, привстав на стременах, и его глаза блеснули. Он показывал рукой на скалу, высившуюся у горизонта в нескольких милях от них.— Это и есть Замок Акбара! Теперь он называется Скала Орлов, но в прежние времена его называли Замок Акбара. Я читал об этом в одной древней рукописи. Пемброк каким-то образом узнал об этом и назвал его на карте древним именем, чтобы сбить с толку тех, кто взлезет не в свое дело. Вперед! Джегунгир-хан, должно быть, тоже это знает. Мы всего на час отстаем от них, а наши кони лучше, чем их лошади.

О'Доннелл поехал впереди, изо всех сил пытаясь припомнить детали украденной карты. Обогнув скалу в юго-западном направлении, он мысленно провел линию от ее вершины к трем

пикам, видневшимся вдалеке на юге. После этого они с Гассаном быстро поехали на запад. Там, где они должны были пересечь воображаемую линию, они обнаружили следы древней тропы, поднимавшейся в горы. Карта не солгала, и память О'Доннелла не подвела его. Следы конских копыт указывали на то, что недавно по тропе проехали люди. Гассан был уверен, что это люди Хоуклина, и О'Доннелл согласился с ним.

— Они сверили путь по Замку Акбара так же, как и мы. Расстояние между нами сокращается. Но мы не должны слишком приближаться к ним. Наши силы неравны, их больше. Нам остается не показываться им на глаза, пока они не заберут идола. Тогда нападём на них и отнимем добычу.

Глаза Гассана блеснули, ему по душе была такая стратегия.

— Но нам надо быть осторожными,— сказал он.— Отсюда начинаются владения Якуб-хана, который грабит путников. Если бы они знали тайные тропы, они могли бы не встретиться с ним. Теперь им надо не попасться к нему в лапы. И мы тоже должны вести себя осторожно! Якуб-хан вовсе не друг мне, а курдов он попросту ненавидит!

* * *

В полдень они все еще ехали по заросшей, бесконечно петляющей старой тропе — это был слабый след заброшенной дороги.

— Если тот вазири добрался до Якуб-хана,— сказал Гассан, когда они двигались по узкому

ущелью между скалами,— джоваки будут наготове, чтобы встретить непрошенных гостей. Яр-Мухаммед не подозревает, кто такой Хоуклин на самом деле, и не знает, чем он занимался. Якуб тоже этого не знает. Я думаю, что он знает, где находится замок, но он слишком суеверен для того, чтобы проникнуть внутрь замка. Он боится духов и ничего не знает про идола. Пемброк был единственным человеком, вошедшим в замок, и только Аллах ведает, за сколько веков. Я слышал эту историю от его слуги, умершего в Пешаваре от укуса змеи. Хоуклин, Джегунгир-хан, ты и я — больше никто на свете не знает о существовании этого идола.

Внезапно им навстречу по ущелью выехал на коне стройный патанец с ястребиным лицом.

— Стойте! — повелительно крикнул он, подъезжая к ним с поднятой рукой, в которой, однако, не было оружия.— По какому праву вы едете по территории Якуб-хана?

— Осторожнее! — прошептал О’Доннелл.— Это джоваки. Впереди нас может ожидать десяток винтовок, нацеленных прямо на нас.

— Я дам ему денег,— так же тихо отозвался Гассан.— Якуб-хан собирает дань со всех, кто проезжает по его землям. Может быть, этому парню ничего больше не надо.

Поклонившись в седле, он обратился к джоваку.

— Мы всего лишь бедные путники, и мы будем рады заплатить дань вашему отважному предводителю. Мы едем одни.

— А кто же тогда там, за вами? — грозно спросил джоваку, кивнув головой в сторону, откуда они ехали. Гассан, забыв об осторожности, обернулся назад, продолжая держать монеты в вытянутой руке. В этот миг на смуглом лице джоваку появилось выражение злобного триумфа, и одним быстрым движением, как кобра, он выхватил кинжал и бросился на ничего не подозревавшего перса.

Однако ни был он стремителен, О'Доннелл оказался проворнее, чутьем угадав ловушку, в которую они попали. Когда кинжал уже был возле горла Гассана, сабля О'Доннелла блеснула на солнце, и сталь зазвенела о сталь. Кинжал выпал из руки патанца, и он, выругавшись, схватился за ружье, притороченное к седлу. Но прежде чем он сумел освободить ружье, О'Доннелл ударил во второй раз, и этот удар рассек надвое тюрбан и голову под ним. Конь джоваку дернулся и захрапел, сбросив с себя мертвого седока, и О'Доннелл повернул назад своего коня.

— Едем обратно, — выкрикнул он. — Это за-сада!

Короткая схватка заняла совсем немного времени. Но когда джоваку упал на землю, в ущелье прогремели ружейные выстрелы. Конь Гассана дернулся под ним и понес седока по ущелью, разбрызгивая кровь во все стороны. О'Доннелл направил своего коня вслед за Гассаном, которому так и не удалось справиться с обезумевшим от боли животным.

Они еще не домчались до выхода из ущелья, когда навстречу им выехали три всадника, все

трое джоваки, размахивая своими кривыми саблями. Обезумевший конь Гассана нес его прямо на них, и все усилия перса удержать животное оставались напрасными. В отчаянии он выхватил из-за спины винтовку и начал стрелять. Один из коней заржал и упал, сбросив седока. Второй всадник нелепо взмахнул руками и свалился под ноги своего коня. Третий всадник с дикой яростью набросился на Гассана, но перс увернулся от удара и проскакал мимо него на своем безумном коне.

В следующий миг О'Доннелл оказался один на один со всадником, который, пришпорив коня, взмахнул тяжелой кривой саблей. Американец тоже поднял саблю, и клинки скрестились, кони на всем скаку сшиблись друг с другом, и конь джоваки упал на передние ноги. О'Доннелл, поднявшись на стремянах, ударил изо всей силы, и мощный удар раскроил голову противника. О'Доннелл поскакал вслед за персом, ожидая, что в ущелье окажется полно вооруженных всадников. Однако выбора у него не оставалось. Откуда-то сзади вслед ему свистели пули и ударились о скалы.

Но, по всей вероятности, человек, устроивший эту засаду, посчитал, что стрелков, спрятанных в скалах, будет достаточно для того, чтобы расправиться с двумя людьми, и О'Доннелл не увидел впереди никого, кроме Гассана. Раненый конь Гассана остановился и упал, перс едва успел отскочить, чтобы его не придавило погибшее животное.

— Садись позади меня! — крикнул О'Доннелл, подъехав к персу, и Гассан, держа в руке винтовку, прыгнул в седло позади американца. О'Доннелл пришпорил коня, и тяжело нагруженное животное понесло их дальше по ущелью. Позади слышались крики, и стало ясно, что джоваки, оседлав своих коней, бросились в погоню. Ущелье повернуло в сторону, и крики стали тише. Однако и О'Доннелл, и Гассан понимали, что джоваки быстро настигнут их в этом ущелье, как стая голодных волков.

— Тот шпион вазир, должно быть, добрался до Якуб-хана, — прокричал Гассан. — Они хотят не золота, а крови. Как ты думаешь, они уничтожили Хоуклина?

— Хоуклин, должно быть, проскочил это ущелье до того, как появились джоваки, — ответил О'Доннелл. — А может быть, джоваки преследовали его, а потом заметили нас и устроили засаду. Я думаю, что Хоуклин где-то впереди нас.

— Это уже не важно, — отозвался Гассан. — Твой конь не унесет нас далеко. Он быстро устанет. А у джоваков кони свежие. Нам бы надо поискать такое место, где мы сможем остановиться и принять бой. Если нам повезет и удастся продержаться до темноты, может быть, мы сможем ускользнуть от них.

Так они проскакали около мили, все время слыша вдалеке позади звуки погони. Неожиданно они выехали из ущелья в некое подобие огромной чаши, окруженной отвесны-

ми скалами. С середины дна этой чаши начался постепенный подъем наподобие бутылочного горла, заканчивающийся выходом на эту естественную арену. О'Доннеллу почудилось в этой чаше что-то искусственное, но Гассан с криком спрыгнул с коня. Выход из чаши закрывала невысокая каменная стена. Раздался выстрел, конь дернулся и упал. Пуля, предназначенная О'Доннеллу, пробила голову животного.

О'Доннелл успел спрыгнуть с падающего коня и откатился за ближайшую скалу, за которой уже укрылся Гассан. Со стены продолжали стрелять, и пули звонко ударялись о валуны. О'Доннелл и Гассан мрачно переглянулись.

— Ну вот мы и нашли Хоуклина! — сказал Гассан.

— Да, а через несколько минут здесь будет Якуб-хан, и мы окажемся между дьяволом и глубоким морем, — угрюмо усмехнулся О'Доннелл. — Вот так в переплет мы попали! Впереди враги, позади в ущелье тоже, мы в ловушке.

За валунами можно было укрыться от пуль, летевших со стены, но когда из ущелья выедут сюда джоваки, валуны не спасут его и перса. Если они попробуют сменить позицию, то те, кто впереди, легко пристрелят их. Если же они останутся здесь, то их пристрелят джоваки.

Впереди раздался насмешливый голос:

— Выходите, мы вас быстро застрелим, выродки! — Хоуклин даже не пытался укрыть-

ся.— Тебя, Гассан, я знаю. Кто этот чертов курд? Я думал, что прошлой ночью разбил ему голову!

— Да, я курд! — ответил О'Доннелл.— Курд, которого зовут Али эль-Гази!

Хойклин удивленно смолк, затем выкрикнул:

— Я должен был раньше догадаться, кто ты такой, собака янки! Я хорошо знаю, кто ты! Ну, теперь это уже не имеет значения. Мы отправим тебя в преисподнюю!

— Скоро ты и сам отправишься туда, Хоуклин! — ответил О'Доннелл.— Слышишь там, в ущелье, выстрелы и крики?

— Конечно, слышу. Мы остановились напоить лошадей и уже были готовы двигаться дальше, когда услышали этот шум. Кто гонится за вами?

— Якуб-хан с сотней джоваков! — О'Доннелл намеренно преувеличил.— Когда они пристрелят нас, ты думаешь, они позволят вам спокойно уйти? Это после того как ты пытался выведать его секреты у одного из его людей?

— Тебе лучше пустить нас за стену,— крикнул Гассан, поняв, куда клонит О'Доннелл. В этом была их единственная надежда на спасение.— Предстоит серьезная драка, и тебе тоже понадобится помощь, если ты хочешь выбраться отсюда живым!

Над стеной появилась голова Хоуклина в турбане; он явно считал тех, кого ненавидел всей душой, порядочными людьми и не боялся вероломного выстрела.

— Это правда? — прокричал он.

— Разве ты не слышишь конского топота? — ответил ему О'Доннелл.

Казалось, что стены ущелья дрожат от этого топота, уже отчетливо слышались дикие крики. Хоуклин побледнел. Он прекрасно знал, как может обойтись с ним Якуб-хан. Но кроме этого он знал, как умеют драться эти двое, и понимал, что их участие в схватке на его стороне может оказаться решающим моментом.

— Идите сюда, скорее! — крикнул он. — Если нам удастся уцелеть, мы решим, кто завладеет идолом!

И действительно, думать сейчас о сокровище, даже о Красном Идоле было не время. Сейчас все они рисковали жизнью. О'Доннелл и Гассан выскочили из-за валунов, держа в руках ружья, и добежали до стены. Едва они успели укрыться за ней, как из ущелья показался первый всадник и начал стрелять. Хоуклин и его люди ответили выстрелами. Полдюжины всадников упали с коней, и джоваки, получившие столь неожиданный отпор, развернулись и опять скрылись в ущелье.

О'Доннелл оглядел тех, с кем волею судьбы ему пришлось сейчас быть заодно, — воров, выкравших его карту и с радостью расправившихся бы с ним еще пятнадцать минут назад. Рядом с ним были Хоуклин, мрачный, с тяжелым взглядом, в афганской одежде, Джегунгир-хан, выглядевший щеголевато даже после долгой быстрой скачки, и трое юсуф-

зайских головорезов, которых звали Акбар, Сулейман и Юсуф. Эти трое скалили зубы, делая вид, что улыбаются ему, однако это был на самом деле хищный волчий оскал людей, которые знали, что перемирие не продлится долго.

О'Доннелл с Гассаном и Хоуклин со своими людьми начали стрелять по одетым в белое фигурам, укрывавшимся за валунами и кустами вблизи входа в ущелье. Джоваки спешили и теперь ползли к стене, используя для укрытия все кусты тамариска, все камни, которые могли защитить их от пуль. Сами они тоже беспрерывно стреляли по стене.

— Должно быть, они гнались за нами,— проворчал Хоуклин, перезаряжая ружье.— О'Доннелл, ты солгал. Не может быть, чтобы здесь у них была целая сотня.

— Однако их вполне достаточно, чтобы перерезать нам всем глотки,— отозвался О'Доннелл, нажимая на курок. Человек, подобравшийся слишком близко к стене, взвизгнул и ткнулся лицом в землю. Среди скал раздался многоголосый крик ярости.— А кроме того, никто не мешает Якуб-хану послать за подкреплением. Его селение совсем неподалеку.

Их разговор прерывался методичными звуками выстрелов и лязганьем затворов винтовок. Однако стрельба не нанесла ощутимого урона джовакам, умело скрывавшимся среди камней и кустов.

— Мы сильно рискуем здесь, за этой стеной,— прорычал Хоуклин.— Никто не знает,

сколько столетий она здесь стоит. Думаю, что ее построил тот же народ, который выстроил Замок Красного Идола. Среди всех этих холмов повсюду встречаются такие же развалины. — Он прикрикнул на своих людей: — Погодите стрелять! Наш запас патронов небеснонечен. Они пытаются подобраться ближе, поэтому поберегите порох. Мы обстреляем их, когда они окажутся на открытом месте.

В следующий миг он закричал:

— Теперь они подходят!

Джоваки вскакивали на ноги и перебежали от скалы к скале, от куста к кусту, стреляя на ходу. Оборонявшиеся не стреляли, низко пригнувшись за стеной и выглядывая через узкие бойницы. На стену обрушился свинцовый град, выбивая из нее мелкие камешки и фонтанчики пыли. Сулейман яростно выругался — пуля попала ему в плечо. В начале ущелья О'Доннелл увидел рыжую бороду Якуб-хана, однако предводитель джоваков молниеносно укрылся за скалой. Осторожный как лиса, Якуб не шел сам впереди своих людей.

Его соплеменники и без того дрались с бешеной яростью. Возможно, молчание горстки людей за стеной обмануло джоваков, и они решили, что за стеной кончились патроны. Может быть, их ярость достигла предела, за которым начиналось безрассудство. Во всяком случае, выскочив из своих укрытий, они бросились по склону к стене с криками и улюлюканьем. Сначала все они стреляли, потом выхватили длинные ножи.

— Огонь! — скомандовал Хоуклин, и выстрелы из семи винтовок изрядно проредили шеренги нападавших.

На склон, скорчившись, упало несколько тел. О'Доннелл с Гассаном и Хоуклин со своими людьми были опытными бойцами, они стреляли без промаха. Их свинец разил противника наповал, однако джоваки, с горящими глазами, выкрикивая проклятия, продолжали подниматься по склону.

Несколько джоваков упали, будто споткнувшись, — их остановили пули Хоуклина и его людей. Однако уцелевшие джоваки продолжали двигаться к стене.

— Пули их не остановят! — в отчаянии выкрикнул Хоуклин, расстреляв последние ружейные патроны. — Нам надо удержать стену, иначе мы все погибли!

Патроны кончились у всех, и оборонявшиеся поднялись за стеной в полный рост, отбросив ружья и обнажив клинки. Теперь оставалось надеяться только на победу в рукопашной схватке.

Возле стены все пришло в движение, зазвенела сталь, ее звон смешивался с последними криками и стонами умиравших. Горстка оборонявшихся пользовалась преимуществом позиции, тела погибших джоваков устилали путь к стене, однако джоваки рвались вперед. Один из них с горящими ненавистью глазами разрядил старинный мушкет прямо в лицо Акбара, выстрел снес Акбару половину черепа. В образовавшееся после падения тела юсуф-

заи пространство впрыгнул еще один из джоваков, но О'Доннелл достал его своей саблей. Затем американец отступил на шаг назад и хотел было перезарядить винтовку, однако патронташ оказался пустым. В этот миг он увидел одного из джоваков, перебиравшихся через стену. Он подскочил к стене и, прежде чем один из патанцев успел разрядить свой мушкет, раздробил голову джовака прикладом ружья.

О'Доннелл перепрыгнул через свалившееся тело, чтобы достойно встретить следующих противников. Он размахивал своим пустым ружьем, словно молотильщик цепом, и у него не было ни одного мгновения, чтобы оглянуться и увидеть, что творится вокруг. Он слышал только, как Хоуклин изрыгал проклятия по-английски, Гассан ругался по-персидски, кто-то еще хрипел в предсмертной агонии. Он слышал звуки ударов, слышал разноязыкие проклятия, но не мог ни на миг позволить себе взглянуть в сторону. Перед ним оказалось сразу трое врагов. Двумя сильными ударами приклада он смог разmozжить головы двоим из них и отбросил ружье, будто ненужную дубинку. Третий джовак спрыгнул со стены, словно дикий кот, и вцепился пальцами в горло О'Доннелла. Полузадушенный американец успел-таки выхватить из ножен кинжал и вслепую ударить перед собой во врага, которого уже невозможно было разглядеть. Удар, еще и еще удар, и обмякшее тело джовака свалилось со стены вниз.

Глотнув воздуха, О'Доннелл огляделся. Он едва успел понять, что уцелел. На стене больше не было оскаленных лиц, оставшиеся в живых джоваки отступали по склону. Их потери были ужасны, не говоря уже о том, что каждый из отступавших истекал кровью.

Однако эта победа была достигнута дорогой ценой. Обмякшее тело Сулеймана с раздробленной головой свешивалось со стены. Акбар был мертв. Юсуф умирал с распоротым животом, и его крики леденили душу. Хоуклин прекратил его мучения выстрелом в голову несчастного. Американец увидел и Джегунгир-хана. Тот сидел, прислонившись к стене, прижимая руки к груди, между его пальцами текла кровь. Губы князя посинели, однако рот кривила горькая усмешка.

— Я родился во дворце,— прошептал он.— Теперь я умираю здесь, под разрушенной стеной. На этом сокровище, должно быть, проклятие — люди всегда погибали, если только пытались найти Запятнанного кровью Бога.

С этими словами он испустил дух.

Хоуклин, О'Доннелл и Гассан молча переглянулись. Уцелели только они — три мрачные фигуры, перепачканные пороховой гарью, забрызганные кровью, в изодранной одежде. Отступившие джоваки скрылись в ущелье, в каменной чаше теперь не было никого, кроме мертвецов.

— Якуб убрался! — проворчал Хоуклин.— Когда они отступили, я видел его. Он доберется до своего селения и поднимет против

нас все племя! Надо бежать! Мы можем найти замок. Давайте попытаемся добраться до идола, завладеть им, а потом выбраться из этих гор прежде, чем он обнаружит нас. Мы вместе оказались здесь. Сейчас мы должны позабыть о прошлом и объединиться. Сокровища хватит на всех нас.

— Ты прав,— упрямо отозвался О'Доннелл.— Однако прежде чем мы отправимся на поиски, верни карту.

Хоуклин все еще держал в руке пистолет с дымившимся дулом, но Гассан направил на него револьвер прежде, чем тот успел поднять оружие.

— Как раз на такой случай у меня осталось несколько патронов,— сказал перс, и Хоуклин увидел голубые носики патронов в его патрон-таше.— Отдай мне оружие. А теперь верни О'Доннеллу карту.

Хоуклин пожал плечами и достал смятый пергамент.

— Будьте вы прокляты, мне все равно достанется треть этого сокровища, если мы только его раздобудем! — пробормотал он.

О'Доннелл взглянул на карту и убрал ее в пояс.

— Хорошо. Я привык держать свое слово. Ты большая свинья, Хоуклин, но раз уж так получилось, мы берем тебя в долю, верно, Гассан?

Перс кивнул, убирая оба ружья за пояс.

— Сейчас не время ссориться. Главное для всех нас — выбраться отсюда живыми. Хоук-

лин, если на нас нападут джоваки, я верну тебе оружие. Если все будет благополучно, оно тебе не понадобится.

* * *

В узком проходе за стеной оставались привязанными лошади Хоуклина и погибших бандитов. Хоуклин и О'Доннелл с Гассаном выбрали лучших животных, остальных отвязали и направились вдоль глубокого каньона, открывшегося за проходом. Вскоре на горы опустилась ночная мгла, но путники продолжали, не останавливаясь, двигаться вперед. Где-то позади рыскали соплеменники Якуб-хана, и если бы им удалось захватить путников, месть предводителя джоваков была бы чудовищной. О'Доннелл и его спутники понимали, что смерть идет за ними по пятам, и ехали дальше и дальше в темных Гималаях. Впереди ждала неизвестность, каждый подозревал двух других в вероломных намерениях.

О'Доннелл ястребиным взглядом окидывал Гассана. Гассан успел обыскать тела убитых возле стены, и потому его пистолеты были их единственным огнестрельным оружием. О'Доннелл прекрасно понимал, что если наступит мгновение, когда Гассану не нужна будет помощь его спутников, он, не задумываясь, пристрелит обоих. Однако до тех пор, пока персу эта помощь нужна, его можно было не опасаться. Кроме того, О'Доннелл надеялся на свою ловкость и опыт, с которыми он владел своей саблей и кинжалом. Время от времени он сжимал в руке

рукоятку сабли, и это придавало ему уверенности в себе. За долгие годы, проведенные в бесконечных схватках и переделках, его верные друзья — сабля и кинжал — ни разу не подвели его.

Итак, они ехали втроем по горам, освещенным звездами, сверяясь по старой карте, на которую был безошибочно нанесен путь к замку, так что даже ночью сбиться с дороги оказалось невозможным. О'Доннелл не переставал думать о том, что хотел поведать ему перед самой смертью человек, нарисовавший эту карту. Смерть оборвала рассказ Пемброка на полуслове. Именно тогда, когда Пемброк, казалось, хотел о чем-то предупредить О'Доннелла, внезапно у него хлынула горлом кровь, он побледнел и больше не мог произнести ни слова. Интересно, о чем хотел предостеречь его Пемброк?

Когда узкое ущелье вывело их в широкую долину, окруженную высокими скалами, занимался рассвет. Единственным путем в эту долину был тот, по которому приехал О'Доннелл со своими спутниками, — узкая аллея между скалистых стен. Без карты найти эту долину было бы невозможно. С одной стороны долины вдоль стены шел скалистый уступ около сотни футов высотой, стена поднималась над ним еще футов на триста. С другой стороны долины скалы высились почти отвесно примерно на тысячу футов. Долину окутывал густой туман, и казалось, что выбраться отсюда невозможно. Однако то, что путники увидели

перед собой, заставило их затаить дыхание. На уступе впереди виднелся древний замок, залитый первыми лучами восходившего солнца. Этот замок был выдолблен из цельной скалы, и уступ был единственным подходом к его огромному портику.

О'Доннелл не представлял себе, какой народ, какая культура могли воздвигнуть этот замок. По этим горам прошли тысячи неизвестных завоевателей, безымянные цивилизации рождались здесь и гибли задолго до того, как в этих горах прозвучали победные трубы греческого полководца Александра.

— Как мы сможем открыть эту дверь? — вслух спросил О'Доннелл.

Огромный бронзовый портал выглядел так, будто был предназначен выдерживать удары тяжелой артиллерии. О'Доннелл достал карту и в который раз стал всматриваться в пометки на ее полях. Однако Гассан соскочил с коня и побежал вперед, что-то выкрикивая на бегу. Перса охватило что-то вроде помешательства при виде замка и при мысли о том немыслимом богатстве, которое ожидало его за этими тяжелыми дверями.

— Да он спятил! — спешиваясь, проворчал Хоуклин. — Пемброк на полях карты оставил предупреждение: «В замок можно войти, но будь осторожен, ибо идол требует дань».

Гассан нажимал на все выступы и тянул за все выпуклые места в орнаменте, который украшал двери. Когда дверь подалась под его усилиями, Хоуклин и О'Доннелл услышали крик,

перешедший в вопль ужаса. Тяжелая бронзовая дверь, весом не меньше тонны, покачнулась и упала. Перс не успел отскочить в сторону, его погребла под собой металлическая плита, и из-под нее заструились красные ручейки.

Хоуклин пожал плечами.

— Я же говорил, что он спятил. Древние умели защищать свои сокровища. Удивительно, что эта дверь не погребла под собой Пемброка.

— Возможно, что он каким-то образом узнал секрет этой двери,— отозвался О'Доннелл.— Может быть, он именно это хотел рассказать мне перед смертью, тогда мы знали бы, куда надо нажимать, а до каких мест нельзя даже дотрагиваться.

— Ну что ж, бог получил свою жертву, путь свободен,— сказал Хоуклин, проходя по лежащей на земле окровавленной двери. О'Доннелл шел следом за ним, и оба они остановились на пороге, вглядываясь в темноту большого зала, в котором могло оказаться змеиное гнездо. Однако своды древнего замка не обрушились им на головы, и никаких теней перед собой они не увидели. Тогда они осторожно вошли в замок. Ничто не нарушало тишину, кроме звука их шагов.

Войдя в древний замок, оба человека прищурились. Впереди, в глубине зала подобно закатным лучам что-то мерцало красным светом. Когда глаза немного привыкли к темноте, они увидели Запятнанного кровью Бога — медное извая-

ние, украшенное красными сверкающими камнями. Статуя напоминала карлика, стоявшего на большом постаменте из серого базальта лицом к дверям. В нескольких футах от статуи по каменному полу замка проходила трещина футов пятнадцати в ширину. В какие-то незапамятные времена землетрясение раскололо скалу, и теперь невозможно было сказать, когда это случилось и насколько глубока эта трещина. Вне всякого сомнения, много веков назад эта трещина использовалась жрецами для жертвоприношений страшному божееству, и множество людей погибло в ее глубине. Стены замка были очень высокими, и потолок терялся где-то в темноте.

Однако внимание людей было приковано к идолу. Он выглядел звероподобным, отвратительным чудовищем, а красные камни придавали ему зловещий вид божеества, забрызганного кровью своих жертв. Но все камни, которыми был украшен идол, представляли собой сказочное богатство.

— Боже! — выдохнул О'Доннелл. — Так это правда! Эти камни — целое состояние!

— Несомненно! Миллионы! — подтвердил Хоуклин. — Слишком много, чтобы делить их с презренным янки!

Эти слова, произнесенные англичанином почти бессознательно сквозь зубы, спасли О'Доннеллу жизнь — они дали время подготовиться к нападению. Он успел повернуться и пригнуться как раз вовремя — сабля Хоуклина срезала макушку его капюшона. Проклиная собственную

беспечность — он ведь знал, с кем имеет дело, — он отпрыгнул назад, выхватывая саблю из ножен.

Высокий англичанин стремительно бросился на О'Доннелла, и О'Доннелл встретил его во всеоружии. Они дрались яростно, ни в чем не уступая друг другу, перед застывшим изваянием Красного Идола. Древний замок заполнился звонem стали, клинки, скрещаясь, выбивали друг из друга голубые искры.

Хоуклин был выше О'Доннелла, и руки его были длиннее, однако О'Доннелл не уступал ему в скорости движений. Хоуклин боялся обнаженного кинжала в левой руке противника гораздо больше, чем сабли: до поры ему удавалось удерживать О'Доннелла на расстоянии, не доступном кинжалу.левой рукой он выхватил из ножен и свой кинжал, однако он прекрасно знал, что в искусстве драки на ножах О'Доннеллу не было равных.

Он был полон смертельной ярости и решимости покончить с О'Доннеллом. Вновь и вновь О'Доннелл оказывался на волосок от гибели, однако пока ему хватало опыта и умения отражать удары англичанина.

Развязка наступила неожиданно. Нога О'Доннелла слегка поскользнулась на гладком каменном полу, и на миг его сабля отклонилась в сторону. Хоуклин вложил всю силу в удар, и его клинок должен был пронзить тело О'Доннелла. Но О'Доннелл не совсем потерял равновесие, как показалось Хоуклину. Он увернулся от удара, и сабля англичанина прошла у

него подмышкой, порвав халат и слегка оцарапав ребра. В какое-то мгновение клинок запутался в складках его одежды, и Хоуклин с яростным криком ударил противника кинжалом. Кинжал вонзился в правую руку О'Доннелла, и в тот же миг длинный узкий кинжал в его левой руке вошел англичанину между ребрами.

Крик Хоуклина многократно повторило эхо под сводами древнего замка. Он отпрянул назад, О'Доннелл выдернул свой кинжал из его тела, хлынула кровь, тело Хоуклина обмякло, и он упал замертво.

О'Доннелл бросил оружие на пол и, встав на колени, оторвал от халата полосу для повязки. Из раны в руке текла кровь, однако было ясно, что никакие важные мышцы или кровеносные сосуды не были повреждены.

Пальцами и зубами, затягивая на ране повязку, он взглянул на Запятнанного кровью Бога, который, казалось, внимательно смотрел на него и на убитого, распростертого перед ним англичанина. Он получил дань сполна, и О'Доннеллу померещилась злорадная ухмылка на лице идола. О'Доннелл поежился. Наверняка на этого идола наложено какое-нибудь заклятие. Сможет ли богатство, полученное таким путем, когда-нибудь принести счастье и удачу? Он отбросил эту мысль. Красный Идол принадлежит ему, он добыт потом и кровью, за него уплачена человеческая жизнь. Теперь надо взвалить идола на коня и бежать, спастись от мести Якуб-хана. Той дорогой,

которой он приехал сюда, возвращаться было нельзя, наверняка на ней его ждали джоваки. Ему придется наугад ехать по незнакомым горам, надеясь только на свою счастливую звезду.

— Руки вверх! — раздался повелительный окрик.

О'Доннелл вскочил на ноги и, обернувшись к двери, на мгновение замер.

Перед ним стояли два человека, один из которых целился в него из ружья. Этот человек был высокий, стройный, с рыжей бородой.

— Якуб-хан! — воскликнул О'Доннелл.

Второй человек показался ему знакомым.

— Брось оружие! — вождь джоваков усмехнулся. — Ты думал, что я вернусь в селение, не так ли? Глупец! Я отправил туда своих людей, чтобы они подняли всех, а сам, взяв с собой только одного, который не был ранен, следовал за тобой. Я уже был здесь и видел, как ты убил второго, который валяется на полу. Теперь настала твоя очередь, курдская собака! Назад! Назад! Назад!

Под прицелом ружья О'Доннелл сделал несколько шагов назад и оказался совсем рядом с краем черной трещины в полу. Якуб двигался к нему, на отводя ружья.

— Ты привел меня к сокровищу, — выговорил он, внезапно опустив оружие. — Я не знал, что в этом замке стоит такой идол. Если бы я знал об этом раньше, то давно завладел бы им. Яр-Мухаммед, заberi его саблю и кинжал.

При упоминании имени О'Доннелл понял, кто был спутником Якуба. Когда Яр-Мухаммед подошел ближе и поднял с пола саблю, у него вырвалось восклицание:

— Аллах!

Во все глаза он смотрел на бронзовую рукоятку сабли в виде головы ястреба.

— Подожди! — воскликнул вазири. — Этому человеку я обязан избавлением от пытки. Он рисковал своей жизнью! Его лицо было закрыто, но я запомнил эту ястребиную голову! Это тот самый курд!

— Замолчи! — оборвал его вождь. — Он вор и должен умереть!

— Нет! — в голосе вазири послышалась решительность. — Он спас мне жизнь! Мне, чужестранцу! Что я получал от тебя, кроме тяжелых поручений и скудной платы? Я отказываюсь служить тебе, проклятый джовак!

— Пес! — выкрикнул вождь, прицеливаясь в Яр-Мухаммеда. Тот был без оружия и отскочил назад. Раздался выстрел, вазири выкрикнул проклятие и укрылся за постаментом, на котором стоял идол.

В момент выстрела О'Доннелл прыгнул к Якубу, но тут же понял, что не успеет схватиться с ним. Якуб с рычанием повернулся к нему, и смерть взглянула на О'Доннелла из черного ствола. Палец Якуба уже готов был нажать на курок, но в этот миг Яр-Мухаммед сбросил идола с постамента.

Тяжелая статуя сбила вождя джоваков с ног и увлекла за собой в широкую трещину. Падая,

Якуб выстрелил, но пуля не задела О'Доннелла. Со страшным криком джовак исчез в черной бездне.

Потрясенный О'Доннелл подошел к краю трещины и заглянул в глубину. Он долго прислушивался, но так и не услышал звука падения. Он поежился и отпрянул от края трещины при мысли о такой ужасной гибели. На его плечо легла тяжелая рука, и он увидел перед собой улыбающееся бородатое лицо Яр-Мухаммеда.

— С этой минуты ты мой друг, — сказал вазири. — Если ты тот, кого называют Али эль-Гази, правда ли, что под этой одеждой скрывается ференги?

О'Доннелл кивнул, внимательно глядя ему в лицо.

Яр-Мухаммед улыбнулся еще шире.

— Это не важно! Я убил своего вождя, и теперь его род будет мстить мне. Я должен выбрать себе другого вождя — я много слышал рассказов о делах Али эль-Гази! Позволишь ли ты мне следовать за тобой, саиб?

— Для тебя найдется место в моем сердце, — ответил О'Доннелл, протягивая вазири руку.

— Да благословит тебя Аллах! — воскликнул Яр-Мухаммед, пожимая протянутую руку. — А теперь нам надо быстро уходить отсюда. Скоро здесь будут джоваки, они не должны застать нас. За этим замком есть тайная тропа, и я знаю другие тайные дороги, по которым мы выберемся из долины, и они нас не настигнут.

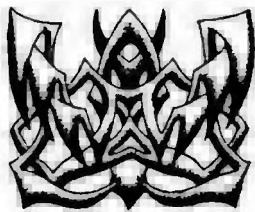

О'Доннелл подобрал свое оружие и последовал за вазири. Они вышли из замка. Идол исчез навеки, успев принять не одну кровавую жертву. Но мир был полон других сокровищ, и они ждали неустомимого искателя приключений. В голове ирландца уже рождались планы поиска древнего золота, о котором он слышал сотни сказаний и легенд.

— Аллах велик и всемогущ,— сказал он и весело рассмеялся, когда они с вазири подошли к привязанным лошадям.

ЯСТРЕБ С ХОЛМОВ

лубой, стоящий на дне ущелья, за уступами, похожими издали на неправильной формы каменные ступени, не заметил бы человека, карабкающегося по отвесному утесу. С далекого расстояния казалось, что на эту шероховатую скалу подняться очень легко, но уступы эти были из предательской глины, утыканной огромными

камнями, за которые с трудом удавалось зацепиться руками и ногами.

Один неверный шаг, одно неверное движение руки — и храбрец свалился бы на дно скалистого каньона глубиной в триста футов. Но на утесе стоял не кто иной, как Фрэнсис Ксавье Гордон, и в его намерения вовсе не входило разбрызгивать свои мозги по Гималайскому ущелью.

Восхождение подходило к концу. Край последнего уступа находился всего в нескольких футах над ним, но это пространство как раз и было самым опасным. Он остановился, чтобы стряхнуть пот со лба, глубоко вздохнул, еще раз поглядел на последний барьер и крепко вцепился в него. Снизу доносились крики, переполненные ненавистью и жаждой крови. Верхняя губа Гордона ощерилась, как у пантеры, слышавшей голос охотника, но вниз он не посмотрел.

Он вцепился пальцами в скалу так, что из-под сломанных ногтей показалась кровь. Гордон был почти у цели, но почва уходила из-под его ног ручейками осыпающегося гравия. Ощувив прилив взрывной энергии, он зарычал, оторвал ноги от опоры и резко подтянулся вверх. На мгновение, когда он на одних пальцах повис над бездной, а галька и камни грохочущей лавиной сыпались с утеса, Гордон ощутил дыхание вечности. Затем мощным усилием железных бицепсов он подтянулся и секунду спустя перевалился через последний уступ, сел и пристально посмотрел вниз.

В лежащем внизу ущелье он не смог разглядеть ничего, кроме непролазных зарослей. Скалы заграждали вид сверху и снизу. Но Гордон знал, что где-то там рыскали его преследователи, на ножах которых еще не высохла кровь его друзей. Он еще слышал голоса врагов, в которых звучала растерянность, но теперь они постепенно затихали где-то на западе. Они шли по ложному следу, который непременно приведет их в тупик!

Гордон стоял на краю огромной скалы — единственное живое существо среди каменных твердынь. Они возвышались со всех сторон, эти подпирающие небо коричневые бесчувственные гиганты. Рядом с ними он казался карликом. Но Гордон не думал ни о мрачном величии окружающего пейзажа, ни о своей собственной незначительности.

Этот величественный пейзаж был для него не более, чем фоном для разыгрывающейся здесь человеческой драмы. В душе Гордона kloкотал гнев, и крики, затихающие где-то вдаль, сотрясали его багровыми волнами жажды мести. Он вынул из сапога нож, который засунул туда, начиная свое восхождение. Острая сталь еще хранила следы крови, и это наполнило его яростным удовлетворением. В долине на дне ущелья лежало множество мертвецов, из которых далеко не все были друзьями Гордона из племени африди. Некоторые из них были оракзаями, приспешниками предателя Афдал-хана — неверными псами, которые, вроде бы, вели дружбу с Юсуф-шахом, тремя его вождями и американ-

ским союзником, но внезапно во время дружеского совещания устроили смертоносное побоище.

Под сплошь изрезанной рубахой Гордона виднелись сочащиеся кровью царапины от ножей. Его черные волосы слиплись от пота. Кобуры на бедрах были пусты. Он неподвижно стоял на утесе и мог бы показаться статуей, если бы грудь его равномерно не поднималась и не опускалась. В его черных глазах разгоралось пламя, а тело становилось все тверже; мускулы на руках налились яростной силой, а на висках четко обозначились вены.

Предательство и убийство! Он все еще пребывал в недоумении, не понимая, из-за чего? Это вероломство было чудовищно неожиданным и совершенно противоречащим всякому здравому смыслу. Сначала журчание дружеской беседы, люди, сидящие вокруг костра, на котором закипал чай и жарилось мясо; потом ни с того ни с сего удары ножей, грохот выстрелов, войны, падающие замертво, так и не успев выхватить револьверы и вырвать из ножен кинжалы — воины из племени африди, его друзья!

В тот проклятый момент его действия были во многом инстинктивными, направленными лишь на отражение опасности и угрозы гибели. Его спасли только твердая воля и мгновенная, не зависящая от разума, первобытная реакция на опасность. Не успев даже осмыслить, что происходит, Гордон уже был на ногах и угрожающе сверкал оружием. Не было времени на размышления, только отчаянная рукопашная схватка

и бегство... Он долго бежал и еще дольше взбирался по скалам. Если бы не темное, заросшее кустарником узкое ущелье, его бы обязательно догнали.

* * *

Теперь, в безопасности, он мог отдышаться и осмыслить, зачем Афдал-хан, вождь племени оракзаев, планировал убийство четырех вождей африди из Куррама и их американского друга. Однако ни одна более менее приемлемая причина не приходила ему на ум. Убийство казалось совершенно бессмысленным. Впрочем, сейчас не это волновало Гордона. Достаточно того, что он знал: его друзья мертвы, и убийцы их известны.

В нескольких ярдах за его спиной возвышалась гряда скал, разрезанная узкой, извилистой расщелиной. Туда он и направился. Гордон не предполагал встретить там врагов — все они внизу, в ущелье, продираются сквозь заросли, пытаясь отыскать его — но в руке он все же, на всякий случай, держал нож.

Он достал оружие, повинувшись слепому инстинкту, так, наверное, пантера выпускает когти. Черные глаза на его смуглом, словно выкованном из железа, лице горели огнем. Сейчас он был более опасен, чем раненый тигр. В его мозгу непрерывно, словно удары гонга, звучало: месть! месть! месть! Все его существо отзывалось на этот призыв. Тонкий налет цивилизованности смела приливная волна гнева. Гордон будто вернулся на миллион лет назад в красную зарю нача-

ла человечества. Он стал таким же первобытным, как и возвышающиеся вокруг него утесы.

Гордон знал, что, обогнув выступ скалы, расщелина приведет его к извилистой горной тропе, и он уйдет с вражеской территории. У него не было причин ожидать встречи с кем-нибудь из преследователей. Поэтому он весьма удивился, когда сразу же за гранитным выступом наткнулся на высокого человека, что стоял, прислонившись к скале.

Пистолет был направлен прямо в грудь американцу. Гордон остановился; их разделяло не более дюжины футов. За спиной незнакомца стоял кабульский жеребец, покрытый великолепной попоной.

— Али Багадур! — пробормотал Гордон, и в его черных глазах загорелось красное пламя.

— Да!

Али Багадур был одет с подчеркнутой изысканностью. Сапоги, расшитые золотой нитью, полосатый халат, подпоясанный цветастым кушаком, тюрбан из розового шелка. Орлиное лицо с горящими жестоким торжеством глазами было бы по-своему красиво, если б не злобная усмешка, искривившая губы.

— Я не ошибся, Эль Борак. Когда ты удрал в это ущелье, я, в отличие от остальных, не побежал туда. Они со всех ног ринулись за тобой, ревя, как буйволы. Но только не я. Я был уверен, что ты не побежишь вниз, там мои люди загнали бы тебя в ловушку. Я не сомневался, что, опередив всех, ты тотчас полезешь по этой стене, хотя до сих пор никому еще не удава-

лось на нее забраться. Но я был уверен, что ты — заберешься, хотя даже Проклятый Шайтан не мог бы подняться по этим отвесным обрывам! Я галопом поскакал назад по долине, туда, где в миле к северу от нашего лагеря начинается другое ущелье, идущее на запад. Я не сомневался, что ты знаешь об этом. Жеребец у меня быstroногий! Я знал, что только здесь ты можешь добраться до этой тропы. Прискакав сюда, я твоих следов в пыли не увидел и понял, что ты еще здесь не проходил. Едва оставившись, я услышал камнепад, тотчас спешил и стал ожидать твоего появления! Ведь только через эту расщелину ты мог выйти к этой тропе!

— Ты пришел один,— сказал Гордон, презрительно глядя на оракзая.— В тебе больше мужества, чем я думал.

— Я знал, что у тебя нет пистолетов,— сказал Али Багадур.— Расстреляв все патроны, ты выбросил их и, выхватив нож, продирался сквозь ряды воинов. Мужество? Мужество может быть у каждого дурака. А у меня острый ум, а это гораздо важнее!

— Ты говоришь, как перс,— пробормотал Гордон. Он хорошо понимал, что попался в умело расставленную ловушку. Кобуры его пусты, а в руке только нож. При малейшем движении Али выстрелит!

— Мой брат Афдал-хан похвалит меня, когда я принесу ему твою голову! — издевался оракзай.

В своем восточном тщеславии он не мог удержаться от того, чтобы вдоволь не покура-

житься над противником. Как многие представители его расы, Али Багадур любил прихвастнуть. Если бы он спрятался за скалой и застрелил Гордона, когда тот только появился из расщелины, оракзай жил бы еще и сегодня.

— Почему Афдал-хан пригласил нас на праздник и перебил всех моих друзей? — спросил Гордон. — Ведь между нашими кланами уже много лет мир.

— Мой брат хочет достичь больших высот, — ответил Али Багадур. — Твои друзья, сами того не подозревая, стояли на его пути. Зачем брату жертвовать своими людьми, чтобы разделаться с африди? Только безумец предупреждает, прежде чем нанести удар.

— Только поганый пес становится предателем! — отрезал Гордон.

— Мы не были друзьями, — напомнил Али. — Люди из Куррама такие же безумцы, как и ты!

Он наслаждался триумфом, пытаясь как можно дольше продлить эту сцену, хотя понимал, что ему уже давно следовало выстрелить.

В позе Гордона чувствовалась напряженная готовность, солнце сверкало в его глазах красными огоньками. По телу Али поползли мурашки, но он не мог остановиться. Эль Борак, самый искусный воин на всем севере, находится сейчас в его власти, под дулом его пистолета, он балансирует на краю пропасти, в которую непременно упадет, стоит ему, Али, нажать на спусковой крючок. Али Багадур, конечно, знал о смертоносном проворстве Гордона, который может так быстро прыгнуть и убить, что про-

тивник не успеет и глазом моргнуть. Но ни один человек не способен пересечь разделяющие их ярды быстрее свинца, выпущенного из дула пистолета. Поэтому при малейшем намеке на движение Али молниеносно доведет такую лестную для него сцену до логического завершения!

Гордон открыл рот, словно желая что-то сказать, но передумал. Подозрительный патан напрягся. Гордон, сверкнув глазами, глянул за его плечо, затем внезапно, словно увидев что-то, вновь перевел взгляд на лицо Али. Судя по всему, Гордон увидел такое, чего ни в коем случае не должен увидеть Али. Все поведение американца говорило о том, что ему очень хочется, чтобы Али ничего не заподозрил и не оглянулся. И Али обернулся! Поглядев назад, он понял уловку Эль Борака, резко повернул голову обратно и успел лишь мельком заметить молниеносное движение правой руки Гордона.

Бросок и выстрел произошли одновременно. Али, будто внезапно сраженный параличом, рухнул на колени и повалился на бок. В горле у него забулькало, выпучив глаза и растянув рот в предсмертном оскале, он, задыхаясь, силился подняться на локти. Рукоятка ножа Гордона торчала из его горла. Последним усилием Али обеими руками поднял пистолет, пытаясь взвести курок непослушными пальцами. Но из посиневших губ хлынула кровь, и пистолет выскользнул из рук. Его пальцы вонзились в землю, судорожно вздрогнули и замерли, а голова упала на горячие камни. Гор-

дон не двинулся с места. Кровь медленно текла из круглой ранки на его левом плече, но он не замечал этого и стоял не шевелясь до тех пор, пока не прекратились предсмертные судороги Али Багадура. Тогда, издав низкий, леденящий кровь, рык обитателя джунглей, Гордон бросился к распростертому на земле оракзаю.

Он не потрудился подобрать ни свой нож, который бросил с такой силой и меткостью, ни еще дымящийся пистолет. Уверенным шагом Гордон подошел к жеребцу, фыркающему и дрожащему от запаха свежей крови, развязал повод и вскочил в расшитое золотом седло.

Выехав на выющую по холму тропу, он обернулся и погрозил кулаком туда, где остались его враги. Этот жест обещал жестокую месть. Игра только начиналась! Пролилась кровь, и непримиримая вражда, словно волна, прокатится по холмам, сжигая деревни, сея новых покойников и не давая спокойно спать королям.

* * *

Джеффри Уиллоби привстал в седле и оглядел длинные горные кряжи и возвышающиеся вокруг голые каменные утесы.

Природа неизбежно формирует характер людей. Спутники Джеффри, были такими же суровыми, угрюмыми и мрачными, как окружавшие их хмурые коричневые скалы.

Единственным исключением был Сулейман, мусульманин-пенджабец, находящийся здесь под

видом слуги Уиллоби, а на самом деле — опытный агент английской секретной службы.

Сам Уиллоби не состоял на этой службе. Его статус был уникален; он был одним из тех вездесущих англичан, которые медленно, но верно, строили империю, оставаясь в тени и предоставляя право на почести другим — военным в увешенных наградами мундирах или громкоголосым господам с высокими титулами и в высоких шляпах.

Лишь немногие знали, чем на самом деле занимался Уиллоби и какая ниша отведена ему в государственной структуре. На протяжении всей карьеры Джефффри в его адрес раздавались возмущенные требования ограбленных налогоплательщиков: «На границе творится черт знает что! Долой Уиллоби!» Считалось, что именно из-за его неразумных действий имперские отряды застревали в горах, а пушки не стреляли так часто, как этого хотелось бы политикам. Вот почему никого не удивило, — кроме тех твердолобых консерваторов, которые отказываются верить, что поддержание мира на афганской границе значительно отличается от поддержания порядка на Трафальгарской площади, — что именно он обязан прекратить кровавую вражду на холмах, разгоревшуюся по приказу восточного деспота. Так Уиллоби и оказался в компании этих заросших головорезов.

Уиллоби — мужчина среднего роста, коренастый, круглолицый, с неожиданно крепкими мускулами под румяной кожей, с волосами цвета карамели и большими притворно-бесхитрост-

ными голубыми глазами. Он был одет в гражданский костюм защитного цвета и огромный тропический шлем. Если у него и имелось при себе оружие, то этого никто не замечал. Его честное, покрытое веснушками лицо никто не назвал бы неприятным, по нему безошибочно определялся острый, как бритва, ум.

Он спокойно трусил верхом, словно катался на иноходце по лужайке в родном Суффолке, и чувствовал себя гораздо спокойнее, чем сопровождающие его головорезы — четверо диких на вид оборванных туземцев, которыми командовал старейшина, чья величавая осанка и тронутая сединой борода внушали почтение. Все портило лишь его свирепое лицо — оно явно свидетельствовало о том, что этот человек крайне жесток. Бабер Али, дядя Афдал-хана, был стар, но спина его была пряма, а худощавое тело крепко, как у волка. Он был правой рукой своего племянника, не уступал Афдал-хану в жестокости, однако не обладал его остротой ума и хитростью.

Кавалькада проследовала по тропе, спускающейся по крутому склону, уходящему вниз на тысячу футов и изрытому лабиринтом оврагов. В долине, на расстоянии мили к югу, Уиллоби углядел обуглившиеся и почерневшие развалины.

— Деревня, Бабер? — спросил он.

Бабер прорычал, как старый волк:

— Да! Это был Хуттак! Эль Борак и его дьяволы сожгли все дотла и убили всех, кто мог держать оружие.

Уиллоби, похоже, заинтересовался. Он должен был встретиться с Эль Бораком и остановить именно эту войну.

— Эль Борак — сын Шайтана, — просипел старый Бабер. — Он сжег все деревни Афдал-хана, кроме Хорука. А из отдаленных башен остался только мой сангар. Теперь он захватил пещеру, называемую Замком Акбара, а это территория Хорука! Волей Аллаха, мы целый час ехали по долине, на которую мы, оракзаи, имеем все права, а теперь это ничейная земля, усыпанная трупами и сожженными домами. Здесь никто не может чувствовать себя в безопасности. Нас в любой момент могут сжечь.

— Гордон дал слово, — напомнил Уиллоби.

— Да, он не бросает слов на ветер, — неохотно признал старый головорез.

Всадники спустились по склону и пересекли узкое плато, изрезанное множеством оврагов. Уиллоби вспомнил о письме, что лежало у него в кармане, и только сейчас понял ценность этого исторического документа.

Джеффри Уиллоби, Форт Газразль.

Если хотите переговоров, приходите к минарету Шайтана. Будьте один. Пусть ваш эскорт остановится возле входа в ущелье. Им никто не будет досаждать, но если какому-нибудь оракзаю вздумается последовать за вами в ущелье, он будет застрелен.

Фрэнсис К. Гордон

Кратко и по существу. Значит, переговоры? Этот человек принял на себя роль генерала, ведущего регулярную войну, и, вне всякого со-

мнения, считает Уиллоби не бескорыстным арбитром, а дипломатом, работающим в интересах противоположной стороны.

— Мы должны попасть к Ущелью Минарета,— сказал Уиллоби.

— Вот вход в него,— показал Бабер Али.

— Ждите меня здесь.

Сулейман спешил и ослабил подпругу у своего коня. Патаны неловко спускались по склону, крепко прижимая к себе винтовки и внимательно изучая все трещины и овраги. Где-то внизу, в ущелье, притаился Гордон со своими неистовыми воинами. Оракзаям было страшно. Они находились в нескольких милях от Хорука, в центре территории, которую воюющие стороны оспаривали в кровавой борьбе. Они то и дело поглядывали на северо-запад, где на расстоянии многих миль отсюда раскинулась в горах деревня Куррам.

Бабер повернул голову и закусил губу. Кажется, его сжигал огонь гнева и подозрения.

— Вы пойдете один, саиб?

Уиллоби, натягивая удила, кивнул.

— Он убьет вас!

— Не думаю.

Уиллоби прекрасно знал, что Бабер Али никогда и близко не подошел бы к Гордону, если бы не был уверен в гарантиях относительно своей полной безопасности.

— Заставьте этого пса согласиться на перемирие! — рявкнул Бабер, в котором дикое высокомерие взяло верх над напускной вежливостью. — Клянусь Аллахом, эта вражда словно шип в боку Афдал-хана, и в моем тоже!

— Посмотрим! — Уиллоби пришпорил коня и потрусил вниз по ущелью, тяжело и неловко подпрыгивая в седле. В пробковом шлеме, подсакивающим при каждом шаге коня, он представлял собой далеко не героическое зрелище. Патаны неотрывно глядели Уиллоби вслед, пока он не скрылся из вида за изгибом каньона.

Спокойствие Уиллоби было в общем-то напускным, хотя он не испытывал ни страха, ни волнения. Но все-таки он был обыкновенным человеком, и предстоящая встреча с Эль Бораком до некоторой степени возбуждала его воображение и наводила на кое-какие размышления.

* * *

Имя Эль Борака не раз упоминалось в рассказах, кочевавших по караван-сараям и базарам от Тегерана до Бомбея. В течение трех лет по Хайберу ходили слухи о жестоких битвах, разгоравшихся на некогда пустынных холмах, где теперь белый человек со свирепым взглядом утверждает свою власть над дикими племенами.

Британец и не думал вмешиваться в чужие дела, пока последний камень, брошенный Гордоном в лужу афганской политики, не стал угрожать забрызгать грязью двери иностранных дворцов. Уиллоби спускался на своем жеребце по извилистому Ущелью Минарета. Какой же Гордон предатель, размышлял он. В большинстве своем местные жители презирают белых, оставшихся жить среди них, но Гордона уважали даже враги, и, похоже, не только из-за его

бойцовских качеств. Гордон, смутно припоминал Уиллоби, вырос на юго-западной границе Соединенных Штатов и еще до того, как подался на Восток, имел репутацию превосходного стрелка.

Проехав милю от входа в ущелье, Уиллоби обогнул скалистую стену и увидел маячивший перед ним Минарет — высокий, сужающийся кверху, похожий на шпиль утес, стоящий почти посреди каньона. Рядом с ним никого не было. Уиллоби привязал коня в тени утеса, подошел к основанию Минарета, постоял, обмахиваясь шлемом, и задал себе праздный вопрос, сколько винтовок нацелены на него с невидимых позиций?

Внезапно перед ним вырос Гордон.

Это было потрясающее испытание даже для такого, привычного ко всему человека, как Уиллоби. Англичанин перестал обмахиваться и засстыл, держа шлем на весу. Он не был предупрежден ни единым звуком, даже гравий под каблуком сапога молчал! Для Уиллоби, никогда не воевавшего с индейцами племени яки, было совершенно непонятно, как мог Гордон так тихо подкрасться!

— Вы, конечно, Уиллоби,— произнес американец с чуть заметным южным акцентом.

Уиллоби кивнул, не стесняясь разглядывая стоящего перед ним человека. Гордон был не массивным, а необыкновенно плотным, с квадратными плечами и крепкой грудью, выдававшими недюжинную силу. От Уиллоби не ускользнули черные рукоятки огромных пистолетов, что висели на бедрах Гордона, и рукоятка ножа

за голенищем левого сапога. На грубом загорелом лице американца он тщетно пытался увидеть следы усталости и упадка духа. Однако черные глаза Гордона горели таким огнем, какого Уиллоби никогда не видел у представителей так называемых цивилизованных рас.

Нет, этого человека нельзя назвать вырожденком, участие в туземных потасовках ни в коей мере не сказалось на нем, при всем желании в нем невозможно было обнаружить ни малейших признаков отличия от цивилизованного человека. Скорее всего, это просто-напросто стремление примитивной натуры к своему естественному окружению. Уиллоби думал, что человек, которого он видит перед собой, выглядит, должно быть, в точности так, как выглядели неукротимые дикие англо-саксы каких-нибудь десять тысяч лет назад.

— Я Уиллоби,— сказал он.— Рад, что вы соизволили встретиться со мной. Может быть, сядем в тени?

— Нет. Нам не понадобится много времени. Мне передали, что вы в Газраэле и пытаетесь связаться со мной. Я послал вам с таджикским торговцем свой ответ. Вы его получили, иначе мы бы с вами не разговаривали. Скажите мне все, что хотите, а я вам отвечу.

Заготовленные дипломатические трюки здесь не пройдут, думал Уиллоби. Этот человек не был тупицей, всеми своими успехами обязанным одной лишь силе, не был он и лживым, корыстным, блефующим авантюристом от политики. Такого нельзя ни подкупить, ни испу-

гать. Он был реальным, живым и опасным, как пантера, хотя лично за себя Уиллоби не боялся.

— Ладно, Гордон,— добродушно ответил он.— Мое слово будет коротким. Я здесь по требованию эмира и раджи. Я приехал в Форт Газраэль, чтобы попытаться увидеться с вами. Мне помог мой спутник Сулейман. В Газраэле меня встретил эскорт из оракзаев, чтобы провести в Хорук, но, получив ваше письмо, я понял, что ехать в Хорук бессмысленно. Оракзаи ждут у входа в ущелье, чтобы отвести меня обратно в Газраэль, когда моя миссия будет закончена. Я говорил с Афдал-ханом лишь раз, в Газраэле. Он готов заключить мир. Ведь именно по его просьбе эмир послал меня сюда, чтобы я положил конец вашей давней вражде.

— А вот это эмира не касается,— отрезал Гордон.— С каких это пор он вмешивается в отношения между племенами?

— В данном случае к нему обратились обе стороны,— ответил Уиллоби.— Вражда касается его лично. Излишне напоминать, что основной караванный путь из Персии проходит через его владения, а с тех пор, как разгорелась эта вражда, караваны избегают эту дорогу и идут через Туркестан. Теперь торговые пути, проходившие через Кабул и приносившие эмиру солидные доходы, закрыты.

— И он связался с русскими, чтобы получить их назад,— безрадостно произнес Гордон.— Эмир пытался сохранить это в тайне, потому что на троне его держат только английские пушки. Русские предлагают ему много соблаз-

нительного, но он играет с огнем, а британцы боятся, что он опалит себе пальцы... И им тоже!

Уиллоби заморгал. Мог ли он предполагать, что Гордон не хуже него знает афганскую политику?

— Но Афдал-хан ясно дал понять и эмиру, и мне, что хочет положить конец этой вражде,— продолжал Уиллоби.— Он клянется, что все это время только оборонялся. Если вы не согласитесь хотя бы на перемирие, эмир начнет действовать сам. Стоит мне вернуться в Кабул и сообщить ему, что вы отказываетесь подчиниться воле третейского судьи, он объявит вас вне закона, и любой головорез сможет поточить нож о вашу голову. Будьте же благоразумны, старина. Несомненно, вы собираетесь напасть на Афдал-хана. Но вы уже причинили достаточно вреда. Забудьте о том, что произошло...

— Забыть?!

Уиллоби невольно сделал шаг назад, увидев, что зрачки у Гордона сузились, как у разъяренного леопарда.

— Забыть?! — прорычал американец.— Вы призываете меня забыть о пролитой крови моих друзей? Вы знаете мнение только одной стороны. Мне совершенно наплевать, что вы думаете, но сейчас вы услышите, что думаю я. У Афдал-хана есть друзья при дворе. У меня их нет. Да мне они и не нужны.

«Выходит, этот дикий вождь может бросить вызов в лицо королевскому эмиссару»,— поду-

мал Уиллоби, замороженный игрой страстей на смутлом лице Эль Борака.

— Афдал-хан пригласил моих друзей на совещание и хладнокровно перерезал их. Юсуф-шаха и трех его вождей — моих лучших друзей, понимаете? И вы призываете меня забыть о них, будто это так же легко, как выбросить изношенные ножны! Да и зачем? Чтобы эмир мог облагать толстых персидских купцов грабительскими налогами; чтобы у русских не было шанса заставить его заключить договор, который не одобрили бы британцы; чтобы англичане не могли цепляться за свою часть границы? Слушайте же мой ответ: вы с эмиром и раджей можете идти к черту! Возвращайтесь к эмиру и предложите оценить мою голову. Пусть он пошлет на помощь оракзаям своих охранников — узбеков, русских, британцев и кого он там еще сможет собрать. Эта вражда закончится, когда я убью Афдал-хана. Не раньше!

— Вы жертвуете благополучием многих, чтобы отомстить за кровь нескольких человек, — возразил Уиллоби.

— Кто вам это сказал? Афдал-хан? Он заклятый враг эмира, и эмир не знает, что именно Афдал втянул его в войну. Уже через месяц я получу голову Афдал-хана, и караваны будут снова спокойно идти по этой дороге. Если же победит Афдал-хан... С чего вообще началась вражда? Не знаете? Так я вам скажу! Афдал хочет полностью контролировать все водоемы на этой территории, колодцы, без которых не смогут обойтись караваны и которые в течение столетий находи-

лись в руках африди. Стоит ему завладеть ими, и он обдерет торговцев, не успеют они добраться до Кабула. И навсегда переведет торговлю на русскую территорию.

— Он не осмелится...

— Он осмелится на все. У него есть поддержка, о которой вы даже не догадываетесь. Спросите-ка его, почему его люди вооружены русскими винтовками?! Черт! Афдал просит о помощи, потому что я захватил Замок Акбара, и он не в состоянии меня оттуда выгнать. Он просил вас уговорить меня согласиться оставить Замок, не правда ли? Я так и думал. Да если бы я совершил подобную глупость и согласился, он бы напал на меня и моих людей из засады по дороге в Куррам. Вы еще не успеете вернуться в Кабул, как шпион, следующий за вами по пятам, сообщит эмиру, что я предательски напал на Афдал-хана и был убит при попытке защищаться, и что Афдал был вынужден напасть на Куррам и сжечь его! Он пытается с помощью вмешательства извне вернуть то, что потерял в битве, а меня лишить охраны и убить, как убил Юсуф-шаха. А вас с эмиром он просто дурачит! И вы хотите, чтобы я позволил ему одурачить и сделать покойником и меня! И все только лишь потому, что какой-то грязный торговый путь отклонился от Кабула!

— Не стоит вам так враждебно относиться к британцам,— начал было Уиллоби.

— Да я вовсе и не враждебен к ним, как и к персам, и к русским. Я просто хочу, чтобы все занимались своими делами, а меня оставили в покое!

— Но белому человеку подобает держаться подальше от этого кровавого безумия,— не унижался Уиллоби.— Вы же не афганец! Вы англичанин! По происхождению, по крайней мере.

— Я шотландский горец, а по происхождению черный ирландец,— проворчал Гордон.— И ничего тут не поделаешь. Возвращайтесь к эмиру и скажите ему, что вражда закончится, когда я убью Афдал-хана.

И, повернувшись на пятках, он исчез так же бесшумно, как и появился.

Уиллоби беспомощно смотрел ему вслед. Черт бы все это побрал! Он действовал, как неопытный мальчишка! Когда он вновь и вновь вспоминал свои аргументы, ему хотелось выть от досады: все они казались ребячеством против первобытной решительности Эль Борака. Спорить с ним — все равно, что спорить с ветром, водным потоком, лесным пожаром или каким-нибудь другим стихийным бедствием. Этот человек не укладывается ни в один стереотип; он неукротим, как варвар, живущий в Гималаях, но в его образе мыслей нет и намека на недоразвитость.

* * *

Что ж, ничего не оставалось делать, как вернуться в Форт Газраэль и послать гонца в Кабул с докладом о поражении в переговорах. Но игра еще не была закончена. В Уиллоби пробудилась обычная в подобных случаях упрямая решительность. Дело приобрело личную окраску, полностью отсутствовавшую в большин-

стве его кампаний. Уиллоби стал рассматривать его не только как дипломатическую задачу, но и как состязание в остроте ума между ним и Гордоном. Сев на коня и направив его к ущелью, он поклялся, что покончит с этой враждой и покончит по-своему, а не так, как хотел Гордон.

Вероятно, в утверждениях Гордона было немало правды. Конечно, они с эмиром слышали только Афдал-хана, а он, конечно, негодяй. Но Уиллоби не мог поверить, что амбиции вождя столь велики, а замыслы так коварны. Уиллоби не мог поверить, что они простираются дальше захвата власти в этой изолированной от мира горной местности. Мелкие налоги с караванов, которые сейчас взимают африди,— вот и все?

Во всяком случае, Гордон не имеет никакого права мешать государственным интересам, которые, какими бы они ни были, ставили своей целью благо народа. Уиллоби никогда не позволял своим личным интересам стоять на пути политики и осуждал это в других. Долг Гордона — забыть о гибели друзей... И Уиллоби вновь охватило чувство беспомощности. Гордон на такое не способен! Ждать, чтобы он совершил насилие над своими инстинктами, все равно, что ожидать от голодного волка, чтобы он отвернулся от сырого мяса.

Уиллоби медленно поднимался вверх по ущелью. Наконец, он увидел Сулеймана и патанов, они сбились в кучу и выжидательно смотрели на британца. Глаза Бабера Али по-волчьи сверкали. Уиллоби слегка удивился, заметив во взгляде старого

вождя несвойственную его возрасту неистовую силу. С чего бы это Бабер так отчаянно желает удачи своему эмиссару? Оракзаи ведут жестокую войну, но дело их еще отнюдь не проиграно. Может быть, за всем этим что-то скрывается? Уж не является ли его миссия хорошо замаскированной хитростью? А что, если Гордон все-таки прав?

Бабер сделал несколько шагов вперед.

— Ну что? — спросил он голосом резким, как удар сабли о ножны. — Заключит этот пес мир или нет?

Уиллоби покачал головой.

— Он клянется, что эта вражда закончится только тогда, когда он убьет Афдал-хана.

— Это же провал!

Отчаяние Бабера поразило Уиллоби. У него даже мелькнула мысль, что сейчас вождь выхватит длинный нож и бросится на него, но Бабер повернулся спиной к англичанину и быстро зашагал к своему коню. Отвязав его, он бешеным рывком вскочил в седло и, не оглянувшись, галопом поскакал прочь. Но не по тропе, которая вела к Форту Газраэль, нет, он направился на север, к Хоруку. Смысл его действий был совершенно ясен: Бабер Али оставлял Уиллоби на волю провидения, снимая с себя всякую ответственность за его судьбу.

Сулейман, наклонив голову, вертел в руках уздечку, проседь в его черных волосах стала особенно заметна. Уиллоби перевел взгляд с удаляющегося всадника и увидел устремленные на себя немигающие глаза четверых людей из племени. Свирепые, мрачные глаза...

Легкий морозец пробежал по его коже. Эти люди — дикари, и по своему умственному развитию вряд ли отличаются от диких зверей. Они будут действовать без лишних раздумий, слепо следуя инстинктам, заложенным в них долгими столетиями нелегкой жизни в Гималаях. Инстинкт повелевал им убивать и грабить всех, кто имел несчастье не принадлежать к их клану. Он им чужак. Защиты, которую Бабер Али обеспечивал Уиллоби и его спутнику, теперь нет.

Уехав, вождь дал молчаливое разрешение убить европейца. Сам Бабер Али был гораздо более диким, чем Афдал-хан; он шел на поводу у своих неукротимых страстей и имел склонность к ребячеству и самым ужасным поступкам. Ему ничего не стоило, придя в ярость от неудачной попытки Уиллоби заключить перемирие, выместить на англичанине свой гнев и разочарование.

Подобрав удила, Уиллоби спокойно обдумывал ситуацию. Без эскорта ему в Газразель не вернуться. Если они с Сулейманом попытаются убежать от этих головорезов, их, несомненно, ждет пуля в спину. Ничего не остается, как начать блефовать. Эти ребята получили приказ сопровождать его в Ущелье Минарета, а оттуда обратно в Форт Газразель. И этот приказ никто не отменял. Дикари не осмелятся нарушить его без четких указаний.

Посмотрев на низко нависшее небо, Уиллоби хлестнул своего коня.

— Пора трогаться. Путь нам предстоит неблизкий.

Он бросил коня прямо на горстку людей, и те расступились, пропуская его. Сулейман не отставал. Оба скакали, не оглядываясь и не подавая вида, что ожидают предательского выстрела. Патаны молча вскочили на лошадей и пустились за ними, держа винтовки наперевес.

Уиллоби не оглядывался, но чувствовал, как четыре пары маленьких горящих глаз буравят ему спину. Своим хладнокровием он сбил их с толку и пока получил некоторое превосходство. Однако он знал: стоит выказать хоть малейший намек на страх или неуверенность, и они будут немедленно застрелены. Британец тихонько присвистнул, ему казалось, будто он едет по кратеру вулкана, из которого в любой миг может начаться извержение!

* * *

Они пробирались на восток по тропам, протоптанным в долинах и на обрывистых склонах. Солнце скрылось за высоченным утесом и на долину опустились пурпурные тени. Когда они проезжали здесь днем, Бабер Али указал место, удобное для ночлега. Теперь путники добрались до него. Не дожидаясь приказа Уиллоби, патаны остановили коней. Он бы с большим удовольствием поехал дальше, но любые споры возбуждали бы в оракзаях подозрения.

Колодец находился недалеко от утеса, на широком уступе с крутыми, изрезанными рвами, склонами. Лошадей расседлали, и Сулейман расстелил у подножья скалы одеяло Уиллоби. Патаны бесшумно и молчаливо, с ловкостью дикарей,

принялись собирать тамариск для костра. Уиллоби уселся неподалеку от глубокой расщелины в скале и, напрягая глаза в сгущающихся сумерках, принялся набрасывать в небольшом блокноте портрет Гордона. В этом занятии он имел сноровку, и в прошлом умение рисовать не раз оказывалось весьма ценным, когда нужно было установить чью-либо личность и выяснить, кто скрывается под тем или иным обликом.

Уиллоби надеялся, что его спокойствие и невозмутимость приведут патанов в замешательство, если не в настоящий ужас. А в таком состоянии они на него не нападут.

Люди расхаживали туда-сюда по небольшому лагерю, занимаясь своими делами. Сулейман разжигал крошечный костерок, неподалеку от него патан распаковывал сверток с едой. Другой дикарь с охалкой хвороста шел к костру.

Какой-то инстинкт заставил Уиллоби поднять взгляд как раз в тот момент, когда патан, нагруженный хворостом, приблизился к Сулейману со спины. Пенджабец не слышал его шагов и не оглянулся. Он понял, что у него за спиной кто-то есть, лишь когда нож дикаря уже вонзился между его лопатками.

Это было сделано так быстро, что Уиллоби не успел предупредить беднягу. Он лишь мельком заметил отблеск огня на лезвии, которое вонзили в спину Сулеймана. Пенджабец вскрикнул и упал, а патан, сидящий напротив, выхватил из своих лохмотьев пистолет с кремниевым затвором и выстрелил в слугу Уиллоби. Тот успел выхватить револьвер, сделал один лишь

выстрел, и дикарь упал в костер с простреленной головой. Сулейман повалился в лужу собственной крови и затих.

Все это произошло в считанные мгновения, пока Уиллоби вскакивал на ноги. Он был безоружен и беспомощно стоял на месте, не в силах сделать и шага. Один из людей поднял винтовку и выстрелил. Уиллоби услышал, как пуля ударилась о камень за его спиной. Моментально справившись с растерянностью, он повернулся и юркнул в расщелину. Спустя миг он уже бежал по узкой щели, подгоняемый торжествующим воем у себя за спиной.

Внезапное нападение было грубым, неумелым и, кажется, непредумышленным. Дикарь случайно оказался за спиной Сулеймана и повел себя сообразно своим естественным инстинктам. Уиллоби понимал, что, будь у него револьвер, то, вероятно, он бы смог предотвратить нападение, или, по крайней мере, принять удар на себя. Раньше ему никогда не приходилось прибегать к таким мерам: он всегда полагал, что дипломатия лучше огнестрельного оружия. Но за сегодняшний день эта самая дипломатия дважды потерпела сокрушительное поражение, выявив все недостатки и слабости его системы. Уиллоби с самого начала испортил все дело.

Однако ему не давала покоя мысль, что скоро его уже не смогут осудить ни он сам, ни официальные власти. Подтверждением тому были кроваво-жадные вопли, раздающиеся за его спиной.

Уиллоби охватил невыразимый страх. Его язык, казалось, присох к небу, а на коже выступил

липкий пот. Он бежал по темному ущелью, как бежит человек, преследуемый тигром. Он слышал, как топают за его спиной одетые в сандалии ноги, и, дрожа от страха, ждал удара ножом.

Внезапно ущелье кончилось, и Уиллоби увидел перед собой похожий на покатую крышу дома утес. Он вздымался почти отвесно, чернея на фоне иссиня-черного, усыпанного звездами неба. Тяжело дыша, Уиллоби начал карабкаться вверх. Он знал, что преследователи где-то близко, хотя в темноте никого не видел.

Но зоркие глаза патанов углядели неясно очерченную на фоне звезд фигуру, ползущую по гребню утеса. Внизу в темноте заиграли языки красного пламени. До Уиллоби доносились звуки частых ударов свинца о скалистую стену. На последнем дыхании он переполз через гребень утеса и начал спускаться по другой стороне. Но дойти до конца ему не удалось. Почти тотчас он наткнулся на что-то твердое, но податливое. Полуслепой от пота и усталости, он увидел чей-то смутный силуэт с угрожающе поднятой винтовкой. Англичанин вскинул руку, и тут из глаз его посыпались искры. Больше он ничего не слышал.

* * *

Когда Уиллоби пришел в сознание, его больше всего поразили доносящиеся издали пистолетные выстрелы. Потом он понял, что это кровь пульсирует у него в голове. Подняв руку, он нащупал плотную повязку. Хотя он лежал на

овчинной подстилке, его насквозь пронизывал холод голой скалы. Уиллоби с усилием приподнялся на локтях и потряс головой, стиснув зубы от боли.

Он лежал в темноте, но в нескольких ярдах от него колыхалась ослепительно белая занавеска. Он выругался, поморгал, и его замутненное зрение прояснилось.

Теперь он видел, где находится. Это была пещера, а белая ткань занавешивала вход, через который проникал лунный свет. Уиллоби попытался встать, но чья-то грубая рука схватила его за плечо и резко вернула на место. В это время снаружи раздался выстрел, и пуля, с жалобным воем влетев в пещеру, ударилась о каменную стену.

— Лежите, саиб! — прорычал чей-то голос на пушту.

Только теперь Уиллоби понял, что в пещере он не один.

Пещера была небольшая, с выходом на узкое плато, зажатое шероховатыми растрескавшимися скалами. Примерно на сто ярдов перед входом простиралась ровная площадка, усыпанная камнями и изрытая глубокими оврагами. Время от времени из-за этих камней раздавались выстрелы, сопровождающиеся белыми струйками дыма. Пули с резким щелчком разбивались о камень, а некоторые со свистом залетали в пещеру. Уиллоби услышал чье-то тяжелое дыхание и понял, что рядом с ним лежит раненый. Луна стояла под таким углом, что как раз посреди пещеры протянулась белая лунная дорожка;

каждого, кто бы попал на это освещенное пространство, ждала неминуемая смерть.

Люди, находившиеся в пещере, лежали по обеим сторонам лунной дорожки. Их скрывали темнота и обломки скал. На огонь осаждающих они не отвечали, хоть и держали винтовки наготове.

Уиллоби хотел было заговорить, но в этот момент над одним из камней показалась мохнатая шапка. Но и теперь из пещеры не раздалось ни одного выстрела. Было понятно, что это всего лишь хитрость: шапка, наверняка, поднята на дуле винтовки специально, чтобы отвлечь внимание от настоящей опасности.

— Видите этого пса, саиб? — прозвучал из темноты голос, и Уиллоби вздрогнул. Хотя говорили на пушту и почти без акцента, голос явно принадлежал белому человеку — Френсису Ксавье Гордопу.

— Я его вижу. Он выглядывает из-за другого камня, ищет позицию поудобнее, а его сообщник отвлекает наше внимание. Видите? Готовы? Ну, давайте!

Шесть винтовок грохнули нестройным залпом, и из-за камней выкатилась фигура в белом, судорожно вздрогнула и затихла, раскинув руки.

«Отлично стреляют, — подумал Уиллоби, — даже если из шести пуль всего одна достигла цели! Эти люди зря пуль не тратят!»

На успешный залп из пещеры осаждающие ответили гневными криками и целым штормом свинца. Одна пуля, отскочив рикошетом, больно ударила Уиллоби в плечо. Однако стрелки,

не желая подставляться под выстрелы осажденных, палили слишком высоко, чтобы причинить ощутимый вред. Люди Гордона молчали, не желая тратить драгоценный свинец и снисходить до ответов на колкости и оскорбления афганцев.

Когда стрельба затихла, Уиллоби тихо позвал:

— Гордон! Я здесь, Гордон!

Мгновение спустя к нему кто-то подполз.

— Пришли в себя, Уиллоби? Тогда глотните!

Он протянул флягу с виски.

— Нет, старина, спасибо! Здесь есть тот, кому это нужно больше!

И вдруг до него дошло, что он больше не слышит тяжелого дыхания раненого.

— Это был Ахмед-хан,— прошептал Гордон.— Его прострелили навывлет, когда мы пробирались сюда.

— Там, снаружи, оракзаи?

— А кто же еще?

* * *

Биение пульса в голове раздражало англичанина, плечо болело и нестерпимо хотелось пить.

— Давайте уточним, Гордон! Я ваш пленник?

— Это как сказать! Сейчас мы все пленники этой пещеры. Простите за вашу разбитую голову, но мой человек принял вас за оракзая.

— Так что же, черт возьми, произошло? Я помню, как они убили Сулеймана, потом гнались за мной, потом эта затрещина, и я лишился

чувств. Должно быть, я долго пролежал без сознания?

— Долго. Шестеро моих ребят тащили вас на себе всю дорогу от Ущелья Минарета. Я не думал, что Бабер Али хотел убить вас, хоть и не доверял ему. Когда я возвращался в Замок Акбара, меня догнал всадник и рассказал, что Бабер Али бросил вас с четырьмя патанами, а сам направился в свой сангар. Тогда я понял, что они задумали убийство по дороге в Газраэль, а всю вину за это возложат на меня. Вот поэтому я и погнался за вами. Когда вы разбили лагерь возле Джегунгирского колодца, мои люди наблюдали за вами, да и сам я был уже недалеко, так как неслись сломя голову, чтобы нагнать ваш отряд, прежде чем дикари убьют вас. Естественно, я следовал по другой, более короткой тропе, немного южнее. Мои люди видели, как оракзаи убили Сулеймана, но не успели помешать им. Когда вы юркнули в ущелье, они потеряли вас из вида и начали проверять все выходы из ущелья. Вот тут вы и встретились с Хода-ханом! Сначала он крепко треснул вас прикладом, и только потом узнал. Мои люди начали стрелять в ваших преследователей, те тоже в долгу не остались. Я слышал эту перестрелку, но, к сожалению, ее услышал и еще кое-кто! Поэтому здесь мы оказались почти одновременно.

— И кто же это был?

— Ваш друг, Бабер Али, с тридцатью всадниками! Мы перекинули вас через коня, и бой на скаку продолжался до самого восхода луны.

Мы пытались вернуться в Замок Акбара, но оракаи нас догнали: их лошади оказались посвежее! Они окружили нас, и нам ничего не оставалось, как нырнуть в эту пещеру. Вот поэтому мы здесь, а Бабер Али снаружи с тридцатью головорезами, не считая троих, которые убили Сулеймана. Тех он сам застрелил на ходу, когда мы удирали.

— Думаю, старый разбойник сам не рад, что дал волю своему темпераменту,— проговорил Уиллоби.— Чертовски жаль, что он не приехал несколькими минутами раньше. Это спасло бы Сулеймана. Спасибо, что вытащили меня из этой мясорубки, старина! А теперь, если не возражаете, я пойду!

— Куда?

— То есть как, куда? В Газраэль! Сначала к Баберу Али, естественно! Мне есть что сказать этому старому дьяволу!

— Уиллоби! Вы что, с ума сошли? — спросил Гордон.

— Решив, что вы меня отпустите? Что ж, пожалуй! Я забыл, что, как только вернусь в Кабул, вы будете объявлены вне закона, не так ли? Но вы же не можете держать меня здесь вечно?

— А я и не стремлюсь к этому! — разозлился Гордон.— Если бы ваш череп был цел, я бы с удовольствием пробил вам башку за то, что вы обвиняете меня, будто я взял вас в плен! Стряхните пыль с мозгов! Если вы являетесь образцом британского дипломата, то только Бог поможет Империи! Разве вы не понимаете, что, вый-

дя отсюда, сразу же будете начинены свинцом? Не понимаете, что сейчас Баберу Али ваша голова значительно нужнее моей? Как вы думаете, почему он не послал гонца к Афдал-хану, сообщить, что Эль Борак загнан в пещеру в нескольких милях от Замка Акбара? Что ж, я вам скажу: Бабер Али боится, что Афдал-хан узнает, какую кашу он заварил! Для него ничего не стоило удрать, оставив вас на растерзание своим разбойникам. Однако поостыв, он сообразил, что вся ответственность падет на него. Наверное, Бабер был уже близко от своего сангара, когда понял это, потому и взял с собой тридцать всадников и примчался спасать вас, в интересах своей собственной шкуры, конечно! Но он пришел слишком поздно, чтобы помешать убить Сулеймана и слишком поздно, чтобы убить вас!

— Но что...

— Поставьте себя на его место, старина! Подоспей он вовремя, чтобы предотвратить оба убийства, все было бы в порядке. Но его люди убили Сулеймана, и он просто не может оставить вас в живых! Если англичане узнают подлинные обстоятельства смерти Сулеймана, виноват будет он один. А Бабер догадывается, что значит убить британского подданного, особенно работающего, как выяснилось, на английскую секретную службу. Если бы он убрал вас с дороги, то смог бы говорить, что это дело моих рук. А все те разбойники — там, снаружи — выдавшие виды старые волки, готовые по приказу Бабера любому перерезать глотку и поклясться в любой

лжи. Так вот, если вы вернетесь в Кабул и обнарудете всю эту историю, Бабер Али поссорится и с эмиром, и с британцами, и с Афдал-ханом. Поэтому он и решил заткнуть вам рот!

Уиллоби помолчал, а потом честно признался:

— Гордон, я не могу поверить, хотя очень ценю ваш острый ум. Все выглядит разумно и логично, но будь я проклят, старина, не знаю... А что, если это искусно сплетенная ложь? Вы слишком коварны, Гордон, чтобы я без доказательств поверил вашим словам!

— Доказательства? — прошептал Гордон. — Так слушайте же!

Пробравшись поближе к выходу, он спрятался за выступ скалы и крикнул на пушту:

— Огай, Бабер Али!

Выстрелы тотчас прекратились, и даже лунный свет, казалось, затаил дыхание. В тишине раздался голос Бабера Али:

— Говори, Эль Борак! Я слушаю!

— Если я отдам тебе англичанина, ты выступишь с миром моих людей и меня?

— Да, клянусь бородой Аллаха! — отозвался обрадованный голос.

— Но я боюсь, что, вернувшись в Кабул, он станет настраивать эмира против меня!

— Тогда убей его, а голову выброси мне! — ответил Бабер Али, приправляя свою тираду ругательствами и богохульством. — Клянусь Аллахом, я бы сам с удовольствием сделал это!

— Простите, Гордон! — прошептал потрясенный Уиллоби.

— Ну так как? — ревел старый патан, сгорая от нетерпения. — Ты что, играешь со мной, Эль Борак? Отдавай англичанина!

— Нет, Бабер Али, я не смею верить твоему обещанию! — крикнул Гордон.

Короткие переговоры завершились злобными воплями и яростной стрельбой. Когда она поутихла, Гордон подполз к Уиллоби.

— Ну как, убедились?

— Да. Получается, что теперь мне от вас податься некуда! Но почему Бабер Али так разъярен тем, что мне не удалось заключить перемирие?

— Они с Афдал-ханом рассчитывали извлечь выгоду из любого перемирия, которое вы заключите, а меня загнать в капкан. Вас они использовали просто как орудие. Они прекрасно понимают, что будут разгромлены, если не примут нужных мер.

Они помолчали, но через некоторое время Уиллоби спросил:

— Что же теперь? Так и будем сидеть здесь, пока не умрем с голода? Через несколько часов зайдет луна, и они попрут на нас в темноте!

— Я еще никогда не попадался в ловушки, из которых не находил бы выхода! Сейчас я просто жду, когда луна спрячется вон за ту скалу, и вход в пещеру окажется в темноте. Здесь есть выход, о котором оракзаи не знают. Просто узкая нора в задней части пещеры. Пока вы были в беспамятстве, я поковырял ее ножом и немного расширил дулом винтовки. Человек в нее может свободно протиснуться. Нора выходит на утес с другой стороны горы, а утес нависает над рвом

на высоте примерно в пятьдесят футов. Может быть, во рву и есть оракзаи, но я сомневаюсь. Отсюда же на другую сторону горы можно попасть, только преодолев длинный тяжелый подъем. С утеса мы спустимся вниз по канату, который соорудим из наших кушаков и тюрбанов, и отправимся в Замок Акбара. Придется идти пешком. Это всего в нескольких милях отсюда, но тропа проходит по горному хребту, куда может забраться только дьявол!

Луна медленно зашла за скалу, и пещера погрузилась в полную темноту. Людей снаружи не было видно, но все знали, что они, как волки, подстерегают свою добычу.

— Ладно, пошли! — тихо скомандовал Гордон. — Иди впереди, Хода-хан. Я пойду за вами, когда вы минуете расселину. Если со мной что-нибудь случится, доставь саиба в Замок Акбара. Идите по хребту: в долинах могут быть расставлены кордоны.

— Дайте мне оружие! — попросил Уиллоби, и в его руках тотчас оказалась винтовка. Он последовал за почти невидимыми в темноте людьми, и вся группа скрылась в узком туннеле. Сандалии африди бесшумно ступали по каменистому грунту, отчего скрип собственных сапог казался Уиллоби оглушительным. Гордон остался в пещере и то и дело стрелял, чтобы враг не сомневался, что его добыча все еще рядом.

• • •

Примерно через пятьдесят футов ход начал сужаться и пошел вверх. Где-то вдалеке вид-

нелся просвет, и в нем сияла одинокая звездочка. Подъем показался Уиллоби очень долгим, выстрелы за спиной звучали приглушенно, а кусочек неба, обозначающий выход из расселины, был еще далеко. Подъем становился все круче, а свод туннеля все ниже, так что высоким африди приходилось нагибать головы, чтобы не удариться о камни. Наконец они добрались до конца хода — узкой трещины, сквозь которую виднелось небо.

Поочередно все, в том числе и Уиллоби, протиснулись сквозь эту щель, и оказались на освещенном луной утесе, под которым зиял темный ров. Кроме этого утеса, вся сторона горы была затенена.

Африди быстро соорудили канат из кушаков и тюрбанов и перекинули его за огромный валун. Рослый воин по имени Мухаммед держал канат, когда люди Гордона один за другим быстро и бесшумно спускались, исчезая в темноте. Уиллоби по мере сил помогал ему. Перед тем как спуститься, Хода-хан сунул голову в расселину и свистом подал знак Эль Бораку.

Когда спустился Хода-хан, Мухаммед сделал знак Уиллоби, что настала его очередь. Раздавшийся вдалеке приглушенный выстрел говорил о том, что Бабер Али продолжает обстреливать пещеру, не догадываясь об исчезновении противников.

Уиллоби перелез на край утеса, обхватил ногами канат и начал медленно и осторожно спускаться. Мухаммед крепко держал канат, прочно упершись ногами в землю.

Уиллоби был уже на полпути вниз, когда услышал наверху шепот, свидетельствующий о том, что Гордон покинул пещеру и присоединился к Мухаммеду. Поглядев на землю, англичанин увидел неясные фигуры. Африди ждали его. Он был всего в ярде от цели, когда из темноты мелькнул красный огонек и хлопнул выстрел. Канат в руках Уиллоби ослаб, и он полетел на землю головой вперед. В тот же миг сверху упало запутавшееся в канате тело Муххамеда, стукнулось о землю и осталось лежать неподвижно.

Уиллоби силился подняться, но тут за его спиной началась драка. Засверкали ножи, и какие-то люди сцепились в рукопашной схватке. Значит, оракзаи знали об этом выходе из пещеры! Кругом кипел бой. Подскочив к краю утеса, Гордон выстрелил наобум, но в кого-то попал, потому что человек закричал, и его винтовка больно ударила Уиллоби по ноге. Из темноты показалась страшная бородатая морда с оскаленными, как у вампира, зубами. Дулом винтовки Уиллоби перехватил взмах сабли и выстрелил прямо в бородатую рожу.

— Эль Борак! — заревел Хода-хан, добивая мощными ударами какого-то оракзая.

— Бери саиба и уходи! — крикнул ему Гордон.

Уиллоби сообразил, что после того, как погиб Мухаммед, Гордон оказался в ловушке, один на утесе, на высоте пятидесяти футов над ними!

— Нет! — завопил Хода-хан. — Сейчас мы бросим тебе канат!

— Уходите, черт вас подери! — орал Гордон. — Через минуту сюда может придти целая орда! Уходите!

В следующее мгновение Уиллоби подхватили под руки и силком потащили по темному рву. Люди, волочившие его, задыхались, и кровь с их сабель пачкала англичанину брюки. Он смутно различал очертания трех человек, ползущих у подножия скалы, один из них явно был тяжело ранен. Но африди ни на что не обращали внимания: они выполняли приказ своего предводителя и лишь осыпали проклятиями злосчастного англичанина.

* * *

Гордон не терял времени даром. Он понимал, что без каната ему ни за что не спуститься с утеса, но знал, что и враги не смогут до него добраться. Он снова заполз в расселину и побежал назад, готовый в любую минуту встретиться с людьми Бабера Али, наверняка занявшими пещеру сразу, как только ее осветила луна. Но всюду было пусто, и лишь винтовки снаружи изредка постреливали. Очевидно, Бабер Али так и не догадался, что осажденные ушли через потайной ход. Он, конечно, слышал выстрелы с той стороны горы, но или не придал им значения, или решил, что это очередная хитрость Гордона. Знание, что у противника в запасе имеется множество уловок, порой заставляет терять бдительность.

Так или иначе, Бабер Али не послал людей на штурм пещеры и не бросился на подмогу скры-

вавшимся в засаде по другую сторону горы, потому что стрельба ничуть не ослабла. Это означало, что он не знал о том, что во рву находились какие-то люди.

Гордон предположил, что те, кого он принял за засаду, были просто случайными искателями приключений, рыскавшими по горам в поисках наживы. Он ведь видел всего троих, действовавших совершенно бездарно и совершенно не ко времени.

Теперь Гордон понял, какую роковую ошибку совершил. Приняв этих незнакомцев за людей Бабера Али, он приказал своим уходить, а они вполне могли, расправившись с чужаками, привязать к канату камень и бросить ему. Попал в капкан по собственной вине!

Но одно преимущество у него осталось: Бабер Али не знал, что в пещере остался всего один человек. И у Гордона были все основания надеяться, что Уиллоби благополучно доставят в Замок Акбара. Он разок выстрелил и устроился за камнем неподалеку от входа, держа винтовку наготове.

На освещенном луной плато никого не было видно, лишь из-за камней иногда поднимались облачка дыма, однако в ночном воздухе чувствовалась напряженность. Из своего укрытия Гордон видел луну, она изогнутым рогом покоилась на горном хребте. Совсем скоро плато снова погрузится во тьму, и Бабер Али пойдет в атаку на пещеру.

Он, конечно, понимает, что и пленники, воспользовавшись темнотой, попытаются выскочить

на свободу, а потому, вероятно, расставил своих людей по всему плато широкой цепью, которая начнет сжиматься у входа в пещеру после сигнала к атаке. Чем дольше Гордон будет ждать захода луны, тем труднее ему будет проскользнуть через смыкающийся полукруг.

Он принялся деловито вытаскивать пули из патронов и, не забывая посматривать на плато, ссыпать порох в дуло винтовки. Примерно в миле от входа виднелось темное пятно, обозначавшее вход в ущелье, где, как предполагал Гордон, оракзаи спрятали своих коней под охраной, как он надеялся, одного человека.

Ровное, голое плато простиралось почти на сотню ярдов перед пещерой, но футы в пятидесяти его разрезал глубокий, узкий овраг, идущий от середины плато к правому краю. Из этого оврага пока не раздалось ни одного выстрела. Если оракзаи и спрятались там, то лишь тогда, когда Гордон со своими людьми покидал пещеру — в другое время сделать это незаметно не удалось бы: слишком близко от входа был этот овраг.

Гордон решил, как только зайдет луна, выйти и попытаться прорваться через овраг, избегая встречи с оракзаями. Положение становилось критическим и спасти его могли лишь точный расчет и немного удачи! Другого выхода не было!

Самым рискованным было улизнуть из пещеры так, чтобы не попасть под пули винтовок, нацеленных на черную дыру входа. Поэтому Гордон с таким усердием заполнял дуло винтов-

ки порохом и сплюснутыми пулями, собранными на дне пещеры.

Как только скрылась луна, он понял, что сейчас оракзаи, как змеи, поползут из всех щелей, а потом рывком преодолеют последние ярды. Сначала они осыпят пещеру градом свинца и только потом пойдут на штурм. Тридцать пар глаз будут следить за входом, чтобы залпом сразить любого, кто покажется из пещеры.

* * *

Наконец, наступила полная темнота, лишь тусклый свет звезд освещал плато. До острого слуха Гордона донеслись чуть слышное позвякивание сабель и шуршание гравия под ногами.

Поднявшись во весь рост, он поднял винтовку и с силой, прикладом вперед, бросил ее влево от входа. Удар одетого сталью приклада потонул в оглушительном взрыве и ослепительной вспышке огня, когда порох разорвал на куски тяжелое дуло. Гордон выскочил из пещеры и метнулся к оврагу.

Хотя после взрыва началась беспорядочная пальба, ни одна пуля не догнала американца. Как он и рассчитывал, неожиданный взрыв сбил врагов с толку. Громко крича, оракзаи начали бешеный обстрел места взрыва, и, пока продолжалось это неистовство, Гордон добрался до оврага, нырнул в него и тут же попал в лапы какому-то головорезу.

Мгновение спустя, руки Гордона сомкнулись на волосатой шее, заглушив предательский вопль. Противники свалились на землю и винтовка,

бесполезная в таком узком пространстве, выпала из рук оракзая. На плато началось настоящее светопреставление, но Гордон был занят только лежащим под ним дикарем. Патан был и выше, и тяжелее Гордона, с мускулами, словно канаты, но преимущество было на стороне свирепого, как тигр, американца. Катаясь по земле, патан тщетно пытался разжать пальцы, сжимающие его горло. Вцепившись левой рукой в запястье Гордона, правой он пытался нащупать нож у себя за кушаком. Американец успел схватить его руку как раз в тот момент, когда увидел нож.

Патан напряг мускулы, но тщетно. Он не смог высвободить руку из железной хватки Гордона и не смог оторвать его пальцы от своего горла, пальцы, которые давили на его кадык, задирая заросший подбородок. В отчаянии он рванулся вбок, пытаясь коленом ударить Гордона в пах, но именно это и помогло Эль Бораку. Он с такой силой завернул запястье патана, что раздался хруст ломающейся кости. Нож выпал, а Гордон, отпустив руку оракзая, выхватил из-за голенища свой нож и несколько раз ударил противника в грудь.

Волосатую шею врага он отпустил лишь тогда, когда по телу патана прокатилась предсмертная судорога. Гордон склонился над жертвой и прислушался. Борьба была быстрой, ожесточенной и бесшумной. В считанные секунды все было кончено!

Неожиданный взрыв вызвал в рядах оракзеев настоящую панику. Ворвавшись в пещеру,

они не сразу сообразили, что она пуста, и продолжали вести неистовую пальбу. Их нападение скорее напоминало панический бег стада животных, чем атаку. В суматохе один из оракзаев прыгнул в овраг, где затаился Гордон, но в пылу даже не заметил его. Обезумевшие воины Бабера Али с воем продолжали расстреливать пещеру и не обратили внимания на фигуру, выскользнувшую из прямо буквально за их спинами.

* * *

Уиллоби вспоминал это бегство по горам, как кошмар.

Два оборванных, лохматых воина волокли его по темным ущельям, вдоль острых, как ножи, горных хребтов, над головокружительными пропастями, от одного взгляда на которые к горлу подкатывала тошнота. Протесты, увещевания, ругательства ничуть не замедляли летящий шаг, которым двигался его эскорт. Вскоре у него уже не осталось сил даже для того, чтобы поблагодарить Бога, за то, что за ними никто не гнался.

Уиллоби дышал, как умирающая рыба, и старался не смотреть вниз. Британца не отпускала мысль, что африди не забудут, что из-за него Гордон попал в капкан. Они с удовольствием сбросили бы его в пропасть, если б не приказ вождя.

Когда скрылась луна, идти стало еще тяжелее, но, слава Богу, страшные пропасти превратились теперь просто в черные пятна. Однако тошнота от этого не исчезала...

Уважение к физической силе Гордона выросло до благоговейного ужаса: его силу и выносливость признавали даже эти длинноногие широкогрудые горцы с железными мускулами! Уиллоби втайне очень хотелось, чтобы они устали, но африди, подхватив его с обеих сторон, гнали, помогали, тянули, а он все равно выбивался из сил. Вся его одежда пропиталась потом, колени дрожали, а икры сводила судорога. Изнемогая, он думал, что Гордон по праву заслужил господство над этими варварами. Однако большую часть пути он вообще ни о чем не думал: все его усилия были сосредоточены на том, чтобы успевать передвигать ноги и хватать ртом воздух. Вены на висках чуть не лопались, перед глазами плыли красные круги, но внезапно, к своей радости, он почувствовал, что его эскорт, его тюремщики, его мучители сбавили шаг. Из горла Уиллоби вырвался бессвязный хрип благодарности и, стряхнув пот со лба, он увидел, что их отряд вышел на тропу, идущую по скале, образующей естественный мост над ущельем. Впереди, над нагромождением зазубренных скал виднелась огромная темная глыба, возвышающаяся на фоне звезд загадочным замком.

На резкий крик часового, раздавшийся с той стороны моста, Хода-хан ответил бычьим ревом. Из-за скал тотчас высунули головы бородастые привидения с винтовками.

Уиллоби был настолько обессилен, что с трудом сообразил: изнурительной дороге пришел конец.

Африди привели его в полукруглое помещение, в которое струился мертвенно-белый свет.

Это и был Замок Акбара. Держась за мускулистые плечи своих провожатых, Уиллоби, шатаясь, спустился по ступенькам короткого узкого хода и оказался в большом зале, освещенном дымными факелами и небольшим костром, над которым кипел чайник и варилось мясо. Вокруг костра сидело с полдюжины человек, а еще человек сорок спали на каменном полу, завернувшись в овчинные бурки. В стенах зала были сделаны углубления в виде келий. В дальнем углу Уиллоби заметил дверь, что вела в конюшню, где размещалось множество лошадей. На полу вдоль стен лежали седла, скатанные одеяла, конское снаряжение, винтовки и мешки с провизией.

* * *

Люди у костра поднялись и вопросительно уставились на англичанина и его эскорт. Лежащие на полу завозились, начали приподниматься и протирать глаза, а из самой широкой двери появился высоченный широкоплечий головорез и остановился перед пришедшими, возвышаясь над ними почти на полголовы. Засунув руки за кушак, он оглядел прибывших недобрый взглядом.

— Кто этот европеец? — прорычал он. — Где Эль Борак?

Двое из эскорта опасливо отступили, а Ходахан решительно ответил:

— Это саиб Уиллоби, с которым Эль Борак встречался в Ущелье Минарета, Яр Али-хан. Мы

спасли его от Бабера Али, который хотел убить саиба и загнал нас в пещеру, где Яр Муххамед три лета назад застрелил волка. Из пещеры мы выбрались по потайному ходу, но канат упал, и Эль Борака остался на утесе в пятидесяти футах над нами...

— Аллах! — раздался леденящий кровь вопль Яр Али-хана, совершенно обезумевшего от ярости. — Псы! Вы оставили его умирать! Проклятье на ваши головы! Будьте вы все забыты Аллахом! Я...

— Он приказал нам уходить и доставить этого англичанина в Замок Акбара! — оправдывался Хода-хан. — Мы рвали на себе волосы и рыдали, но не посмели послушаться приказа!

— Аллах! — продолжал бушевать Яр Али-хан, хватая винтовку, патронташ и уздечку. — Приведите лошадей и оседлайте их!

Десятка два человек заметались по залу.

— Поторапливайтесь! Сорок человек пойдут со мной спасать Эль Борака! Остальным — охранять Замок! Командовать будет Хода-хан!

— Оставь дьявола командовать адом! — обозлился Хода-хан. — Я поеду с тобой спасать Эль Борака или выпущу в тебя все свои пули!

Трое товарищей Хода-хана не менее рьяно поддерживали его. После схватки с Бабером Али и пробега длиной в ночь они совершенно взбесились и были готовы на любой риск ради своего вождя.

— Идите! Оставайтесь! Делайте, что хотите! — неистовствовал Яр Али-хан. — Если Эль Борака погиб, я тебе отомщу, клянусь бородой

пророка! Сгнои меня Аллах, если я не всажу все содержимое моей винтовки в ваши глотки, вы, шакалы! Поторопитесь с лошадьми!

— Яр Али-хан! — раздался пронзительный крик, и в двери появился высокий африди. — По долине кто-то скачет, очень быстро скачет!

Размахивая винтовкой, Яр Али-хан с воем бросился в дверь, а за ним и все остальные. Лишь те, кто готовил лошадей, остались в пещере.

В суматохе совсем забыли про Уиллоби, и он, хромая, поплелся к выходу, припоминая истории, которые рассказывали об этом мрачном великане и его внезапных приступах ярости. Туннель, по которому орда пролетела не менее ста футов, заканчивался отверстием, в которое пробивался серый свет зари. Африди, а за ними и Уиллоби, выскочили на вершину огромного утеса, шириной футов в сто и высотой не менее пятидесяти. Эта естественная площадка очень напоминала галерею перед домом.

Вдоль ее полукруглого края возвышалась высокая, массивная, сооруженная человеческими руками каменная стена, с проделанными в ней бойницами. В стене были оставлены ворота, закрывающиеся тяжелыми бронзовыми створками, и от этих ворот, теперь открытых, широкие ступени из сплошных каменных плит вели вниз к тропке, которая серпантинном спускалась примерно футов на триста на самое дно ущелья.

Гора, в которой находилась пещера, замыкала западный конец долины. Над ней еще висел

густой туман, и из этого тумана появился человек на огромном белом коне, летящий в сумраке утренней зари, как призрак.

Яр Али-хан мгновение пристально всматривался, затем судорожно рванулся вперед, высоко взметнув над головой винтовку.

— Эль Борак! — взревел он.

Наэлектризованные его истошным криком, люди мигом взлетели на стену, а те, кто седлали коней внутри, бросили свое занятие и выскочили наружу. Вскоре вся стена была усыпана африди, напряженно сжимающими винтовки и глядящими в белый туман, из которого, как они полагали, в любой момент могли появиться преследователи их вождя.

Уиллоби наблюдал за разыгрывающейся перед ним сценой и чувствовал дрожь в коленях, видя и слыша, с каким бешеным восторгом эти дикари приветствуют человека, завоевавшего их преданность. Гордон был не просто блефующим авантюристом, он был настоящим вождем, и это, понял Уиллоби, значительно осложнит его задачу.

* * *

Преследователи из тумана не появились, и Гордон, подгоняя своего коня, поднялся по широким ступеням и въехал в ворота, наклонив голову под аркой.

От такого бурного ликования кровь закипела бы даже у короля. Патаны столпились вокруг Гордона, нежно притрагивались к его рукам и одежде, воздавая хвалу Аллаху за то, что их люби-

меч цел и невредим. Американец оглядел воинов с радостной улыбкой, развернулся и бросил удила человеку, стоящему ближе всех. Яр Али-хан тотчас же выхватил их, свирепо сверкнув глазами.

Уиллоби сделал шаг вперед. Он знал, что в своем испачканном, разорванном костюме похож на пугало, но и Гордон выглядел, как мясник, в окровавленных рубахе и штанах, о которые он, по-видимому, вытирал руки. Однако, судя по всему, ранен он не был. Взглянув на англичанина, Гордон впервые улыбнулся ему:

— Путешествие не из легких, да?

— Мы здесь всего несколько минут, — ответил Уиллоби.

— Вы сократили путь. Я выбрал длинную дорогу, но большую часть пути проделал на коне Бабера Али.

— Вы упомянули о засадах, которые могли быть расставлены в долинах...

— Да. Но верхом я мог рискнуть. В меня, конечно, стреляли, но... промахнулись. Ранним утром трудно целиться из-за тумана.

— Как же вам удалось выбраться?

— Подождал, пока зайдет луна, и решил прорваться. Пришлось убить одного. Мы немного поборолись, а потом мне удалось всадить в него нож. Пока оракзаи штурмовали пустую пещеру, я украл у Бабера коня и, убив охранника, разогнал его лошадей по каньону. Бабер, конечно, догадается, куда я ушел. Они бросятся за мной в погоню, как только сумеют поймать своих лошадей. Подозреваю, они скоро будут штурмовать Замок, но только зря потеряют время!

Уиллоби огляделся и поразился мощным укреплениям этой крепости. Вход через мост, по которому в Замок доставили Уиллоби, мог защищать всего один стрелок, потому что попытка пройти по совершенно открытому, узкому мосту через глубокую пропасть перед Заком была равносильна самоубийству. И никто на земле не смог бы пройти по долине с другой стороны и забраться по этой лестнице под прицелом винтовок людей Гордона. Гора, в которой находилась пещера, возвышалась над окружающими ее вершинами, как огромная каменная цитадель. Скалы, окаймляющие долину, были ниже укрепленного утеса; ползущий по ним мог служить хорошей мишенью для тех, кто затаился выше. С других направлений атаки ожидать не приходилось.

— Это действительно территория Афдал-хана, — сказал Гордон. — Замок был аванпостом монголов, что явствует из его названия. Сначала его укрепил сам Акбар. Прежде, чем им завладел я, его долго удерживал Афдал-хан. Отсюда я могу защитить Куррам лучше всего. Когда были сожжены близлежащие деревни, все мои люди спрятались в Курраме, а люди Афдала в Хорук. Чтобы напасть на Куррам, Афдалу пришлось бы пройти через Замок Акбара и оставить меня у себя за спиной. Он не осмеливается пойти на это. Вот почему он хотел перемирия — думал, что я оставлю Замок. Если я попаду в засаду, буду убит или окружен в Курраме, он сможет беспрепятственно нанести удар по Курраму, не боясь, что я сожгу Хорук или

заманю его в ловушку на моей территории. Он слишком боится за свою шкуру. Я неоднократно вызывал его на поединок, но он ни разу не ответил. Пока не разгорелась вражда, он не выезжал из Хорука без сопровождения, по меньшей мере, сотни человек, а все мои силы состоят из ста человек, куда входят те, кто несет свою службу здесь, и те, кто охраняет женщин и детей в Курраме.

— И с таким небольшим войском вы нанесли противнику такой урон? — удивился Уиллоби.

— В этом нет ничего трудного, если есть люди, которые тебе верят, и если знаешь местность и постоянно находишься в движении. Джеронимо с горсткой апачей уничтожил почти целое войско, а я вырос в его стране. Я просто усвоил его тактику. Если бы у Афдала достало мужества встретиться со мной, вражде настал бы конец. Он вождь — остальные лишь идут у него на поводу. А сейчас мне, возможно, придется уничтожить весь клан Хорука. Но я до него доберусь!

В глазах Гордона сверкало темное пламя, и Уиллоби словно пронзил заряд этой непоколебимой решительности. И снова он поклялся, что положит конец вражде сам, своим методом, оставив Афдал-хана в живых. Хотя пока он не представлял, как это ему удастся.

Гордон пристально посмотрел на британца и посоветовал:

— Вам неплохо бы пойти поспать. Насколько я знаю Бабера Али, он пойдет по моим следам прямо к Замку. Он понимает, что та-

кой крепкий орешек ему не по зубам, но все же попытается его разгрызть. С ним, по крайней мере, человек сто, которые не слушаются больше ничьих приказов — даже приказов самого Афдал-хана. Когда начнется стрельба, поспать уже не удастся. Вы выглядите немного усталым.

Уиллоби понял, что Гордон прав. При виде белых проблесков зари над пепельно-серыми вершинами, веки у него начали слипаться, дремота становилась все непреодолимее. Он еле-еле, спотыкаясь, зашел в пещеру, и даже запах жарящегося барашка ничуть не уменьшил желания спать. Кто-то помог ему дойти до груды одеял, и он заснул, не успев закутаться в них.

Гордон стоял и загадочно смотрел на спящего человека. Яр Али-хан подошел бесшумно и спокойно, как полярный волк; с трудом верилось, что всего час назад в нем бушевал целый ураган эмоций.

— Это друг, саиб?

— Гораздо больший друг, чем он сам думает, — таинственно ответил Гордон. — Полагаю, друзья Афдал-хана проклянут тот день, когда Джефффри Уиллоби появился на холмах.

* * *

Снова раздался злобный треск винтовок, и Уиллоби проснулся. Он сел, недоуменно озираясь и не в силах понять, где находится и как сюда попал. Затем вспомнились события прошлой ночи: он в крепости вождя, объявленного вне закона, а эти выстрелы означают осаду,

которую предсказывал Гордон. Он был один, если не считать лошадей, жующих свой корм в стойлах на другом конце пещеры. Уиллоби узнал большого белого жеребца, принадлежащего Баберу Али.

Костер превратился в груды углей, а дневной свет, пробивавшийся сквозь две арки, связывающие пещеру с внешним миром, дополнялся полудюжиной бронзовых ламп, напоминавших античные светильники.

Над углями булькала тушенная баранина, а рядом стояло блюдо, полное купатов. Уиллоби вдруг осознал, что нестерпимо голоден и незамедлительно принялся за еду. Потом запил завтрак сладкой прохладной водой из огромной тыквенной бутылки, встал и пристально посмотрел в сторону туннеля, через который впервые вошел в Замок.

Возле входа он чуть не споткнулся о какой-то нелепый предмет — большой телескоп, стоящий на треноге, явно современный и дорогой. Выглянув из пещеры, он увидел несколько воинов, сидящих у крепостного вала с винтовками на коленях. Посмотрев на каменную ленту, служащую мостом через глубокое ущелье, он вспомнил, как шел по ней ночью, и содрогнулся. В некоторых местах ширина моста не превышала фута. Уиллоби повернулся, пересек пещеру и пошел в другой туннель.

У выхода англичанин остановился. Вдоль стены, ограждавшей утес, у бойниц лежали воины африди. Они не стреляли. Проходя по утесу, Гордон остановился возле бронзовых ворот, так,

что его голова стала видна всякому, кто мог находиться внизу, в долине, и кивнул, приветствуя Уиллоби. Британец снова оказался среди осажденных, но на этот раз преимущество было на стороне защитников.

Снизу, из долины, держа винтовки наперевес, очень медленно пешим ходом приближалась длинная цепь стрелявших на ходу ораказев. Позади, казавшиеся издалека совсем маленькими, паслись лошади, за которыми присматривали люди, расположившиеся в тени утеса. Положение солнца указывало на то, что день в самом разгаре.

— А я, оказывается, проспал дольше, чем думал,— заметил Уиллоби.— Как долго продолжается этот бой?

— С самого полудня. Они бесстыдно растрачивают русские патроны. Вы спали, как мертвый. Бабер Али добрался сюда не так быстро, как я думал. Очевидно, он останавливался, чтобы набрать в свое войско побольше людей. Их там не меньше сотни.

Уиллоби атака казалась совершенно бесполезной. Люди в Замке были очень надежно защищены, чтобы страдать от пуль Бабера Али. А прежде чем атакующие подберутся достаточно близко, чтобы стрелять прицельно, африди уложат их своими пулями, как кегли. Британец уловил очертания людей, ползущих между валунами на утесе, но их положение было так же невыгодно, как и положение тех, кто находился в долине. Стрелки Гордона занимали по отношению к ним гораздо более удачную позицию.

— На что же надеется Бабер Али? — поинтересовался Уиллоби.

— Ни на что. Он знает, что вы здесь, со мной, и что у него один шанс против тысячи. Он попусту тратит время. У меня достаточно снаряжения и еды, чтобы выдержать шестимесячную осаду, вдобавок в пещере есть источник.

— Почему бы Афдал-хану не оставить здесь часть своих людей, а самому с остальными силами отправиться на штурм Куррама?

— Для того, чтобы штурмовать Куррам, защитные укрепления которого почти так же сильны, как эти, ему потребовался бы весь отряд. К тому же он боится, что я зайду к нему со спины. Слишком велик риск, что его людям не удастся удержать нас взаперти. Прежде чем нанести удар по Курраму, он должен уничтожить меня в Замке Акбара.

— Дьявол! — раздраженно произнес Уиллоби, вспомнив о своей миссии. — Я пришел покончить с этой враждой, а теперь я узник. Я должен выбраться отсюда, должен вернуться в Газраэль!

— Я не меньше вас хочу, чтобы вы отсюда выбрались живым, — ответил Гордон. — Если вас убьют, в этом обвинят меня. Я не возражаю, чтоб меня объявили вне закона за то, что я сделал, но мне вовсе не хочется брать на себя ответственность за то, чего я не совершал.

— А не мог бы я выскользнуть отсюда сегодня ночью? По мосту...

— На другой стороне ущелья сидят люди и следят за каждой мышью. Если кто-то и наме-

рен закрыть вам рот, то это, несомненно, Бабер Али.

— Если бы Афдал-хан знал, что происходит, он бы сам пришел сюда и стащил этого старого головореза с моей шеи,— проворчал Уиллоби.— Афдал понимает, что не может позволить людям своего клана убить англичанина. Но Бабер, конечно, позаботится, чтобы Афдал ничего не узнал. Если бы я мог отправить ему письмо... Но это, разумеется, невозможно.

— Почему же, можно попытаться,— возразил Гордон.— Напишите записку. Афдал знает ваш почерк, не так ли? Прекрасно! Сегодня вечером я выберусь отсюда и передам вашу записку на его аванпост в нескольких милях за Колодцем Джегунгира.

— Но если я не смогу отсюда выскользнуть, то как же вы...

— Я прекрасно с этим справлюсь. Не считайте мои слова за оскорбление, но вы, англичане, даже стараясь двигаться как можно тише, шумите, точно стадо длиннорогих волов. Оракзаи среди скал, на другой стороне Ущелья Мекрама. Я не стану переходить через мост. Сегодня вечером, прежде чем взойдет луна, меня спустят в ущелье по веревочной лестнице. Я доберусь до ближайшего аванпоста, оберну запиской камень и брошу им. Там люди Афдала, а не Бабера, и они передадут ему ваше послание. Я вернусь тем же путем после того, как зайдет луна. Со мной ничего не случится.

— Но когда Афдал-хан придет за мной, вы гарантируете его безопасность?

— Можете сказать Афдал-хану, что ему не причинят ни малейшего вреда, если он будет вести честную игру,— ответил Гордон.— Но лучше устроить так, чтобы вы могли увидеть его и знать, что он здесь, прежде чем покинете Замок. Вот в этом-то вся соль! Афдал не осмелится показаться! Бойтся, что я его застрелю. Он сам не единожды нарушал договоры, поэтому ему трудно поверить, что кто-то умеет держать слово. Особенно, когда дело касается его собственной skóry. Он поверил мне, что я сдержу слово относительно Бабера и вашего эскорта, но доверит ли он мне свою судьбу?

Уиллоби нахмурился, набивая трубку.

— Погодите! — вдруг сказал он.— В пещере я видел большой телескоп на треноге. Он работает?

— Конечно! Я привез его из Германии, проволочек через всю Турцию и Персию. Благодаря ему, Замок Акбара никто никогда не заставлял врасплох. В него можно видеть на многие мили вдаль.

— Афдал-хан о нем знает?

— Я в этом не сомневаюсь.

— Замечательно!

* * *

Усевшись на камень, Уиллоби достал карандаш и блокнот, положил его на колени и написал, как всегда, ясно и лаконично:

«Афдал-хан, я в Замке Акбара, который сейчас осаждают твой дядя, Бабер Али. Бабер был так взбешен моей неудачной попыткой заклю-

чить перемирие, что позволил убить моего слугу Сулеймана, а теперь намерен убить меня, чтобы я не наговорил лишнего. Мне не надо тебе напоминать, как пагубно отразится моя смерть на интересах твоего дела. Я хочу, чтобы ты пришел в Замок Акбара и вызволил меня отсюда. Гордон дает слово, что ты не пострадаешь, если будешь вести честную игру, но у тебя есть возможность исключить даже малейший риск. У Гордона есть большой телескоп, в который я смогу тебя увидеть, когда ты будешь еще недосыгаем для винтовочного выстрела. В Ущелье Мекрама, к югу от Замка, лежит груда обломков, отколовшихся от правой скалы. Если ты встанешь на эти камни, я легко тебя увижу. Естественно, я не покину Замок, пока не буду знать, что ты здесь и готов защитить меня от своего дяди. Как только я тебя увижу, я один спущусь в ущелье. Ты сможешь все время наблюдать за мной и убедиться, что ни я, ни Гордон не затеваем предательства. Замок не покинет никто, кроме меня. Что же касается твоих действий, я не хочу, чтобы кто-либо из твоих людей двинулся дальше этих камней, иначе я не отвечаю за их безопасность, потому что намерен сохранить жизни и Гордона, и твою.

Джеффри Уиллоби

— Уж не знаю, подействует ли на Афдала это послание. Он прячется от меня с тех самых пор, как началась эта заваруха,— прочитав записку, сказал Гордон.

Остаток дня прошел в томительном ожидании, а солнце, казалось, необычно медленно

подползало к западным вершинам. Внизу, в долине, и на утесах оракзаи продолжали вести бесполезную стрельбу, и Уиллоби лишний раз убедился, как прав был Гордон, утверждая, что снаряжение им поставляют какие-то западные силы.

Африди не отвечали. Расположившись за стеной, они смеялись, шутили, жевали вяленое мясо и стреляли сквозь наклонные бойницы, когда неутомонные оракзаи подбирались слишком близко.

Уиллоби понял, что Гордон был прав, говоря, что люди, удерживающие Замок Акбара, победят. Только такой отчаянный старый дикарь, как Бабер Али, может терять время и людей, пытаясь взять Замок. И все же, оракзаи когда-то владели им! Как Гордону удалось взять эту крепость, Уиллоби не представлял.

Наконец, солнце зашло. Гималаи окутали бархатные сумерки, и на небе стали появляться звезды. Перед восхищенным Уиллоби выросла темная фигура Гордона.

— Пора идти.

Американец отложил в сторону винтовку и пристегнул к поясу саблю. Уиллоби пошел за ним в пещеру, теперь погруженную в сумрак и освещенную лишь тусклым светом бронзовых ламп, а оттуда через узкий туннель прямо на утес.

За ними последовали Яр Али-хан, Хода-хан и еще шестеро человек. Свет из пещеры пробивался в туннель, едва освещая движущихся людей. Затем ворота тихо закрылись, и спутники

Уиллоби превратились в бесформенные размытые пятна. Ущелье внизу казалось черной, бездонной пропастью. Мост превратился в темную полосу, бегущую в неизвестность и исчезающую в ней. Даже самые зоркие глаза, наблюдающие с возвышавшихся за ущельем гор, не смогли бы различить утес под черной массой Замка. Тем более движущихся по нему людей.

Голоса работающих на краю утеса казались тихим бормотанием, напоминающим шепот ночного ветерка. Уиллоби скорее почувствовал, нежели увидел, что они спускают канатную лестницу длиной в сто пятьдесят футов в ущелье. Лицо Гордона в темноте казалось светлым пятном. Уиллоби на ощупь искал руку американца и обнаружил, что тот уже перебрался через вал и раскачивается на лестнице, конец которой прикреплен к огромному чугунному кольцу, вмурованному в камень утеса.

— Гордон, мне не по себе... Я позволяю вам так рисковать из-за меня... А если в ущелье сидит кто-нибудь из этих дьяволов?

— Маловероятно. Они не знают, что у нас есть этот путь. Если мне удастся украсть коня, я вернусь в Замок еще до зари. Если не удастся, и мне придется проделать все путешествие пешком, то, пересидев день в горах, я вернусь в Замок только следующей ночью. Обо мне не беспокойтесь. Они меня никогда не увидят. Яр Али-хан, жди атаки еще до того, как взойдет луна!

— Да, саиб,— невозмутимо ответил бородастый великан, и Уиллоби немного успокоился.

В следующий момент фигура Гордона растворилась в царившем внизу мраке. Он спустился всего на четыре ступеньки, а люди, припавшие к крепостному валу, уже не видели его. Спускался Гордон совершенно бесшумно. Ходахан опустился на колени, положил руку на веревочную лестницу и, как только почувствовал, что натяжение ослабло, принялся тянуть лестницу вверх. Уиллоби склонился над краем утеса и напряг слух, чтобы уловить снизу хоть какой-то звук: скрип кожи, чавканье глины, но ничего не услышал.

Щекоча бородой ухо Уиллоби, Яр Али-хан пробормотал:

— Нет, саиб, если бы ваши уши услышали его, любой оракзай на той стороне горы знал бы, что по ущелью крадется человек! Если вы его не слышите — не слышат и они. Скалолазы из Хайбера, могут выкрасть винтовки из палаток британских солдат, но в сравнении с Эль Бораком они просто неумелые скоты.

Прежде, чем займется заря, в ущелье завоет волк, и это будет знак, что Эль Борак вернулся. Тогда мы спустим ему лестницу.

Тем не менее, огромный африди склонился над крепостным валом и еще в течение пятнадцати минут внимательно прислушивался, а потом, сделав знак остальным, повернулся и открыл ворота.

Все поспешно протиснулись внутрь. Где-то в темноте ущелья хлопнул выстрел, свинец ударил в скалу чуть выше фута над аркой. Несмотря на крепостной вал, беглого взгляда поверх

скал было достаточно, чтобы заметить свет открытых ворот. Но это была стрельба вслепую. Часовые, оставшиеся на утесе, никак не отреагировали.

Вернувшись за крепостную стену, Уиллоби обнаружил, что воины заняли свои места возле бойниц. В любую минуту можно было ждать нападения, о котором предупреждал Гордон.

— Как Гордону удалось завладеть Замком Акбара? — поинтересовался Уиллоби у Хода-хана, который, казалось, был больше расположен к беседе, чем остальные воины.

Африди с винтовкой в руке присел на корточки. Над ними простирался иссиня-черный небосвод гималайской ночи, усыпанный седым серебром звезд.

— Чтобы отвлечь внимание Бабера Али, он послал Яр Али-хана с сорока всадниками к его сангару, — начал Хода-хан. — Думая заманить нас в ловушку, Афдал вывел всех своих людей из Замка Акбара, оставив здесь только трех человек. Афдал был уверен, что эти трое смогут противостоять целому войску, и они бы сделали это, если бы их противником не оказался Эль Борак! В то время, как Бабер Али и Афдал пытались окружить Яр Али-хана с сорока всадниками, а мы вдоволь потаскали этих псов по холмам, Эль Борак один проскакал верхом по всей долине. Он нарядился персидским купцом, но его богатое одеяние было испачкано и разодрано, а тюрбан съехал набок. Он скакал по

долине и кричал, что воры ограбили его караван и гонятся за ним, чтобы отнять мешок с золотом и драгоценностями. Проклятые псы, которых оставили охранять Замок, были жадными и увидели только богатого и беспомощного купца, которого можно ограбить. Поэтому они стали зазывать его укрыться в Замке и открыли ворота. Эль Борак въехал в Замок Акбара, воздавая хвалу Аллаху, с якобы пустыми руками, но с ножом и пистолетами под халатом. Проклятые начали насмехаться над ним и навалились, чтобы обобрать, и, клянусь Аллахом, удивились, увидев, что под шкурой ягненка скрывается тигр! Одного он убил ножом, остальных застрелил. Эль Борак один взял твердыню, которую тщетно штурмовали целые армии! Когда сорок один всадник убежал от оракаев, а назад вернулось вдвое больше, как и предполагалось — о чудо! — бронзовые ворота открылись перед нами, и мы стали господами Замка Акбара! Ха! Забытые Богом штурмуют лестницу!

Из темноты внизу донеслось быстрое цоканье копыт, и Уиллоби разглядел, что по долине кто-то движется. Приближающееся пятно постепенно превращалось в неясно очерченные фигуры, скачущие по извилистой тропе. В это же время за замком, из-за Ущелья Мекрама, прогремели винтовочные выстрелы. Африди не проявили ни малейшего беспокойства. Хо-да-хан даже не закрыл бронзовые ворота. Стрельба продолжалась, и вскоре по нижним ступенькам лестницы зацокали лошадиные копыта. Затем под стеной вспых-

нуло пламя, и в его свете Уиллоби увидел грызущих удила лошадей и дикие лица оракзаев.

В тишине, последовавшей за этим залпом, раздались крики раненых, жалобное ржанье лошадей, скрежет подков о камень и шум, с которым скатывались с лестницы убитые животные и люди. На нижних ступенях образовалась гора тел, мертвых и умирающих, человеческих и лошадиных. Лестница превратилась в бойню, а выстрелы загревели снова.

Уиллоби дрожащей рукой вытер влажный лоб, благодаря Бога за то, что шум битвы затих. От стонов и криков умирающих ему становилось нехорошо.

— Они безумцы, — сказал Хода-хан, заряжая винтовку. — В прошлом они трижды атаковали Замок в темноте и трижды были разбиты наголову. Бабер Али похож на слепого быка, рвущегося к своей гибели.

Теперь винтовочные выстрелы громыхали по всей долине. Это осаждающие, потерпев полное поражение, изливали свой гнев в бесполезных залпах. Пули бились о стену утеса, и Хода-хан закрыл бронзовые ворота.

— Почему они не атакуют через мост? — недоумевал Уиллоби.

— Они атаковали, не сомневайтесь. Слышали выстрелы? Но мост слишком узок, один человек, спрятавшись за крепостным валом, может удерживать его. А у нас там шесть человек, и все они искусные стрелки.

Уиллоби кивнул, вспомнив об узкой каменной полоске, висящей над зияющей пропастью.

— Смотрите, саиб, луна всходит.

Сияние над черными восточными вершинами превратилось в мягкое золотое пламя. Затем из-за Гималаев медленно выполз красноватый серп.

Хода-хан открыл ворота, посмотрел вниз и тихо заворчал от удовольствия. Уиллоби, взглянув через его плечо, содрогнулся. Подножие лестницы ярко освещала луна. Мертвые лошади и мертвые люди образовали могильный холм, из которого, как сорняки, выросшие на обильно политой кровью почве, торчали винтовки и лезвия сабель. В этом кровавом месиве нашли упокоение не менее дюжины лошадей и почти столько же людей.

— Не пристало губить хороших лошадей,— пробормотал Хода-хан, закрывая ворота.— Бабер Али просто безумец.

Кутаясь в овчинную накидку, Уиллоби прислонился к стене. Ему было не по себе и он чувствовал себя совершенно бесполезным. Люди внизу, в долине, должно быть, испытывали то же самое, потому что беспорядочная стрельба начала затихать. Даже Бабер Али, наверное, уже понял тщетность атаки. Уиллоби горько улыбнулся. Он приехал сюда, чтобы прекратить разгоревшуюся на холмах вражду, но все его усилия привели к тому, что теперь у замка лежали груды мертвецов. Но игра еще не закончена. Мысль о Гордоне, украдкой пробирающемся где-то по этим черным горам, отбивала всякий сон. Но все же, в конце концов, дремота одолела его.

* * *

Рано утром британца разбудил Хода-хан. Уиллоби поморгал, протер глаза. Заря еще только окрашивала вершины белым цветом. У бойниц на корточках сидели человек десять, а из пещеры доносился запах кофе и жареного мяса.

— Ваше письмо благополучно доставлено, саиб.

— А? Что такое? Гордон вернулся?

Уиллоби с трудом разогнул спину. Он испытывал облегчение от того, что Гордон все-таки не пострадал из-за него. Британец посмотрел через вал. Лагерь нападающих прикрывала завеса утреннего тумана, но было видно, как к небу поднималось несколько струек дыма. Он не стал глядеть на подножие лестницы: ему совсем не хотелось увидеть холодные лица мертвецов в белом утреннем свете.

Уиллоби последовал за Хода-ханом в огромную комнату, и африди жестом пригласил его в похожую на келью нишу, где лежал человек. Он лежал спиной к вошедшим, но черные, коротко постриженные волосы и грязный костюм цвета хаки не оставляли сомнений в том, что это Гордон.

— Он устал,— сказал Хода-хан.— Он спит.

Уиллоби кивнул. Хотя вспоминая предыдущую ночь, он уже начал сомневаться, испытывает ли Гордон потребность в отдыхе и сне, как все нормальные люди.

— Вам надо идти на утес и наблюдать за Афдал-ханом,— сказал Хода-хан.— Мы уже установили там телескоп, саиб. Завтрак вам при-

несут туда, потому что мы не можем предугадать, когда придет Афдал.

Телескоп действительно стоял на утесе, и его тень на крепостном валу напоминала тень от пушки. Уиллоби навел его на обломки валунов во рву. Ущелье Мекрама проходило с севера к юго-западу. Добраться до Скал незаметно для обитателей Замка можно было только оттуда. Но и со стороны Замка никто бы не мог подойти к Скалам так, чтобы его не увидел тот, кто там спрятался.

Скалы представляли собой беспорядочно разбросанные огромные валуны, отколовшиеся от стен каньона. Как раз тогда, когда Уиллоби навел на скалы телескоп, их накрыл густой туман, и они стали почти невидимыми. Однако время шло, туман постепенно рассеивался, их очертания становились резче, и вот на самой высокой скале Уиллоби разглядел неподвижную фигуру. В телескоп она была ясно различима. Относительно того, кто это, сомнений не возникало. Это был Афдал-хан, наблюдающий за Замком в бинокль.

— Он, наверное, получил письмо еще ночью и очень быстро ехал верхом, чтобы добраться сюда так рано,— пробормотал Уиллоби.— А может быть, он находился где-то ближе Хорука. Гордон что-нибудь об этом говорил?

— Нет, саиб.

— Ладно, это не так уж важно. Не будем будить Гордона. И завтрака я ждать не стану. Скажи Эль Бораку, что я благодарен ему за все, что он для меня сделал, и передай, что я сам

сделаю для него все, что смогу, когда вернусь в Газраэль. Но лучше бы ему прекратить эту вражду. А я позабочусь о том, чтобы Афдал не пошел на предательство.

— Да, саиб.

Африди перебросили веревочную лестницу через крепостной вал, и она, быстро раскрутившись, раскачивалась в фуге от земли. Воины с винтовками наготове ждали у крепостного вала, но, когда Уиллоби на виду у всей долины поднялся на вал, по спине у него почему-то поползли мурашки.

Впрочем, ни одна из винтовок, притаившихся за утесами, не заговорила. Разумеется, одного вида Афдал-хана было достаточно для того, чтобы англичанин мог считать себя в безопасности. Уиллоби поставил ногу на перекладину лестницы и начал спускаться, стараясь не смотреть вниз. Лестница сильно раскачивалась, и ему приходилось время от времени крепко упираться в стену утеса. Но в целом все шло не так плохо, и наконец он с облегчением вздохнул, почувствовав под ногами скалистую почву. Уиллоби помахал рукой, но лесницу уже быстро поднимали вверх. Англичанин повернулся и зашагал вдоль ущелья, чтобы не опоздать на условленную встречу.

Утро постепенно вступало в свои права. Белый туман сначала порозовел, а потом и вовсе исчез. Теперь Уиллоби и без бинокля ясно видел очертания Скал, но Афдал-хан словно куда-

то испарился. Несомненно, подозрительный вождь наблюдал за его приближением из какого-нибудь укромного места. Уиллоби напряг слух, но стрельбы, означавшей, что Бабер Али возобновил осаду, не было. Уиллоби представил себе гнев, охвативший Афдала, когда тот узнал о неблагоприятных действиях своего дяди. Безусловно, Бабер Али уже получил соответствующие указания от племянника.

Британец подошел к Скалам — огромной грудке разбитых временем валунов.

Остановившись, Уиллоби позвал:

— Афдал-хан!

— Сюда, саиб,— ответил незнакомый голос.

Уиллоби протиснулся между двумя зазубренными обломками и вскоре оказался на площадке, вроде естественного театра, образованной нависающим утесом и стеной скалы. Здесь могли бы свободно разместиться пятьдесят человек, но Уиллоби увидел лишь одного — высокого, сильного, скорее среднего возраста, чем молодого, человека в тюрбане и шелковом халате. Он стоял, гордо запрокинув голову, держа в руке широкую саблю и всем своим видом являя высокомерие.

Уиллоби сразу покинула нервная дрожь, которая, помимо его воли, не давала покоя, пока он шел по ущелью. Когда он заговорил, голос его зазвучал небрежно.

— Рад видеть тебя, Афдал-хан.

— И я вас, саиб,— ответил оракзай с ехидной улыбкой и дотронулся до острого лезвия своей сабли.— Вы не справились с возложен-

ной на вас миссией, но ваша смерть послужит мне не хуже!

Если бы Скалы разразились хохотом, Уиллоби не был бы так шокирован. Его прямо-таки затрясло от ярости.

— Что? Моя смерть? Афдал, ты сошел с ума?

— Что сделают англичане с Бабером Али? — спокойно спросил вождь.

— Потребуют, чтобы его судили за убийство Сулеймана, — ответил Уиллоби.

— И эмир повесит его, чтобы задобрить британцев! — невесело засмеялся Афдал-хан. — Но если вы умрете, никто ничего не узнает! Ба! Вы думаете, я позволю повесить моего дядю за то, что он убил этого пенджабского пса? Бабер совершил глупость, позволив своим людям лишить жизни этого индийца. Знай я заранее о его планах, я бы этому помешал. Но дело сделано, и я намерен его защитить. Эль Борак не так мудр, как я думал, иначе он бы понял, что я никогда не позволю наказать Бабера.

— Убив меня, ты погубишь себя, — напомнил Уиллоби, хотя губы не слушались его. Он увидел, как глаза оракзая засверкали жаждой убийства.

— А где свидетель, чтобы меня обвинить? По эту сторону Замка нет никого, кроме нас с вами. Я удалил моих людей и послал их в долину — боялся, что хотя бы один из них по глупости выстрелит и тем самым расстроит мой план... Вдобавок, я не очень-то доверяю моим людям. Иногда человека можно подку-

пить и убедить предать даже своего вождя. Перед рассветом я велел людям прочесать ущелье и эти Скалы — убедиться, что на меня не расставлено ловушек. Потом я пришел сюда. Они не знают, зачем я уединился. И никогда не узнают. Сегодня ночью, когда взойдет луна, люди Бабера обнаружат вашу голову в мешке у подножья лестницы Замка Акбара, и найдется сто человек, которые поклянутся, что она сброшена вниз Эль Бораком. А так как они и сами будут в это верить, никто не сочтет их лжецами. Я хочу, чтобы они в это поверили, потому что знаю, как хитры англичане в распознавании лжи. А потом я пошлю вашу голову в Форт Али Маджид с пятьюдесятью людьми, которые поклянутся, что вас убил Эль Борака. Британцы заставят эмира послать сюда войска с полевыми орудиями и прогнать Эль Борака из моего Замка. Кто ему поверит, даже если ему представится возможность сказать, что он вас не убивал?

— Гордон был прав! — беспомощно пробормотал Уиллоби. — Ты вероломный пес. Не согласишься ли рассказать мне, зачем ты навязал ему эту вражду?

— Конечно, ведь все равно через несколько мгновений вы умрете! Все дело в колодцах, расположенных на караванных путях. Я должен всецело владеть ими. Русские будут платить мне большую дань, чтобы я помогал им контрабандой провозить винтовки и снаряжение из Персии и Туркестана в Афганистан, Кашмир и Индию. Я буду помогать им, а они мне.

Когда-нибудь они сделают меня эмиром Афганистана.

— Гордон был прав,— только и смог произвести Уиллоби.— Как же он был прав! А перемирие, которого ты так хотел? Подозреваю, это была еще одна уловка?

— Конечно! Я хотел выгнать Эль Борака из моего Замка.

— Каким же я был безумцем,— пробормотал Уиллоби.

— Лучше помириться с Богом, чем бранить себя, саиб,— сказал Афдал-хан, поворачивая лезвие сабли так, что оно засверкало в ранних солнечных лучах.— Здесь только вы, я и Аллах, а Аллах ненавидит неверных! Сталь молчалива и надежна. Один быстрый и смертоносный удар, и ваша голова в моем распоряжении...

Он шагнул к Уиллоби. Англичанин стиснул зубы и крепко сжал кулаки. Он понимал, что бежать бесполезно — оракзай догонит его в одно мгновение. Столь же бесполезно было бросаться на противника и хватать его голыми руками, но это было все, что он мог сделать. Смерть настигнет его в прыжке, наступит темнота, и всем его планам и надеждам придет конец...

— Подожди минуту, Афдал-хан!

* * *

Голос был спокойным, но даже будь это внезапный резкий окрик, впечатление не было бы более устрашающим. Афдал-хан резко обернулся, застыл на месте, и сабля выскользнула у него

из пальцев. Лицо его стало мертвенно-бледным, и он медленно поднял руки.

Гордон стоял в расселине и пистолетом, который держал на уровне бедра, целился вождю прямо в живот. На губах Гордона играла лишь чуть заметная ухмылка, но в его черных глазах разгоралось горячее пламя.

— Эль Борак! — заикаясь от изумления, произнес Афдал-хан. — Эль Борак! — выкрикнул он внезапно, как сумасшедший. — Ты призрак! Дьявол! Скалы были пусты — мои люди их прочесали...

— Я прятался на выступе утеса у них над головой, — ответил Гордон, — и спустился сюда после того, как они ушли. Убери руки с пояса, Афдал-хан. В течение этого часа я мог сто раз пристрелить тебя, но мне хотелось, чтобы Уиллоби узнал, какой ты негодяй.

— Но я видел вас в Замке, — недоумевал Уиллоби, — вы спали в пещере...

— Вы видели Али-шаха, переодетого в мою одежду и притворяющегося спящим, — ответил Гордон, не спуская глаз с Афдал-хана. — Я боялся, как бы вы, узнав, что я не в Замке, не отказались от встречи с Афдалом. Вдруг я что-нибудь замышляю? Поэтому, забросив вашу записку в лагерь оракзаев, я вернулся в Замок, пока вы спали, отдал моим людям приказания и спрятался в ущелье. Видите ли, я был уверен, что Афдал не позволит наказать Бабера за то, что тот убил Сулеймана. Да он бы и не смог, даже если бы захотел. У Бабера слишком много последователей в Хоруке. Единственным спосо-

бом сохранить благосклонность эмира, не передавая Бабера в руки правосудия, было заткнуть вам рот. Тогда Афдал бы мог возложить всю вину на меня. Я не сомневался, что, получив записку, он придет сюда, и подозревал, что он собирается вас убить.

— Он мог меня убить,— пробормотал Уиллоби.

— Мое ружье было нацелено на него с того самого мгновения, как вы здесь появились. Если бы он привел с собой людей, я бы застрелил его еще до того, как вы покинули Замок. Увидев, что он намерен встретиться с вами один на один, я стал ждать, пока вы сами убедитесь, что это за зверь. Никакая опасность вам не угрожала.

— Я подумал, что он не мог так быстро добраться из Хорука.

— Я знал, что он не в Хоруке,— сказал Гордон.— Знал и то, что, обнаружив нас в Замке целыми и невредимыми, Бабер во всем сознается Афдал-хану, и что Афдал придет ему на помощь. Афдал стоял лагерем в полумиле за холмами, как всегда окруженный толпой воинов. Мне бы не пришлось трудиться доставлять вашу записку, если б я застрелил его еще тогда.

Черные глаза Афдал-хана снова сверкнули, и на его смуглой коже выступили бисеринки пота.

— Не собираетесь же вы хладнокровно убить его? — возразил Уиллоби.

— Нет. Я дам ему лучший шанс, чем он дал Юсуф-шаху.

Гордон сделал шаг к безмолвному патану, приставил дуло винтовки к его ребрам и выдернул из-за пояса Афдал-хана нож и револьвер. Он забросил это оружие в скалы и вынул свой пистолет. Затем американец обнажил стальную саблю, мягко проскрежетавшую о ножны. Голос Эль Борака звучал спокойно, но Уиллоби увидел, как у него на висках вздуваются узелки вен.

— Возьми свою саблю, Афдал-хан. Здесь нет никого, кроме англичанина, тебя, меня и Аллаха, а Аллах ненавидит свиней!

Афдал-хан зарычал, как загнанная в капкан пантера. Согнув колени, он дотянулся одной рукой до оружия и обрушился на Гордона, как лавина с Гималаев.

У Уиллоби перехватило дыхание при виде этого ослепительно жестокого наскока. Ему показалось, что рука Афдала только коснулась рукоятки, а его сабля уже опускалась на голову Гордона. Но по голове американца он не попал. Ожидая увидеть, как Гордон будет отражать атаку, Уиллоби начал припоминать слышанные им истории о том, как проворно Эль Борак орудует тяжелой, кривой гималайской саблей.

Афдал-хан был выше и тяжелее Гордона и быстр, как проголодавшийся волк. Он обрушивал удар за ударом со всей силой мускулистой руки, да так быстро, что Уиллоби мог следить за ударами только по непрерывному лязгу стали о сталь. Но эта порхающая сабля пока не нанесла ни одной раны Гордону: каждый смер-

тоносный удар при встрече с саблей противника кончался пустым звоном. Афдал-хан двигался гораздо энергичнее Гордона. Оракзай раскачивался, проворно поворачивался направо и налево, прыгал в разные стороны или кружил возле своего соперника, беспрестанно нанося сильные удары.

Чтобы избежать ударов, Гордон лишь поворачивал голову и изредка менял позицию, чтобы постоянно держать противника перед собой. Он стоял твердо, как скала, а его саблю было невозможно выбить из руки. Она легко выдерживала даже самые мощные удары патана.

Должно быть, его рука сделана из железа, думал Уиллоби, удивленно наблюдая за схваткой. Афдал-хан бил по сабле Эль Борака, как кузнец по наковальне, отчаянно пытаясь поставить американца на колени мощью своего натиска. Всей силой своих мускулов он давил на запястье Гордона, когда они застывали, скрестив сабли. Но Эль Борак не отступил ни на фут. Его оборона ничуть не ослабла.

Афдал-хан задыхался, по его смуглому лицу катился пот, а глаза сверкали, как у дикого зверя. Гордон же дышал совершенно спокойно. Казалось, град ударов совершенно не действовал на него.

Когда Афдал-хан почувствовал, что его силы убывают, он совсем обезумел.

— Пес! — тяжело выдохнул он, плюнул в лицо Гордону и, замахнувшись саблей, невероятным прыжком бросился вперед, готовясь нанести

удар, способный повалить даже дуб, и покончить с Гордоном.

Американец отскочил со скоростью, которая пристыдила бы даже раненую рысь. Уиллоби не мог уследить за его движениями — он видел только, что мощные удары Афдал-хана крушили лишь воздух, а сабля Гордона ослепительно сверкала в лучах восходящего солнца. Раздался удар металла, хруст ломающихся костей, и Афдал-хан зашатался. Гордон с тихим, безжалостным, как звон сабли, смехом сделал шаг назад, и по широкому лезвию закапала темно-красная кровь.

Лицо Афдал-хана мертвенно побледнело; он зашатался, как пьяный, глаза его расширились. Левую руку он прижал к боку, и между его пальцами засочилась кровь. Правой рукой он пытался поднять саблю, ставшую для него вдруг непомерно тяжелой.

— Аллах! — прохрипел он. — Аллах! — Ноги Афдал-хана подкосились, и он упал, как срубленное дерево.

Уиллоби в ужасе наклонился к нему.

— Господи, да он разрублен почти пополам! Как с такой раной можно прожить хоть пять секунд?

— Жителей холмов трудно убить, — ответил Гордон, стряхивая с лезвия красные капли. Взгляд его потух. Огонь, так долго сжигавший душу американца, наконец, погас, хотя кровь еще кипела в жилах.

— Можете возвращаться в Кабул и доложить эмиру, что вражде конец, — сказал он. —

По этой дороге скоро снова пойдут караваны из Персии.

— А как же Бабер Али?

— Он удрал ночью, когда провалилась его атака на Замок. Я видел, как он уходил из долины со своими людьми. Осада ему надоела. Люди Афдала еще в долине, но они убегут в Хорук, когда услышат о гибели своего вождя. Эмир объявит Бабера Али вне закона, как только вы вернетесь в Кабул. Мне больше нет нужды бояться клана Хорука; они будут рады согласиться на мир.

Уиллоби посмотрел на мертвеца. Как и клялся Гордон, вражде пришел конец. Американец все время был прав. Впрочем, для Уиллоби было новым и не слишком приятным испытанием то, что его в этой игре использовали, как пешку — точно так же, как он сам использовал столько мужчин и женщин.

Британец криво усмехнулся.

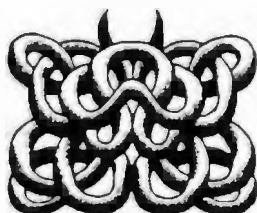
— Будь я проклят, Гордон, вы все время меня обманывали! Вы позволили мне поверить, что нас осаждает только Бабер Али, а Афдалхан защитит меня от своего дяди! Вы поставили ловушку на Афдал-хана, а мной воспользовались, как приманкой. Меня не покидает мысль, что, не придумай я эту комбинацию с письмом и телескопом, вы бы предложили ее сами!

— Я дам вам эскорт до Газраэля, где больше не осталось оракзаев, — помолчав, предложил Гордон.

— Черт возьми, приятель, если бы на протяжении последних сорока восьми часов вы не

спасали мою жизнь так часто, я бы поговорил с вами по-другому! Но Афдал-хан был негодяем и заслужил то, что получил. Не могу сказать, что мне нравятся ваши методы, но они эффективны! Вам следовало бы попробовать себя на секретной службе. Несколько лет таких успехов — и вы станете эмиром Афганистана!

ПРИЛОЖЕНИЕ ¹

*Фарнсуорту Райту
июль 1930 года*

Дорогой мистер Райт!

Я уже давно мечтал прочесть книгу Лавкрафта «Крысы в стенах» и, должен сказать, она полностью оправдала мои ожидания. Я был поражен силой его воображения. Не столько размахом и полетом фантазии, потому что это ха-

¹В настоящем томе продолжается публикация писем Роберта И. Говарда, начатая в томе «Воин снегов».

многих его произведений, но тем, какую странную и невообразимую задачу поставил он перед собой в этой книге. Несомненно, на этот раз он пошел по совершенно неведомому доселе пути, мысль о котором не могла прийти в голову ни одному философу или писателю — неважно, древнему или современному. Он создал невероятную словесную картину, изобразить которую на холсте мог бы разве что Доре. Он будит в нас мысль о невероятной чудовищности, о которой мы можем догадываться, глядя на *«Лесное привидение»* Кубина¹.

Кульминация этого произведения говорит о том, что Лавкрафт — непревзойденный, единственный в своем роде писатель; нет ни малейшего сомнения в том, что из всех людей, живущих на земле, он обладает самым необыкновенно устроенным мозгом.

Он может создать туманную, полную неясностей картину, которая будет выглядеть до ужаса реальной. Что касается кульминационного момента, то в воплях обезумевшей жертвы слышится вечный ужас, который удаляется и удаляется от нас, и, наконец, пропадает в непроницаемом сером тумане, висящем над новорожденной Землей — там, куда человек не решается перенестись даже в мыслях. Кроме того, я хочу сказать, что герой Лавкрафта говорит на гаэльском языке, а не на языке кимвров, — это значит, что речь идет об эпохе друидов и о том, что он придерживается теории Люйда² о завоевании Британии кельтами.

Обычно с этой теорией не соглашались, но я не думаю, что ее когда-либо сумели опровергнуть, и именно на ней основывался сюжет моего рассказа *«Потерянный народ»*³ о том, что кельты опередили кимвров в

¹ Альфред Кубин, иллюстратор и живописец. *«Лесное привидение»* датируется 1923 годом.

² Эдвард Люйд, 1660—1709.

³ *«Сверхъестественные истории»*, январь 1927 года.

завоевании Британии. Они проникли туда из Ирландии, а позже кимвры вытеснили этот народ из их владений. Бакстер¹, ученый муж, автор Британской энциклопедии, поддерживает эту точку зрения на том основании, что бригантам, которые считаются первыми кельтскими поселенцами в Британии, был незнаком звук «п», который не использовался в Британии до тех пор, пока в нее не пришли кимвры и бритты. Судя по всему, бриганты были из племени кельтов, что доказывает справедливость суждений Люида. Лично я придерживаюсь теории о том, что раньше появились кимвры, и полагаю, что до прихода кельтов племена бриттов населяли не только Британию и Шотландию, но также и Ирландию. Мне кажется, что происхождение светловолосых бриттов скорее всего арийское (кельты появились позднее), после чего они смешались с урало-алтайскими или средиземноморскими народами. Впрочем, каждый человек держится за свою собственную точку зрения, а писатель имеет право использовать в своих произведениях любые теории, как бы противоречивы они ни были. Быть может, однажды я напишу рассказ, в котором буду опираться на какую-то научную теорию, документы, антропологию — на все, что угодно, а на следующий день напишу историю, в которой будет утверждаться нечто абсолютно противоположное. Автор художественных произведений, задача которого развлекать и забавлять читателей, должен отдавать должное каждой теории. Но хватит об этом, я и так уже отнял у Вас слишком много времени.

*Искренне ваш,
Роберт Говард*

¹ Уильям Бакстер (1650—1723), *Glossarium Antiquitatum Britannicarum* (1719).

* * *

Лавкрафту
9 августа 1930 года¹

Дорогой Лавкрафт,

Для меня большая честь получить от вас письмо. Я уже много лет читаю ваши произведения и с полной искренностью могу сказать, что ни один писатель, античный или современный, не сравнится с вами, когда речь заходит о царстве фантастической литературы. Я понимаю, что благодарные читатели часто сравнивают любимого автора с Эдгаром По, но их сравнение редко основывается на каких-либо фактах или тщательном анализе. Но после длительного изучения произведений По, я был вынужден прийти к выводу, что по части «страшных историй» его превзошел Артур Мэйкен, но ни одному из них не удалось достичь высот поистине вселенского ужаса и открыть новые, необыкновенные тропы в царстве воображения, так как это удалось вам в *«Крысах в стенах»*, *«Изгнаннике»*, *«Ужасе в Ред Хуке»*, *«Зове Ктулху»* — я бы мог перечислить все ваши рассказы, которые я прочел, не рискуя ошибиться.

Большое спасибо за присланные вами стихи. Я бы с удовольствием прочел еще несколько. Особенно заинтериговало меня стихотворение *«Обитатель»*, поскольку в нем есть те же черты, которые характерны для ваших произведений в прозе: внезапные открытия в совершенно неожиданных местах, полные какого-то непонятного безумия, стремящегося вылиться в протяжном крике и прочно запечатлеться в голове читателя.

Я действительно польщен тем, что вы оценили мою работу в журнале *«Сверхъестественные истории»* и благодарен за ваши комментарии к моим рассказам.

¹ В ответ на письмо Лавкрафта, датированное 20-м июля 1930 года.

Я собираюсь отнять часть вашего драгоценного времени, чтобы доказать вам, что первыми поселенцами Британских островов были кимвры. Я не так серьезно знаком с данным вопросом, но он интересует меня чрезвычайно, быть может, потому, что в моих жилах течет толика галльской крови. Большинство авторитетов по этому вопросу противоречат друг другу и самим себе, и, возможно, под воздействием прочитанного мои взгляды тоже стали странными, даже абсурдными. Но я все-таки начну.

Разумеется, ваша теория, изложенная в письме, логична, прекрасно обоснована, ее весьма трудно опровергнуть (вернее, для этого недостаточно моих скудных знаний). Тем не менее, мне кажется, что в последнее время большинство исследователей склоняются к мысли, что отделение кельтов от бриттов произошло до завоевания Британии, а язык бриттов принадлежал к семье гаэльских языков, на которых разговаривали на континенте. Есть разница между бриттским и гаэльским, она уходит корнями в античные времена. Что касается современного кельтского языка, я придаю ему гораздо меньше значения, чем большинство ученых. Использование буквы «с» в гаэльском, в отличие от бриттского, говорит о том, что разница наметилась после того, как бритты отделились от кельтов, будь то на континенте или в Британии. Вы правы, говоря, что уэльский или кельтский имеют гораздо большее отношение к арийской языковой семье, нежели современный гаэльский язык. Я думаю, что кельтский язык настолько смешался со средиземноморскими, латинским, саксонским и скандинавскими языками, что в нем сохранилось очень мало от древнего кельтского языка. Но я считаю, что смешение произошло сравнительно поздно, и что язык древних галлов и бриттов был так же близок к арийским языкам, как и кельтский, за исключением того, что звуко сочетание «qu» сохранилось у кель-

тов дольше, чем у бриттов. Я говорю это к тому, что бритты раньше отделились от арийской языковой семьи и смешались с другими народами раньше, чем кельты.

Сейчас общепризнанной считается теория, что первые вторгшиеся на территорию Британии кельтские племена состояли преимущественно из гаэльских народов, которые расселились по всей территории Европы в конце неолита. После них, по мнению многих историков, последовали орды бриттов, которые подчинили кельтов и оттеснили их в Ирландию, Шотландию и, возможно, Корнуолл. Еще позже — около первого века до н.э. — другая волна кельтских племен хлынула в Ирландию, а вскоре они пришли и в Шотландию.

Моя теория противоречит этим взглядам, и, честно признаюсь, у меня нет никаких оснований для того или иного утверждения по этому вопросу, и я даже не буду пытаться доказать их правоту. Я не знаком с результатами новейших исследований, поэтому в моей теории имеется множество недостатков, которые очевидны даже мне самому.

Моя идея заключается в следующем: первыми, кто отделился от арийцев, были бритты, и именно они, а не кельты, помогли Европе вступить в бронзовый век. Подтверждением этих взглядов служит тот факт, что Цезарь обнаружил, что бритты все еще используют бронзовые и медные мечи. Если им, как утверждают некоторые историки, предшествовали кельты, которые были знакомы с бронзой и бежали, не выдержав натиска размахивающих железными мечами бриттов, непонятно, почему бритты не напали на римлян, используя эти железные мечи. Я считаю, что шотландские и ирландские кельты произошли от тех кельтов, которые остались жить на своей исконной родине, после того как бритты ушли на запад. Живя среди арийских племен, они в течение более длительного

времени сохраняли древний арийский язык. Я считаю, что когда они стали переселяться много веков спустя, то пошли в другом направлении, нежели бритты; они пришли к Средиземному морю и отправились дальше на запад вдоль его побережья, смешиваясь с народами, которые встречались им на пути. Вот почему изначально ученые считали ирландцев средиземноморским народом; по этой же причине в кельтском языке столько слов семитского и хамитского происхождения. Я не могу с полной уверенностью сказать, что кельты или древние ирландцы некоторое время оставались в Египте в качестве наемных солдат и что они жили в Испании прежде, чем прийти в Ирландию, хотя именно так говорится в преданиях. Ирландско-английский словарь О'Донована и О'Рейли — прекрасное подтверждение тому, что многие кельтские слова древнееврейского и греческого происхождения, хотя это, конечно, типично и для множества арийских языков.

Епископ О'Брайен из Клойна подверг осмеянию легенды о кельтах, в которых говорится, что они пришли из Скифии в Египет, а уже оттуда — в Ирландию, но признал, что кельты, без сомнения, были первыми поселенцами в Ирландии.

Я готов признать, что моя теория о завоевании кельтами Британских островов основывается главным образом на милезских (древнеирландских) преданиях. Я твердо убежден, что дальнейшие исследования докажут, что в этих преданиях содержится гораздо больше правды, чем мы привыкли считать. Гиббон попытался опровергнуть так называемую легенду о том, что истинной родиной шотландцев была Ирландия, утверждая, будто кельты, покинув Шотландию, переселились на какой-то небольшой остров, но было доказано обратное. Думаю, в скором времени окажется, что многие ирландские предания — вовсе не вымысел.

Я не поддерживаю теорию, которая утверждает, будто Партолан¹ и его последователи были кельтами. Не вижу причин считать, что первыми кельтскими завоевателями Ирландии были те же самые племена, которые завоевали ее впоследствии. Если Партолан и его люди были кельтами, а древние ирландцы пришли из Галлии, то каким же образом им удалось избежать владычества бриттов, которое, предположительно, продолжалось в течение длительного времени в промежутке между приходом Партолана и приходом древних ирландцев?

Я думаю, что Партолан и его люди были именно теми, кем изображает их ирландская легенда, а именно египетскими или финикийскими мореплавателями. Я думаю, что фоморийцы были финскими или германскими пиратами с полуострова Ютландия, а последовавшие за ними орды немейцев, фирболгов и Туата де Данаан и были завоевателями Британии, а возможно, и белги. Я думаю, что древние ирландцы были единственными подлинными кельтами, скифскими кельтами, которые потеряли связь с арийскими народами гораздо позже, чем бритты, которые после веков скитаний оказались, наконец, в Ирландии.

Другая, возможно, менее ясная причина: большинство галльских и бриттских народов были, похоже, светловолосыми, светлоглазыми, с типично арийскими чертами лица. Древние ирландцы же, напротив, были смуглыми, «с испанской внешностью», когда завоевали Ирландию. Но древние ирландцы или кельты получили от арийцев высокий рост и светлые глаза — преимущественно серые, — однако были смуглокожими и темноволосыми. Эти перемены могли произойти в Ирландии после ее завоева-

¹ Партолан упоминается в одном из ранних рассказов Лавкрафта.

ния, или, напротив, могли быть следствием того, что завоеватели смешались с их средиземноморскими подданными. Но мне кажется, что это указывает на то, что они долгое время жили бок о бок с хамитскими и урало-алтайскими народами, прежде чем пришли на Британские острова. Я думаю, что если арийские и средиземноморские народы действительно смешались между собой, это должно было произойти гораздо раньше. Но немейцы и люди из племени Туата де Данаан изображаются светловолосыми. Мне кажется, что типичные кельты должны быть высокими, сероглазыми и черноволосыми, хотя теперь их обычно изображают со светлыми волосами.

Но, в конце концов, все эти классификации не так уж важны, так как кельты, кимвры, бретонцы и многие другие — составляющие великого кельтского народа, который оставил о себе гораздо большую память, чем может показаться на первый взгляд, и сформировал базу для появления огромного количества современных языков, хотя его влияние с течением веков склонны уменьшать.

Должен просить у вас прощения за то, что отнял столько времени. Не ожидал, что я пушусь в такие длинные рассуждения и с таким множеством деталей. Надеюсь, я не слишком утомил вас.

Надеюсь, у вас найдется время и желание написать мне снова, когда вам будет удобно, так как я поистине наслаждался вашим письмом. Надеюсь, что смогу прочитать ваши новые произведения в «Сверхъестественных историях».

*Искренне Ваш,
Роберт Говард*

P.S. Я решил напечатать это письмо на пишущей машинке, как я обычно делаю. У меня настолько ужасный почерк, что я сам с трудом в нем разбираюсь.

* * *

Тевису Клайду Смиту
август 1930 года

Ну что ж, Фир Финн,
о моем рассказе¹ пока ничего не слышно, но в этом нет ничего странного, если учитывать, что о предыдущем, который я посылал в «Сверхъестественные истории», тоже нет никаких новостей. Вероятно, редактор в отпуске или еще что-нибудь в этом роде.

Я уверен, что тебе удастся продать рассказ в «Фикшн-хаус»². Тебе уже известно, что стало с теми рассказами, которые ты отсылал в «Снэппи»³ и прочие журналы? Надеюсь, хоть один твой рассказ примут к тому времени, как ты получишь это письмо. Я получил длинное письмо от Лавкрафта⁴. Этот парень чертовски умен и очень начитан. Он начинает с того, что мои доводы кажутся ему весьма логичными и убедительными, и что он вот-вот готов согласиться с моей точкой зрения. А затем следует около трех или четырех страниц, на которых он превращает в ничто все мои аргументы. Это человек совершенно иного духовного склада, нежели я. Я согласен сражаться с противником, который равен мне по силам, но мои жалкие попытки сразиться с ним напоминают боксерский матч, в котором против чемпиона выступает новичок. Думаю, мне следует задавать ему больше вопросов, когда я напишу следующее

¹ Несомненно, «Красные клинки черного Кая», отосланный в «Восточные истории».

² Возможно, речь идет о рассказе «Восьмерки начинают и выигрывают», написанном Смитом в 1930 году по сюжету Говарда.

³ «Снэппи» был «женским» журналом, аналогичным «Книге десяти рассказов».

⁴ Письмо Лавкрафта Говарду, датированное 20-м июля 1930 года.

письмо, а не излагать свои собственные соображения. Не подумай, что он склонил меня к своей точке зрения. Вовсе нет; я все равно продолжаю думать, что прав. Но я хочу побольше разузнать о тех вещах, о которых он наверняка хорошо осведомлен — о «темных» периодах истории, забытых цивилизациях, таинственных культах... Он говорит, что его юный друг Фрэнк Белнэп Лонг и Кларк Эштон Смит часто похвально отзывались о той чепухе, что я пишу. Ну что ж, я действительно рад этому.

Цитирую письмо Фарнсуорта: «Я очень доволен рассказом *«Красные клинки Черного Катая»* и могу использовать его в качестве главной истории третьего выпуска *«Восточных историй»*¹. Мы можем предложить вам 118 долларов за его публикацию, а также 118 долларов за *«Крылья в ночи»*, который будет опубликован в *«Сверхъестественных историях»*². Это наш обычный гонорар — по одному центу за слово».

Отвечай как можно скорее.

Фир Данн

* * *

Лавкрафту
август 1930 года

Уважаемый Лавкрафт!

Прежде всего позвольте мне поблагодарить вас за то, что вы дали мне возможность ознакомиться с вашими стихами; стоит ли говорить о том, как я ценю Вашу великодушие? Ваш цикл сонетов — это великолепный пример поистине творческой работы. Не мне судить, какие стихотворения являются самыми лучшими; я прочел все и с огромным удовольствием. Сказать, что одни были лучше других — то же самое, что утверждать, будто некоторые грани брилли-

¹ «Восточные истории», февраль—март 1931 года.

² Рассказ появился в июльском выпуске 1932 года.

алга уступают в блеске другим. Выражая предпочтения некоторым стихотворениям, я ни в коем случае не имею в виду, что остальные написаны не столь хорошо. Но меня особенно задело за живое *«Книга», «Признание», «Лампа», «Двор», «Звездные ветры», «Окно», «Колокола», «Мираж», «Древний Фарос», «Задний план» и «Отчуждение»*.

Я рад, что Вам понравился рассказ *«Луна черепов»*¹. Надеюсь, и следующие мои труды также заслужат ваше одобрение. Для меня также большой честью является то, что мистер Лонг и мистер Кларк Эштон Смит заметили и оценили мои старания. Я восхищаюсь этими писателями и храню все их (и ваши тоже) стихотворения, которые были опубликованы в *«Сверхъестественных историях»* с тех пор, как я стал работать в этом журнале.

Вряд ли я должен говорить, что нахожу ваши замечания по поводу современной истории и доисторических времен чрезвычайно интересными и поучительными. Вы в своем письме коснулись тех периодов, в области которых я позорно невежественен, а в тех случаях, когда наши взгляды расходились, я могу честно признать, что недостаточно образован для того, чтобы представить какие-то логические доводы. Особенно меня заинтересовали ваши замечания о древних монголах и о том, какой вклад они внесли в фольклор Западной Европы. Я, не вдаваясь в этот вопрос особенно глубоко, полагал, что эти предания возникли на основе тесного соприкосновения с мифами древних обитателей Средиземноморья, и даже написал об этом рассказ, вышедший в *«Сверхъестественных историях»* несколько лет назад, он называется *«Потерянная цивилизация»*. Мне кажутся совершенно справедливыми ваши слова о том, что именно у монголов позаимствованы многие легенды; я очень признателен вам за это объяснение.

¹ «Сверхъестественные истории», июнь 1930 года (часть 1), июль 1930 года (часть 2).

Что же касается Партолана, то легенды, которые я прочел о нем, отличаются друг от друга: в одних утверждается, что он родился в Греции, а в других — в Египте. Донн Бирн в своих лирических стихотворениях упоминает Партолана Египетского и говорит о том, что современные имена Мак-Партланд и Мак-Фарлэйн произошли от имени Партолан, хотя чума унесла большинство его потомков.

Мы с вами обсуждали влияние Востока на язык кельтов; вы правы, что не придаете этому вопросу большого значения. На самом деле, сходство гаэльского и семитского языков настолько трудноуловимо, что вряд ли стоит строить на этом основании какую-либо теорию. Хотя с точки зрения писателя, эта мысль кажется мне слишком заманчивой, чтобы полностью от нее отказаться. Что касается сходства кельтского языка с греческим, латынью и прочими арийскими языками... об этом и говорить не стоит. Также нет никакой особой нужды говорить о том, что сходство с семитскими языками — всего лишь ряд совпадений или слова, которые позже вошли в язык и заимствованы, возможно, из латыни. Я твердо уверен, что древний мир был связан более тесными узами, чем мы предполагаем.

Я слышал об одной интересной теории, выдвинутой историком, имя которого я не могу сейчас вспомнить (у меня хорошая память на лица и события, но я совершенно не способен запоминать имена и даты). Его мысль звучит примерно так: сначала Западную Европу заселили кочевые племена кельтов, язык которых и явился основой современного гаэльского; а этих кельтов оттеснили на окраинные земли более могущественные бритты, которые впоследствии разделились на галлов, белгов и кимвров. Легенда о Партолане относится ко времени первого заселения кельтами Ирландии, а эпидемия чумы, которая погубила большую их часть, началась во время вторжения бриттов, которые изгнали кельтов с принадлежащих им плодородных земель.

Со многим в этой теории можно согласиться, хотя и не со всем. Разумеется, не мне спорить с историком, но ведь у каждого историка свои взгляды, которые он отстаивает, поэтому даже такой необразованный человек, как я, вероятно, может делать свои собственные выводы.

Интересны домыслы профессора Смита¹, хотя и с ним я тоже не могу полностью согласиться. Так же, как и вы, я считаю, что цивилизация — это цепь естественных событий, и не могу утверждать, хорошо это или плохо.

А теперь я хотел бы полностью положиться на ваше великодушие. Я хочу сказать, что собираюсь задать вам несколько вопросов. В некоторых областях я позорно невежественен. Позвольте мне сперва сказать, что недостаток знаний в этих областях объясняется скорее отсутствием у меня какой-либо возможности узнать больше, нежели отсутствием интереса. Западный Техас нельзя назвать великой сокровищницей культуры; здесь практически невозможно достать книги о чем-либо необычном, таинственном, неразгаданном. Большую часть своей жизни я провел на ранчо, на фермах и в городах, охваченных нефтяной лихорадкой, где на сотни миль вокруг не было ни одного книжного магазина или библиотеки. Поэтому я читал урывками, в минуты, свободные от другой работы. Только последние несколько лет я смог посвятить сочинению рассказов и чтению, вот почему мой уровень знаний не совсем такой, каким он должен был бы быть.

Вот мои вопросы. Я заметил, что в ваших рассказах вы ссылаетесь на Ктулху, Йог Согота, Юггота, Р'лиеха. Адольф де Кастро², между прочим, тоже упоминает этих богов и эти края, но написание отличается: Ктулутл, Йог Сототл.

¹ Возможно, сэр Графтон Эллиот Смит (1871—1937). Был сторонником теории о том, что Египет — колыбель европейской цивилизации.

² В произведении де Кастро «*Электрический палач*» («Сверхъестественные истории», август 1930 года).

Не будет ли для вас затруднением сказать мне, каково значение вышеперечисленных имен и названий? Вы упоминали их в ваших рассказах, и они меня очень заинтересовали. Я был бы очень признателен, если бы вы рассказали мне об этом поподробнее¹.

*Искренне Ваш,
Роберт Говард*

* * *

*Тевису Клайду Смиту
сентябрь 1930 года*

Ну, Фир Финн, мой дерзкий и отважный друг, я наконец берусь за пишущую машинку, чтобы написать тебе письмо. Где вы были с Трузттом в прошлые выходные — в Остине?

Я все это время предавался лени и работал очень мало. На сегодняшний день не могу ничем похвастаться. С тех пор, как мы в последний раз виделись, я продал рассказ «Законы побережья» в «Фикшн-хаус»². Да, опять Стив Костиген, новый оригинальный сюжет: Стив ввязывается в кровавую битву, чтобы добыть немного денег, так как его обокрала какая-то мошенница. В этом журнале мне предложили за него семьдесят долларов.

Я получил письмо от Лавкрафта, в котором он, к моему большому огорчению, сообщает, что Ктулху, Р'лиех, Юттог, Йог Согот и прочие — всего лишь плоды его собственного воображения. Он пишет: «Все они упоминаются в трудах д-ра де Кастро, потому что этот джентльмен всего лишь мой клиент, в его рассказы я вставил этих персонажей просто для смеха. Если кто-либо еще из моих клиентов опубликует свои произведения в «Сверхъестественных историях», вы, наверное, найдете в них еще больше упоминаний о культе Ктулху и ему подобных. Некрономикон и Араб Абдул Аль-Хазред —

¹Лавкрафт ответил на это письмо 14 августа 1930 года.

²Опубликован под названием «Динамичный удар» в журнале «Бойцовские рассказы», январь 1931 года

тоже мои выдумки. Абдул — мой любимый персонаж, я сам называл себя так, когда мне было пять лет и я был в восторге от *«Арабских ночей»* в переводе Эндрю Лонга. Несколько лет назад я ради забавы задумал описать историю жизни Абдула. Лонг упоминал Некрономикон в некоторых написанных им вещах — на самом деле я считаю, что это довольно забавно: выдавать эти выдуманные мифы за настоящие, ссылаясь якобы на другой источник. Лонг так же, как и я, часто размышляет о том, что послужило сюжетом для легенды о ведьмах у Мэйкена. Я думаю, что они собственное изобретение Мэйкена, потому что я нигде больше не читал о них. Но Лонг до сих пор уверен, что источником мифа послужили какие-то реальные события. Вы не можете пролить свет на это?

Естественно, я ничего об этом не знаю, но, если Лавкрафт даст мне адрес Мэйкена, я напишу ему и спрошу об этом. Мне и самому было бы интересно узнать. И я собираюсь спросить Лавкрафта, нельзя ли мне использовать его мифологию в моих рассказах — в виде намеков, конечно. Ты знаешь, в *«Сверхъестественные истории»* пишет масса весьма образованных людей — исключая меня, конечно. Я обладаю лишь поверхностными познаниями по разным вопросам и гибким изощренным умом, который может дать мне возможность влиться в круг этих ученых мужей. Думаю, что человек, впервые встретившийся со мной, может сделать ложный вывод о том, что я хорошо начитан, так как я люблю обсуждать вещи, о которых не знаю ровным счетом ничего. Более близкое знакомство вскрывает тот факт, что все мои знания — поверхностны, вот почему образованные люди так быстро теряют ко мне интерес. Но хватит болтать — мне пора работать. Я не могу тратить слишком много времени на самообразование, а даже если бы и мог, то не стал бы. Когда же ты мне напишешь?

Фир Данн

СОДЕРЖАНИЕ

ХОЗЯИН СУДЬБЫ

Хозяин судьбы

Перевод с англ. Г. Усовой 5

ЧЕРНАЯ КНИГА

Повелитель мертвых

Перевод с англ. И. Буровой 161

Черная книга

Перевод с англ. А. Курич 221

МОЛЧАНИЕ ИДОЛА

Сокровища Тартара

Перевод с англ. Н. Дружининой 273

Молчание идола

Перевод с англ. Н. Дружининой 307

Ястреб с холмов

Перевод с англ. М. Райнер 345

Приложение

Перевод с англ. Т. Темкиной 427

Литературно-художественное издание

ГОВАРД РОБЕРТ ИРВИН

МОЛЧАНИЕ ИДОЛА

Составитель *Александр Тишинин*

Ответственный редактор *Наталья Баулина*

Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*

Главный художник *Сергей Шикин*

Художники *Владислав Асадуллин, Кирилл Рожков*

Художественный редактор *Андрей Татарко*

Верстка *Корнея Дамаскинского*

Корректор *Елена Зверькова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.07.98
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Гарнитура «Гарамонд».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52. Тираж 7000 экз. Заказ 585

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3

Для писем: 197046, Санкт-Петербург, а/я 771
E-mail: sevzap@infopro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати»
220013. Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Впервые в России!

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»

РОБЕРТА ГОВАРДА

**ВЫШЛИ В СВЕТ
СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:**

- Черный камень •
- Ночь волка •
- Гончие смерти •
- Проклятие океана •
- Клинок судьбы •
- Железный кулак •
- Кровь Богов •
- Лик смерча •
- Тень ястреба •
- Врата Империи •
- Знак огня •
- Воин снегов •
- Тропа войны •
- Брат бури •
- Молчание идола •

Впервые в России!
ЗНАМЕНИТАЯ ЭПОПЕЯ
МАЙКЛА МУРКОКА
"САГА ОБ ЭЛЬРИКЕ
МЕЛНИБОНЭЙСКОМ"

в 4-х томах

- ♦ ПОХИТИТЕЛИ СНОВ ♦
- ♦ СТРАЖ ХАОСА ♦
- ♦ МЕСТЬ РОЗЫ ♦
- ♦ ПРИНОСЯЩИЙ БУРЮ ♦

Читайте в серии
«Перекресток миров»
новые книги

Михаила Ахманова
Константина Бояндина
Андрея Валентинова
Сергея Герасимова
Андрея Дашкова
Святослава Логинова

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА
"СЕВЕРО-ЗАПАД"

ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ
"АСТ"

По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

собрание сочинений

Роберт Ирвин Говард

(1906 — 1936)

Великий Мастер фэнтези, создатель знаменитой «Саги о Конане» и автор более трехсот фантастических, мистических и приключенческих романов, повестей и рассказов.

**Радужный дым клочьями поплыл по
темному залу. Незримая рука сорвала
тяжелый полог — и я наконец узрел Стену
Мертвых.**

**С золотой плиты скалились черепа с
горящими рубинами в глазницах, и лишь
в верхнем ряду оставалось одно пустое
место. Свистящий шепот донесся откуда-то
сзади:**

— Это место — для тебя, человек...

•Северо-Запад®

